

До.г.пий Замойскій

ЗА ФАСАДОМ
МАСОНСКОГО
ХРАМА

Лоллий Замоийский

**ЗА ФАСАДОМ
МАСОНСКОГО
ХРАМА**

Взгляд на проблему

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 86.391

З-12

Замойский Лоллий Петрович

З-12 За фасадом мasonicкого храма: Взгляд на проблему.— М.: Политиздат, 1990.— 288 с.: ил.

ISBN 5—250—01315—5

В этой книге автор, журналист-международник, несколько лет проработавший в Париже и Риме, рассказывает об истоках мasonicкого движения, о роли масонов в экономической и политической жизни Запада. Автор, высказывая по ряду вопросов свою точку зрения, утверждает, что за мистическим покровом древней секты «вольных каменщиков» нередко скрываются интересы влиятельных кругов финансовой олигархии и военно-промышленного комплекса капиталистических стран.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся этой проблемой.

3 $\frac{0805000000-262}{079(02)-90}$ 203—91

ББК 86.391

Заведующий редакцией А. В. Никольский

Редактор Н. В. Попов

Младший редактор В. А. Зотова

Художник В. И. Андреев

Художественный редактор Е. А. Андрусенко

Технический редактор И. А. Золотарева

ИБ № 7340

Сдано в набор 20.11.89. Подписано в печать 03.04.90. А00058. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,30. Усл. кр.-отт. 14,88. Уч.-изд. л. 14,89. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 396. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—01315—5

© Л. П. ЗАМОЙСКИЙ, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Неподалеку от Вашингтона, в местечке Александрия (штат Виргиния) на холме Шутерс высится стометровое здание, которое венчает ступенчатая пирамида с прямоугольной аркой. Как объясняют гиды, прообразом строения явился маяк, возведенный древними в другой, египетской Александрии и считавшийся одним из семи чудес света. Здесь расположен Масонский Национальный Мемориал Джорджа Вашингтона.

Вход в Мемориал открывает шестиколонный портал в греческом стиле. Мраморный холл украшен бронзовой статуей первого американского президента, весящей восемь тонн. Джордж Вашингтон изображен в фартуке, с молотком в руке, при регалиях, обозначающих его принадлежность к старинному обществу франкмасонов («вольных каменщиков»).

Так называли строителей средневековых соборов, которым за умение возводить храмовые постройки было даровано право беспрепятственно переезжать из города в город (в отличие от обычных каменщиков, гильдии которых выполняли лишь местные подряды). Престиж «вольных каменщиков» подкреплялся их мифологическим багажом. Свою родословную они вели от строителей египетских «чудес света» и храма царя Соломона в Иерусалиме. Архитектурным познаниям и предметам своей профессии (циркуль, мастерок, наугольник и др.) они придавали философско-мистическое толкование. А для сохранения тайн ремесла ввели секретные ритуалы, пароли, особые знаки опознания, по которым удостоверялась принадлежность к той или иной категории профессии (ученик, подмастерье, мастер).

В цех «вольных каменщиков» вводились и те, кого привлекал «свет» знаний строителей, их «тайны», сплоченность. Позже среди масонов мы видим не профессиональных каменщиков, а «философских», или «спекулятивных»: лиц свободных профессий, военных, представителей аристократии. Они и составили ряды тех, кто способствовал появлению собственно ордена франкмасонов. Более подробно мы остановимся на этом процессе далее. А пока отметим, что, будучи майором британской колониальной армии, Джордж Вашингтон вступил в число «каменщиков» 4 ноября 1752 года в местечке Фредериксбург. Позже в Александрии он стал «первым досточтимым мастером», руководителем местной ложи № 22. Заседания этой ложи проходили под его председательством и в тот период, когда он возглавил борьбу за независимость Соединенных Штатов. В то время в ложи входили революционно настроенные сторонники освобождения страны от британского господства.

Вашингтон неоднократно заявлял о приверженности принципам масонства. Одна из надписей на стенах Мемориала гласит: «Будучи убежденным в том, что справедливое воплощение принципов, на коих основано масонское братство, должно способствовать личным достоинствам и обще-

ственному процветанию, я всегда буду счастлив выступать за интересы общества и считаться достойным братом. Джордж Вашингтон».

В знак признания заслуг Вашингтона перед Америкой в 1910 году 18 Великих лож США решили воздвигнуть этот монумент. Были собраны деньги, подвезен материал. И в 1923 году президент США Кулидж вместе с Верховным судьей Тафтом (оба «каменщики») окропили цементом первый камень. А еще через девять лет, в 1932 году, президент США Гувер торжественно открыл сооружение. И наконец, в 1950 году «Самый Досточтимый Брат», верховный руководитель американского масонства Гарри Трумэн представил публике статую Вашингтона.

Так завершилось многолетнее оформление наиболее известного монумента-музея, посвященного масонству США, страны, где это движение достигло наибольшей степени влияния.

Конечно, для того чтобы составить впечатление о масштабах масонского движения, уловить его особенности, важно было своими глазами увидеть Масонский Национальный Мемориал. Такая возможность представилась осенью 1988 года, когда мне пришлось освещать ход борьбы за президентский пост в США. Эта книга была к тому времени в основном закончена. Оставалось написать экскурс, объясняющий цели исследования, трудности и подводные камни на пути тех, кто посвящает усилия работе над этой нелегкой темой, а также методы их преодоления, общий подход к проблеме.

Знакомясь с экспозициями Мемориала Джорджа Вашингтона, приобретая в Вашингтоне и Нью-Йорке литературу, издаваемую самим орденом, я вместе с тем искал дополнительный материал, отвечающий на вопросы, которые вызывает масонская тема. Сколько возникало споров, какие гипотезы строились вокруг роли и назначения этого укрытого тайнами общества, сохранившегося до наших дней! Неизведанность его доктрин, многозначность ритуала-

лов, символика масонов — все это создало вокруг «братства» атмосферу загадки, породило любопытство, не остывающее и поныне. Вместе с тем это любопытство, да и серьезный интерес, который вызывает к себе исторический путь масонства, вряд ли в полной мере способны удовлетворить появляющиеся время от времени статьи, обзоры, редкие научные труды. Во многом наше представление о деятельности масонов все еще базируется на описаниях и анализе, с которыми знакомишься, читая «Войну и мир» Л. Толстого.

Поставим вопрос: почему работ по масонству в нашей стране до недавнего времени почти не было? Некоторые исследователи, например М. Ф. Зубков, пишут о «политическом «табу» 1920—1930-х годов, соблюдавшемся некоторыми советскими научными деятелями и в последующие десятилетия»¹. С этим мнением можно согласиться.

И даже теперь, когда после длительного молчания наконец приоткрылись шлюзы информации, она оказалась отрывочной, противоречивой, ее интерпретация — не всегда удовлетворительной.

Между тем ряд важных вопросов нуждается в непредвзятых, ясных ответах.

— Какова степень влияния масонов в мире? В чем оно, это влияние, выражается? В каких областях? На что вообще направлена их деятельность? Если, как говорят сами масоны, на благо человечества, какая им надобность окружать ее завесой секретности?

Польский историк Людвик Хасс, автор трехтомной монографии «Масонство в Средне-Восточной Европе»², охватывающей период от начала XVIII века до второй мировой войны, например, отмечает резкую поляризацию взглядов

¹ Вопросы истории, 1988, № 12. С. 128.

² *Hass L. Wolnomularstwo w Europie Srodkowo-Wschodniej w XVIII i XIX wieku.* Wrocław, 1982; *Ambicje, rachuby, rzeczywistosc. Wolnomularstwo w Europie Srodkowo-Wschodniej. 1905—1928.* Warszawa, 1984; *Zasady w godzinie próby. Wolnomularstwo w Europie Srodkowo-Wschodniej. 1929—1941.* Warszawa, 1987.

на движение «вольных каменщиков», в результате которой общественности навязывают ложные стереотипы толкования масонского движения. Одни из них рождаются из мистического взгляда на движение как всеобъемлющий заговор «против бога и морали», против народов и устоев власти, некое подпольное революционное «братство», тут поусердствовали как реакционная католическая публицистика, так и фашистская пропаганда. Другие — апологетические, вызваны легендами, которые распространяют о себе сами масоны, их идеологи. Легенды и антилегенды только мешают уяснить себе и без того сложную суть явления.

Сами масоны скупы на разъяснения. Во всяком случае, они не спешат ликвидировать «белое пятно», создавшееся в общественном мнении в отношении ряда аспектов их движения. «Человек с улицы», как отмечают их идеологи, не дорос до понимания основных масонских доктрин, к «истине» могут приблизиться лишь «посвященные», избранные. Но и им она откроется не сразу, а по мере возвышения по ступеням иерархии, установленной внутри тайного общества. Основная масса «каменщиков» остается до конца своих дней в «начальной» школе масонства, ее «голубом» этаже, вмещающем всего три первых степени — «учеников», «подмастерьев» и «мастеров». А выше проходят немногие, отсеиваясь на подступах к высшей для основного направления масонства 33-й степени. (Их может быть и 99.)

Но и здесь, на самом верху, внушают, что высшие познания возможны лишь через «откровения», их нужно познать скорее сердцем, чем умом.

«Но это, — замечают масоны, — не значит, что мы скрываем от вас нечто плохое. Мы добиваемся добра и справедливости. Разве не наш лозунг «свобода, равенство, братство» начертала на своих знаменах Великая французская революция? Разве не говорят о достоинствах «братства» имена входивших в его ряды Вольтера и Дидро, Байрона и Гёте, Моцарта и Гайдна, Гарибальди и Мадзини?»

«Постойте, — горячатся оппоненты, — все было бы просто, если бы в масонстве находились одни Пушкины и Карамзины, Робеспьеры и Мараты. Но отчего рядом с этими именами в списках лож можно найти палачей той же Французской революции, монархистов, банкиров, фашистов вроде Личо Джелли, руководителя масонской ложи «П-2»? А латиноамериканские диктаторы? В каком отношении они находятся к идеалам свободы, равенства и братства?»

Мнения о масонстве, таким образом, резко разделяются. Одни видят в деятельности общества главным образом воплощение недобрых, подспудных сил, повсеместно стремящихся к господству, власти, влиянию. «Да нет же! — восклицают сторонники масонства. — Масоны в самом деле действуют, презрев границы, но лишь с единственной целью — способствовать взаимопониманию народов, терпимости взглядов, совершенствованию личности, распространению гуманных взглядов». — «Душителю эти ваши масоны!» — «Нет, они освободители».

Начавшись в веках, этот спор не угасает. А если говорить о современности, то разговор о масонстве изобилует эмоциями в ущерб фактам. Порой он сводится к прямым спекуляциям. В зависимости от того, к какому лагерю принадлежат оппоненты, в ход идут одни и те же наборы обвинений или апологий. Верх берет желание уязвить соперника, приклеить ему ярлык, нежели разобраться, что к чему. В результате получается не обмен мнениями, а перепалка типа — «все вы масоны!» — «а вы черносотенцы».

Тут уж не до реального, объективного исследования, которого, безусловно, заслуживает явление. Но возможно ли такое исследование? Есть ли для этого достоверные исходные данные? Допускают ли это принципы самого масонства, в котором даже большая часть «братства» остается в неведении «высших истин», если работа лож, конференций масонства по большей части не фиксируется на бумаге? Не отсюда ли столь большое число в историческом плане всяче-

ских, в том числе самых диких, вымыслов и фальшивок, изобретенных противниками масонства, особенно из числа иезуитов.

То же, что печатают о себе масонские организации, та информация, которую они выдают для внешнего мира, для «профанов» (от греч. «про фане» — стоящие вне храма, посторонние, невежды), действительно, не дает полного представления о разных сторонах их деятельности. Тем не менее не станем пренебрегать и этим источником.

Тот, кто решается на свой страх и риск исследовать тайны ордена, его историю, составить собственное мнение, при первых же попытках общаться с его членами наталкивается на стену недоверия и подозрительности, рискует подвергнуться травле и диффамации. Одним из тех, кто попытался преодолеть стены «храма», за последние годы был английский журналист Стивен Найт, исследование которого «Братство. Секретный мир франкмасонов» (*Steven Knight. The Brotherhood. The Secret World of the Freemasons*) появилось на свет в 1983 году в стране, считающейся ныне колыбелью масонского движения — Великобритании. «Прежде всего, — отметил в предисловии Найт, — исследователь сталкивается с проблемой организованной секретности». Он привел текст закрытого коммюнике, выпущенного 10 июня 1981 года графом Кадоганом, руководителем Бюро общих целей масонской организации. Членам братства предлагалось «вежливо отказываться комментировать», если к ним «обратится какой-либо репортер». (Речь шла о самом Найте, который в то время разослал свою анкету ряду видных масонов страны.) «Нам нечего скрывать и, конечно, нечего стыдиться, — писал второй по значению руководитель английского масонства (номинально его возглавляет один из членов королевской семьи. С 1967 года Великим мастером Великой ложи Англии является Эдуард, герцог Кентский), — но мы возражаем против того, чтобы наши дела изучались посторонними... мы пришли к выводу, что молчание является лучшей практикой». Далее приводилась ссыл-

ка на старинные масонские правила — «Поведение в присутствии посторонних, не масонов».

«Вы должны быть осторожны в поведении и словах, чтобы даже самый проницательный посторонний не смог открыть или узнать то, чего ему не полагается знать. Иногда вам придется менять тему разговора и осторожно уводить его в сторону, в интересах чести достопочтенного братства»¹.

Другой собеседник Найта сформулировал древнее правило менее дипломатично — «не метать бисер перед свиньями». А чтобы увести посторонних «в сторону», если от них нельзя отвязаться, допустима и дезинформация. Некоторые собеседники, отмечал Найт, согласившись побеседовать, стремились подsunуть извращенную информацию. Расчет делался на то, что автор клюнет на приманку, опубликует явную чушь. Это скомпрометирует его самого и всю работу по сбору сведений о масонах.

Найту угрожали, старались подкупить, лишь бы он не публиковал свою книгу. Издательство расторгло с ним договор. Когда его труд вышел в другом издательстве, «братство» пыталось помешать его распространению. Найт не был исключением. «Интересно видеть, — замечал он, — как много работ, написанных о «братстве» не масонами, быстро исчезли из печати, несмотря на большой читательский спрос»².

В то же время брошюры, статьи, книги, рисующие масонство в идеальном свете и принадлежащие самим членам ордена, составляют большинство публикаций. В целом их немало. Найт подсчитал, что к 1950 году число книг и статей на эту тему приблизилось к 50 тысячам. Они тоже могут служить источником. Но их недостаток — неполнота сведений, как мы уже сказали, — очевиден.

¹ *Knight S. The Brotherhood. The Secret World of the Freemasons.* London, 1983. P. 7—8,

² *Ibid.* P. 9.

Вот почему, работая ряд лет над этой темой, чтобы не впадать в крайности, я стремился прежде всего к тому, чтобы придерживаться наиболее проверенных и достоверных фактов, сопоставлять с ними те или иные утверждения. Важно, видимо, руководствоваться принципами историзма, исходя из понимания, что движение, именуемое масонским, несмотря на все черты его секретности, рождалось и действовало в конкретной обстановке, было связано с определенными группами и прослойками общества, основными потоками общественной и политической жизни эпохи. Иначе трудно объяснить его долговечность, умение преодолевать спады и препятствия, накапливать силы и разрешать внутренние противоречия.

Хотелось бы в предварительном порядке высказать лишь некоторые общие соображения, которые сформировались в ходе изучения материалов по масонству, непосредственных наблюдений в период моей работы журналистом за рубежом, а также отдельных бесед с представителями масонства.

1. Генезис. Масонское движение родилось в недрах умирающего, но еще сильного феодализма. Основной его питательной средой были нарождавшаяся буржуазия, окружавшие ее лица «свободных профессий», многие представители ремесленных цехов. Стремясь утвердиться, поднимающийся класс сочетал борьбу за слом феодальных перегородок с попытками привлечь на свою сторону часть аристократии, просвещенную часть общества.

Полумистические формы движения масонов, укрывшихся в одежды средневекового цеха «вольных каменщиков», строителей храмов и монастырей, пользовавшихся привилегией беспрепятственного передвижения по государствам Европы, во многом обуславливались эпохой.

Это был период великого накопления сил, которым было суждено взорвать старый строй и бесповоротно изменить его. Но на первых порах разум, противостоявший догмам церкви, поиски философских истин, стремление познать мир,

чтобы лучше преобразовать его, еще упирались в мощные преграды. Свободная мысль уходила в подземелья тайных братств и там готовила свои скрижали. Путь ее не был прямым. Она причудливо шествовала по катакомбам, соседствуя с мистикой, алхимией, поисками эликсира вечной жизни, средств внезапного обогащения — философского камня. Взывала к духам, подобно доктору Фаусту. А находила на дне своих колб порох, фарфор, действительные средства излечения. От алхимии к химии, от суеверий к науке, от гадания на кофейной гуще к идеям просветительства — таков был путь сотен подобных подпольных лабораторий.

Буржуазия в то же время искала такую систему взглядов, которая освящала бы предпринимательство, считала бы «людей дела» солью земли, руководящей силой. Ей нужен был простор для преобразования мира в интересах нового динамичного класса, завоевания колоний, присвоения их богатств. Масонские ложи, как мы увидим далее, привлекали ее как системой взглядов, так и конспиративным типом организации.

2. Противоречия. Нередко ставит в тупик сочетание внутри масонства радикальных, демократических, освободительных тенденций с консервативными, крайне авторитарными, но это сочетание сложилось исторически. Когда речь шла о сломе феодального государства, изменении его надстроек, на первый план выходило первое направление. Так было в период Великой французской революции, Рисорджименто в Италии, борьбы Соединенных Штатов и других стран Америки против колониальной зависимости. На смену Робеспьеру, Марату, Боливару, Мадзини, Гарибальди, однако, пришли Бонапарты и Тьеры, банкиры и латифундисты. Позже мы находим среди представителей масонского ордена и фашистов, и диктаторов Латинской Америки. Будучи в основе буржуазным, масонство правело вместе с буржуазией.

На поверхности эти противоречия выливались в борьбу и даже расколы между отдельными направлениями масон-

ства, его «обрядами». В настоящее время в мировом масонстве доминирует англосаксонское консервативное направление, «шотландский обряд». Но свои позиции сохраняет и «отлученный», то есть лишенный официального признания Лондона, либеральный французский «Великий Восток». Впрочем, окончательного разрыва между ними нет. Консерваторам важно сохранять позиции и на левом фланге мировой политики, напоминать о своем «освободительном» прошлом. Что же касается ритуальных различий внутри масонства, то они укладываются в формулу «единство в многообразии». Такого рода плюрализм позволяет масонству привлекать сторонников, политически отстоящих друг от друга весьма далеко, а затем канализировать их движение так, чтобы разные колонны маршировали параллельно, в одном, по сути дела, направлении.

3. Масонство и масоны. Вряд ли можно ставить знак равенства между руководящей группой масонства и теми, кто вступал в его ряды, не зная об истинных целях движения. В ряды «каменщиков» входило немало людей, искренне верящих в лозунги и постулаты о свободе и братстве, принципы, под которыми мог бы подписаться любой человек, стремящийся к справедливости, благу человечества. Именно эти декларируемые цели и привлекали в ряды масонства ярких и одаренных мыслителей прошлого, гениев искусства и науки, Пушкина и декабристов в России и многих других, кто видел смысл жизни в борьбе за освобождение народов от угнетения, тирании вековых предрассудков.

Двойственность установок основного ядра масонства, на наш взгляд, было бы неверно переносить на тех, кто, вступая в ряды движения, был искренен в своих идеалах и убежден, что эти идеалы и являются главным в масонстве.

4 Численность «братства». Данные расходятся. Если взять за основу официальное издание — «Масоник уорлд гайд» Кента У. Гендерсона (Лондон, 1984), то в нем приведены цифры лишь по 62 странам, где имеются признанные Лондоном масонские ложи. Отсутствует, например, стати-

стика по таким странам, как Япония, Испания. В ряде случаев цифры явно занижены. Так, по ФРГ дается численность в 21 тысячу. (Перед второй мировой войной там было около 100 тысяч масонов, а сейчас, по некоторым данным, — до 80 тысяч.) Урезаны данные по Португалии, Италии, Франции, Индии, Мексике. Полностью исключены сведения о «нерегулярных» масонах. Речь идет о весьма внушительном отряде «Великого Востока Франции» — его филиалах в романоязычных странах. Игнорируются и многочисленные отряды «братьев» в США, Англии и т. д. Достаточно сказать, что нет статистики по негритянскому масонству, названному по имени его основателя «Принс Холл», за которым пошло много последователей.

Но и в этом случае данные справочника Гендерсона внушительны. Общая численность названных им масонских лож приближается к 34 тысячам. А учтенных масонов «шотландского обряда» — около 5 миллионов. Центральное их ядро сосредоточено в США и Англии (по справочнику Гендерсона — более 4 миллионов). Связанные с ними ложи охватывают помимо Европы и Америки также Африку, Азию и Австралию.

Французская «Монд» отводит англосаксонскому масонству более 6 миллионов адептов, а поклонникам «Великого Востока» — еще до 300 тысяч. Другие источники дают на 60-е годы нашего века уже 8 миллионов.

Подобный разнобой, многочисленные «белые пятна» позволяют предполагать, что реальная численность «каменщиков» значительно выше. Ряд исследователей называет общее число масонов в 30 миллионов. Другие считают ближе к истине ориентировочную цифру в 10—12 миллионов человек.

5. Влияние. Дело не только и не столько в численности, сколько в характере организации, ее реальном влиянии. Масонство обладает многослойной и гибкой структурой. В основании расположена наиболее многочисленная, но наименее «породистая» армия лож, членам которых открыты лишь

три первые ступени посвящения. Сюда, как правило, входят средние собственники, коммерсанты, чиновничество, лица «свободных профессий», полицейские и т. д. Они порой даже не осведомлены, что есть куда более высокие степени посвящения и руководство их действиями осуществляется именно с верхних этажей.

Лишь на первый взгляд «братство» выглядит полиморфно, воспринимается как нечто расплывшееся. По мере того как знакомишься глубже с его структурой, методами отбора и воспитания последователей, убеждаешься, что общество «вольных каменщиков» отработало эффективные методы, позволяющие ему продвигать на высшие ступени масонской «пирамиды» «избранных среди избранных». А те, опираясь на позиции в финансах, экономике, политике, в свою очередь, занимают важные посты в руководстве ряда ведущих стран Запада (США, Англии, Франции и др.).

Встает немаловажный вопрос о степени влияния масонства на мировые события, ход истории. Думается, что ответ не может лежать на поверхности. Часть ученых, в том числе и у нас, отрицает за масонством сколько-нибудь существенную роль, вообще заявляет, что заниматься этой проблемой значит отвлекаться от классового подхода, марксистско-ленинского анализа. Но ведь эти подход и анализ применимы и к самому масонству.

В этой книге содержится попытка осмысления пути и сущности масонства, его тенденций. Абсолютизировать его власть и влияние, исходить из неизменности его установок в веках вряд ли разумно. Но и закрывать глаза на его роль нельзя. Масонство — исторически обусловленное явление. В какие-то периоды оно играло большую, в какие-то — меньшую роль. Какую конкретно? Уяснить себе его истинную роль можно только на основе анализа конкретных фактов, их сопоставления.

Что же касается советов вообще не изучать данную тему, не «отвлекаться» на нее, то хотелось бы заметить — об излишке усердия историков и публицистов в этой области го-

ворить не приходится. Темой масонства у нас долгое время пренебрегали. Именно отсутствие настоящих исследований и приводит к тому, что иногда приходится слышать крайние, необдуманные выпады и утверждения там, где должны были бы сказать свое веское слово специалисты.

Последний капитальный труд о масонах — «Масонство в его прошлом и настоящем» с участием Е. Тарле и других видных исследователей появился в России в дореволюционный период. В советское время публиковались отдельные, порой интересные, глубокие работы, но речь шла или о статьях по узким аспектам темы, или же о разделах в книгах (как, например, в статьях о декабристах или в монографии Т. Алексеевой о В. Л. Боровиковском). Но при всей своей ценности они не могут заменить усилий исследователей.

Лишь в конце 70 — начале 80-х годов в данной области работа оживилась. Это связано прежде всего с обнародованием на Западе фактов использования масонских каналов для подрывной деятельности против социалистических стран, например во время политического кризиса в Польше, действиями США против собственных союзников («П-2»), с появлением новых мемуаров эмигрантов о роли российского масонства, например книги «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» Н. Берберовой.

В конце 1987 года появляется книга Е. Б. Черняка «Невидимые империи» (издательство «Мысль»), где дается обширный материал по истории масонства, его течениям, сопровождавшим его деятельность поклепам и скандалам, в том числе и современным, включая разоблачение «П-2». Автор отмечает, что некоторые международные клубы капиталистов и политиков носят масонский характер.

Надо отметить, что в это время продолжали выходить на Западе как новые, временами весьма объемистые материалы по франкмасонству, подготовленные исследователями, связанными с «братством», так и «контррасследования». В ряду первых можно отметить переиздание в ФРГ фундаментальной работы Ленхоффа и Познера «Международ-

ный лексикон свободного каменщика» (Мюнхен, 1980), в которой приводятся персоналии основных деятелей масонского движения, дается словарь терминологии масонов. Осенью 1987 года в Париже издан объемистый исторический словарь франкмасонов, ценный тем, что в нем помимо исторических сведений содержится материал и о большом числе современных политических деятелей Франции, включая членов правящих кабинетов, депутатов, одновременно выполняющих руководящие функции во французском и международном масонстве. В Англии в 1986 году издана работа «Ремесло, история английского франкмасонства» Джона Хэмилла, главного библиотекаря Объединенной Великой ложи Англии. Она написана в порядке полемики с трудом Найта, о котором мы уже упоминали. Также в ответ на разоблачения Найта появилась книга «Молчаливое братство» Юргена Холторфа в ФРГ (1984).

Эти публикации, несмотря на свои апологетические цели, несколько расширяют представление о масштабах масонского движения, обогащают знания о его истории, высвечивают роль ряда государственных деятелей Запада — масонов.

Периодически те или иные данные появляются в западной прессе. Некоторые из них весьма скупы, как, например, сообщение «Монд» о всемирном слете масонов в Париже в мае 1987 года, на котором обсуждалась тема «Место франкмасонства в современном мире» (однако результаты дискуссии так и не были обнародованы), или же отчеты о заседаниях Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии, связанных с международным масонством. (В заключительной части нашей книги мы остановимся на этих импульсах, которые появляются в средствах массовой информации.)

Порой, однако, они носят и не менее сенсационный характер, чем сведения о раскрытии подрывной деятельности ложи «П-2». Так, в октябре 1988 года в Париже было объявлено о мемуарах Жана-Эмиля Вие, бывшего директора

французской разведки, в которых содержится разоблачение, равное по силе разве что раскрытию подрывной деятельности ложи «П-2». Оказывается, Великий магистр одного из ведущих направлений масонских лож в стране — «Великий Восток Франции» Мишель Баруэн являлся полицейским, бывшим контрразведчиком, внедренным в масонство. Свои осведомительские функции он успешно сочетал с бизнесом, став генеральным директором крупной компании. 5 февраля 1987 года М. Баруэн погиб во время авиакатастрофы в Камеруне. Выдвигались предположения, что смерть его была связана с какими-то обстоятельствами его миссии в данной стране.

Той же осенью 1988 года в Афинах вышла книга К. Царухаса «Масонство в Греции». Автор указывает на тесную связь греческих масонских лож с ЦРУ и итальянской масонской ложей «П-2».

Эти примеры показывают, что, хотя знакомство с внутренним миром «каменщиков» является трудоемким процессом, оно все же возможно, как возможно и сопоставление фактов, их анализ, объективное исследование.

Надо сказать, что весьма энергично занимаются исследованиями в данной области ученые ряда стран Восточной Европы.

В Польше в 1982—1987 годах появились три тома монографии Людвика Хасса «Масонство в Средне-Восточной Европе», в 1984 году там же опубликована книга Леона Хайна «Польское масонство, 1920—1938». В Венгерской Республике вопросам масонства посвящены исследования Жужи Л. Надь. Последняя книга вышла в 1988 году. В 1986 году издана книга Величко Георгиева «Масонство в Болгарии».

Должен подчеркнуть, что наряду со специальными исследованиями оказались очень интересными анализ художественных произведений писателей и поэтов-масонов (Гёте, Байрон и др.), в которых отражены некоторые идеи масонства, а также чтение художественных произведений, затрагивающих масонскую тематику (Л. Толстой, Ф. До-

стоевский, а в последующее время А. Виноградов, О. Форш, Э. Скобелев).

Если этого было достаточно для того, чтобы определить общий взгляд на исторический аспект движения, этапы его развития, приведшие к выходу на международную арену, то значительно сложнее было понять, куда же идет масонство в наши дни, чего от него можно ожидать, каковы его дальние цели. Упомянувшееся сообщение в «Монд» демонстрирует типичные рамки самоцензуры масонства. И вряд ли удалось бы основательно заглянуть за фасад масонского храма, если бы не некоторые события последнего десятилетия, приоткрывшие «лик Изиды» и позволившие узреть некоторые тщательно оберегаемые тайны «строителей храма».

Прежде всего мы имеем в виду разоблачение в Италии заговора масонской ложи «Пропаганда-2», возглавляемой Личо Джелли. Оно вызвало первое в истории масонства парламентское расследование его социально-политических концепций, методов, действий. Что особенно важно — расследование раскрыло контуры масонских международных связей, взаимоотношения его национальных «пирамид». Судебное расследование действий ложи «П-2» прояснило ее причастность к ряду преступлений, совершенных на итальянской земле, от попыток путчей до террористических акций.

Конечно, многое остается в тени. На помощь Личо Джелли были мобилизованы немалые силы в верхушке ряда политических партий, банковских кругов, армии, в судебном аппарате, прокуратуре.

Но и того, что удалось установить, хватает, чтобы от гипотез перейти к констатациям, стоящим на почве фактов. А это важно. Повествование о печально знаменитой ложе облегчено автору тем, что ряд лет ему приходилось освещать события в Италии, сперва как корреспонденту «Известий» в Риме, затем как корреспонденту «Литературной газеты» в Париже.

Итак, события в Италии — окно в тайники современного масонского мира. Заглянем же туда.

Глава 1

„ПИРАМИДА“, ОПРОКИНУВШАЯСЯ НА ИТАЛИЮ

Ложя «П-2» — теневое правительство — Можно ли считать их правоверными масонами? — Причины возвышения Джелли — Мессия от ЦРУ — Перманентный заговор — Как организовывалась «стратегия напряженности»? — Тот, кто касается проводов, умирает — «Опасная фигура» Альдо Моро — «Гиперион» — прикрытие ЦРУ — Гибель банкиров ложжи Джелли — «Почтенный магистр» уходит, империя остается

В ночь на 18 марта 1981 года итальянская полиция произвела в городке Кастильон Фибокки обыск в кабинете Личо Джелли. Полиция искала там бумаги, которые могли бы пролить свет на махинации друга Джелли, сицилийско-

го банкира Микеле Синдоны. Синдона был к тому времени под арестом в США, где его ждал суд по обвинению в финансовых махинациях, которые повлекли за собой крах принадлежавшего ему американского банка «Франклин». Нити преступных комбинаций вели в Италию.

Обыск в кабинете Джелли дал разочаровывающие результаты: документов по синдоновским делам там не было. Были найдены зато какие-то списки с фамилиями, суммами взносов, номерами билетов, которым полицейские вначале не придали особого значения. Однако, когда они попали к премьер-министру Италии Форлани, тот пришел в смещение. Найденные полицией документы имели куда большую взрывчатую силу, чем возможные свидетельства жульничества Синдоны.

Были найдены списки членов ложи «П-2». Форлани колебался, прежде чем позволить их опубликовать. Он понимал, что в этом случае разразится правительственный кризис: ведь в ложе «П-2» числились три министра его кабинета, причем сразу от трех правящих партий — христианских демократов, социал-демократов (секретарь этой партии П. Лонго) и социалистов. В тех же бумагах значились советник президента Италии Пичелла, главы личных кабинетов министров, десятки парламентариев. Но и это было далеко не все. Среди примерно тысячи имен и фамилий здесь оказались имена всех трех руководителей секретных служб Италии: генералов Сантовито (СИСМИ, служба министерства обороны), Грассини (СИСДЕ, служба министерства внутренних дел) и Пелози (ЧЕСИС, координационный комитет секретных служб).

Сюда следовало прибавить их заместителей, а также двоих бывших руководителей СИСМИ — СИД (старое название службы) генералов Малетти и Мичели. Мичели, ставший депутатом от неофашистской партии, не раз вызывался в суд по обвинению в попустительстве государственным заговорам, имевшим целью установить в Италии военно-фашистскую диктатуру по образцу греческой. Но

паноптикум не кончался и на этом. За ними следовали руководители так называемой «финансовой гвардии», в задачи которой входит борьба с контрабандой, финансовыми злоупотреблениями. К ним примыкали ведущие работники прокуратуры и судебного аппарата во главе с генеральным прокурором Итальянской Республики Спаньюоло. По заданию Джелли он специально хлопотал о вызволении Синдоны из рук правосудия, но безуспешно — Синдона был осужден на 25 лет тюрьмы в США. В марте 1986 года Синдона после повторного процесса в Милане, где он был осужден к пожизненному заключению, был отравлен в итальянской тюрьме.

В списке был представлен внушительный ряд банкиров, крупных промышленников, руководителей государственных предприятий, отборная экономическая элита Италии. Экономические министерства страны были представлены в «П-2» на редкость мощными отрядами: 67 человек от министерства казначейства, 52 — от министерства финансов, 21 — от министерства по делам государственного участия в предприятиях, 13 — от министерства промышленности и торговли. Особое внимание было уделено секторам, ведающим валютными операциями, которые полностью контролировались ложей «П-2».

МИД тоже фигурировал на весьма высоком уровне. Его группу возглавлял генеральный секретарь итальянского ведомства внешней политики. Его дополнял директор центральной бухгалтерии МИДа. Деньги и формирование кадров дипломатии были в руках Джелли!

Но все рекорды били военные. Министерство обороны дало ложе 152 высших чиновника. К ним следует добавить 195 военных чинов. Лишь один среди них был капитаном, остальные в основном полковники, генералы, а также адмиралы. И какие! Адмирал Торриззи возглавлял в конце 70-х годов генеральный штаб итальянских военно-морских сил, а с 1980 по 1981 год — генеральный штаб министерства обороны. Адмирал Биринделли являлся заместителем

главнокомандующего военно-морскими силами НАТО по Южной Европе.

Их роднила одна общая черта — это были, так сказать, «беспокойные военные». Имена их проходили то по одному, то по другому делу о попытках переворотов в стране. В политическом отношении они тяготели к крайне правым взглядам. Биринделли подобно Мичели числился в неофашистской партии «Мовименто сочиале итальяно» (МСИ) и был избран от «миссини», как сокращенно зовут фашистов в их стране, в парламент.

В заключении парламентской комиссии Италии, расследовавшей деяния ложи «П-2», констатируется, что ложа Джелли располагала представителями военных «самой высокой квалификации и состояла из персонажей, которые зачастую играли центральную роль в событиях особого значения в недавней истории страны, в том числе подрывного характера».

Сама ложа была организована наподобие штаба для всестороннего управления страной. Она подразделялась на профессиональные секторы (17 или 18), с помощью которых можно было контролировать жизненные отрасли национальной деятельности. Впрочем, влияние ложи распространялось за пределы Италии. В нее входили десятки крупных военных деятелей и политиков Аргентины, Бразилии и Либерии. К ложе были близки президент Египта Садат, иранский шах. Списки к тому же были неполными. Сам Джелли в интервью «Эспрессо» от 10 июля 1976 года назвал общее число в 2400 членов, хотя позже опроверг эти данные. Есть сведения, что в период пика своего влияния ложа насчитывала до трех тысяч человек.

Конечно, «П-2», претендовавшую на руководство страной, нельзя отнести к банальным ложам, на которых во всех странах, где развито масонское движение, базируется его повседневная деятельность. Она является особой. И статус ее был специально оговорен... сто лет назад. Да, именно в 1885 году банкир Адриано Лемми, имевший титул Вели-

кого магистра «Великого Востока Италии», создал ложу «Пропаганда массона № 2». Ей было присвоено название ложи «Пропаганда», будто бы действовавшей в древности в Александрии (Египет).

Она была задумана как закрытая, секретная ложа особого назначения. Вот как ее характеризует член «П-2» Пьер Карпи в своей книге «Дело Джелли»: «Ложа «П-2» объединяет масонов Италии, а также и других стран, которые благодаря общественным постам, которые они занимают, ввиду известности своих имен, важности и деликатности своих «светских» функций, образуют элиту как среди собственно масонства, так и в целом в масштабе своих государств»¹.

Карпи обходит вопрос о ее назначении, но вряд ли здесь возникает неясность. Такие ложи (а они есть и в других странах) являются ведущими, они — «зеница ока», если употребить термин Карпи. Их цель — подчинять своему контролю политику этих стран, влиять на их важнейшие решения. Если они достигают таких высот, как в Италии, то способны на фактическую узурпацию власти.

О составе подобных «суперлож» осведомлен лишь Великий магистр, верховный руководитель масонства данной страны. Попасть в них можно лишь благодаря кооптации по воле Великого магистра либо быть принятым по особому ритуалу, исключаящему участие лишних лиц. Это посвящение зовется «на острие меча» либо «на ушко магистра». Они становятся «братьями по памяти». Члены «суперложи» сами не знают ее полный состав. Входящие в нее влиятельные лица известны лишь Великому магистру либо лицу, его замещающему. Таким лицом, практически отстранившим Великого магистра и Высший масонский совет Италии, стал Личо Джелли.

Прежде чем перейти к истории возвышения Джелли, закономерно задать вопрос: не был ли данный случай чем-то выходящим за пределы правил масонского общежития? Иными словами, правомерно ли на основании анатомиче-

¹ *Carpi P. Il caso Gelli. Bologna, 1982. P. 128.*

ского разреза ложи «П-2» и исследования совершенных ею неблагоприятных и просто преступных деяний распространять такой пример на практику международного масонства?

Можно было, например, слышать заявления руководителей итальянского масонства, в частности занявшего в 80-е годы пост Великого магистра Армандо Короны, о том, что ложа Джелли была «еретической», вышла за рамки действий, разрешенных уставами «каменщиков». Можно вспомнить даже и решение итальянских лож, принятое в декабре 1974 года, об упразднении данной ложи. Да, это так. Но уже в мае следующего года декретом Великого магистра Сальвини ложа «П-2» была восстановлена, подчинена лично Сальвини. «Остается согласованным,— писал тогда Джелли Великому магистру,— что настоящая ложа будет иметь общенациональную юрисдикцию, а входящие в нее братья не будут фигурировать в официальных списках «Великого Востока Италии».

В марте 1981 года, когда над Джелли нависла опасность публичного разоблачения и списки ложи попали в руки правительства, представители всех 620 лож Италии выразили доверие ложе «П-2», заявив, что не видят никаких нарушений в ее практике. А позднейший их маневр с «осуждением» был продиктован мотивами самозащиты, а отнюдь не принципиальными соображениями.

Вот почему, отмечая ряд аномалий ложи «П-2», комиссия итальянского парламента, состоявшая из представителей практически всех конституционных партий страны, пришла к выводу, что, хотя «ложа «П-2» уже не может называться просто закрытой, речь идет о секретном обществе, вместе с тем не вызывает сомнений, что она остается масонской ложей и действует в рамках правил секретности, установленных для себя масонством»*.

* Здесь и далее — выдержки из заключения комиссии итальянского парламента по «П-2» приводятся на основании текста, опубликованного в приложении журнала «Эспрессо» (Speciale l'Espresso. 1984. 20 maggio).

Комментируя вывод, составители документа дают следующую трактовку, важную для общего взгляда на масонство и его место в современном обществе.

«Эти рассуждения,— пишут авторы документа,— ведут нас к самому сердцу проблемы и позволяют рассматривать вопрос о закрытом характере масонства в более широком контексте, имея в виду роль данной организации, которую она может играть законно в рамках демократического общества.

Если обратиться к содержанию самих масонских доктрин, например известному триному принципам — Свобода — Братство — Равенство, то нельзя не констатировать, что формы культивирования секретности плохо с ними согласуются.

Одно из двух: либо моральный цемент объединения законен и тогда права, гарантированные конституцией всем гражданам, не оставляют места для закрытости, либо причины существования ассоциации иные. Тогда объединение привязано к секретным предпосылкам и само является секретным, и для него нет места при данном общественном устройстве».

Конечно, выводы комиссии не могли иметь запретительного характера. И масонство в Италии, проведя косметический ремонт и переливание ряда «братьев» из «криминальных» лож в обычные, здравствует и процветает*. Но важнее уяснить не юридические, а морально-этические аспекты заключения парламентской комиссии. А они неразрывно связаны с политическими аспектами. Ведь масонство, как можно судить по его документам, о которых мы упоминали во введении, на своих знаменах написало вели-

* 18 марта 1987 года итальянская газета «Република» констатировала: «Согласно источникам из «Великого Востока Италии», число масонов в организации сейчас сильно возрастает после спада начала 80-х годов, вызванного взрывом «скандала Джелли». А секретарь христианско-демократической партии Ч. Де Мита в начале 1988 года заявил, что и сама «П-2» продолжает «здоровствовать».

кие слова о свободе, равенстве и братстве, о правах человека. Выступая под знаменами этих высших добродетелей человечества и борьбы за демократию, современное масонство обнаруживает при пристальном анализе, неустранимое противоречие между этими внешними целями и постулатами и внутренним своим строением и деятельностью. Правда, эту червоточину в яблоке масонства отмечали и раньше многие из тех, кто вначале следовал его установкам безоглядно и увлеченно.

А сейчас вернемся к ложе «П-2» и ее «демнургу» Личо Джелли. Уроженец г. Пистойя, находящегося в Тоскане, области, в которой возникла в Италии первая из современных масонских лож, Личо Джелли первоначально не имел отношения к масонскому движению.

За слабые успехи, грубость по отношению к учителю молодой Джелли был изгнан из школы. Будучи поклонником Муссолини, он вербуетя в корпус фашистских добровольцев для участия в гражданской войне в Испании на стороне интервентов. Пробыв в Испании менее года и избегая участия в боях, тем не менее публикует апологетическую, бульварного типа книжку «Огонь!.. Легионерская хроника антибольшевистского восстания в Испании». Затем, получив офицерский чин, участвует в имперских войнах Муссолини на албанской и югославской земле. Когда свергнутого и арестованного «дуче» крадут гитлеровцы под руководством Отто Скорцени и на севере Италии под их надзором устраивается марионеточная «республика Салó», мы находим Джелли здесь. О нем имеются противоречивые сведения. С одной стороны, есть свидетели его жестоких расправ с патриотами, участниками итальянского Сопротивления оккупантам. Вместе с тем, видя приближение конца режима, Джелли делает вид, что готов помочь партизанам, стремится заработать репутацию «друга». Ищет он подходы и к американцам.

С октября 1944 года начинается новый период в жизни фашистского офицера: он идет на сотрудничество с контр-

разведкой 5-й армии США в Италии. С этого момента в его биографии возникают «белые пятна». Он мечется по Северной Италии, едет на Сардинию, опасаясь мести партизан. Затем оказывается в Аргентине. Здесь завязывает связи с бежавшими сюда фашистами, а также сторонниками будущего диктатора Перона. Возвращается на родину в 1948 году, становится осведомителем секретных служб Италии. Одновременно ищет себе коммерческую «точку опоры». Выступает то в роли негоцианта железом, то книготорговца. Втирается в доверие к одному из депутатов правящей христианско-демократической партии. Торгует матрасами фирм «Пермафлекс» и «Дормире». Через свои американские связи устраивает этим фирмам крупные сделки с базами НАТО в Италии.

Его состояние растет. У Джелли заводятся крупные деньги. Он переезжает в г. Ареццо, втирается в доверие к братьям Леболе, хозяевам крупной текстильной фабрики. Его назначают руководителем персонала фабрики. Джелли приобретает роскошную виллу. Кое-кто говорит, что, охраняя золото югославских королей, похищенное итальянскими фашистами в годы войны, Джелли сумел часть его утаить. Другие утверждают, что ему удалось нажиться на заказах «матрасных» фирм.

Секретные службы временами стремились разобраться в его прошлом и причинах процветания. Но почти все, кто участвовал в таких поисках, кончили плохо. Капитан Росси, по свидетельству парламентской комиссии, «покончил самоубийством, после того как, кажется, ему угрожал Джелли». Полковник Флорио подвергся служебному преследованию, а затем погиб в необъяснимой автомобильной аварии. Карьеру сделал лишь майор Де Сальво, да и то потому, что вступил в организованную заново в то время ложу «П-2». Джелли уже набрал силу и сумел расставить свою паутину там, где видел для себя опасность. Из бывшего осведомителя Джелли превратился в фигуру влиятельную и опасную. Стал он опасен и для тех, кто, оказы-

вая ему покровительство, знал его подноготную, был в курсе нечистоплотных сделок. Так, покончил с собой Марио Леболе, глава фирмы, которой аферы Джелли сперва принесли процветание, а потом — убытки. Но сам Джелли среди этих криминальных дел и бед до последнего момента выглядел непотопляемым.

Объяснить возвышение Джелли можно следующим. Старые знакомые из армейской контрразведки США, перешедшие в ЦРУ, учли его предприимчивость, беззастенчивость и изворотливость, безусловный антикоммунизм. Его сочли перспективным, достойным лучшей участи. И как один из наиболее быстрых путей к карьере и влиянию он выбрал вступление в масонство.

Небольшое отступление, чтобы лучше уловить связь между двумя вещами — американской разведкой и итальянским масонством. Вопрос даже следует поставить шире — всем европейским масонством. Потому что подчинение традиционного европейского масонства американским масонским организациям рассматривалось как одна из важных задач по закреплению наступления США на позиции союзников. Причем Южная Европа оказалась в зоне особых притязаний США. Почему?

Во-первых, потому что бассейн Средиземного моря на стыке трех материков является первостепенным в стратегическом плане. Средиземноморье приобретало все больший вес как ввиду сколачивания Североатлантического союза, так и в связи с планами рождавшегося тогда государства Израиль, которому была уготована роль «стратегического союзника» США для наступления на территории и богатства Ближнего Востока, контроля над коммуникациями, идущими в Индийский океан.

Во-вторых, в ослаблении консервативных сил на юге Европы, росте влияния левых партий на Апеннинах и во Франции Вашингтон видел препятствие своим планам. Дробление левых сил, их ослабление, а если возможно, и физическое подавление, как это делалось в Греции, вот от-

ныне задача, которая неотступно возникает во всех секретных оценках и документах, вырабатываемых штабом внешнеполитической экспансии США — Советом национальной безопасности.

Но помимо, так сказать, экстренных фронтальных планов были разработаны и планы длительного «тылового действия». Они детализировались и видоизменялись по мере создания НАТО, изменения итальянской (и французской) ситуации. Но суть оставалась неизменной: подрыв левых сил изнутри, раскол демократических организаций, подкуп, создание «желтых профсоюзов», финансирование антикоммунистических партий и организаций и т. д. Особое внимание было, однако, уделено острым акциям «под чужим флагом», которые могли бы скомпрометировать левые силы, запугать массы, вызвать у них неверие в парламентскую демократию, тоску по «сильной власти». С помощью созданных американцами секретных служб Италии фашистские боевики внедрялись в левацкие организации, террористические отряды. Чередование «красного» и «черного» терроризма в конечном счете должно было поощрить армию, вооруженные силы, неофашистов на переворот. Успех «греческих полковников», осуществивших в апреле 1967 года под руководством ЦРУ фашистский путч, вдохновлял. Сохранение фашистских режимов Испании и Португалии в случае переворота в Италии позволяло соорудить «антибольшевистский заслон», находящийся на содержании у Вашингтона.

США становились бы вместе с Израилем хозяевами ситуации на Средиземном море. Для них облегчалась возможность наносить удары по национально-освободительному движению в арабских, африканских странах.

Италия стала главной ареной провокационных акций по дестабилизации, которые итальянские обозреватели окрестили «стратегией напряженности». Роль силы, способной координировать такого рода акции как на правом, так и на псевдолевом флангах, облегчать «скрытые операции»

ЦРУ и подрывных сил, отводилась масонским ложам в Италии, дававшим наибольшую гарантию скрытности действий, успеха тактики, когда все «идут своим путем, но в одном направлении».

В том же далеком 1944 году, когда Джелли стал агентом американской контрразведки, в США была составлена инструкция, рассматривающая возможность подрывных акций под «флагом» масонства.

В документе американского Управления стратегических служб за № 9а 32199 от 15 сентября 1944 года отмечалось, что правые силы хотели бы обеспечить масонское прикрытие террористическим группировкам, целью которых была бы дискредитация компартии. На помощь этим силам была мобилизована сеть агентов, созданная в Италии полковником Максом Корво и другими представителями американской разведки.

Но в том виде, в каком действовало итальянское масонство, оно вряд ли могло отвечать подобным планам. Читателю, видимо, известно, что в 1925 году Муссолини запретил масонскую деятельность в Италии, подверг преследованиям ряд руководителей движения. Менее известно, однако, что преследования коснулись лишь либерального крыла итальянского масонства, получившего по имени своей резиденции название «Великого Востока дворца Джустиниани». Муссолини реквизирует в Риме этот старинный дворец, занял его своими учреждениями.

А правое крыло итальянского масонства носило название «площади Иисуса». Отколовшись от «дворца Джустиниани» в 1908 году, это крыло стояло на откровенно реакционных позициях, объединяло в своих рядах крупнейших латифундистов и «черную», связанную с Ватиканом аристократию. Многие из них были фашистами. И в отличие от своих либеральных «братьев» иисусовцы приветствовали приход Муссолини к власти.

Более подробно на отношениях между фашизмом, нацизмом и масонством мы остановимся позднее, а сейчас

отметим, что разгром фашизма, победа антифашистских сил в Европе, в том числе и в Италии, ослабили позиции масонов «площади Иисуса», сузили круг их влияния.

Чтобы приспособить «братство» для своих целей, сделать его влиятельным, боеспособным, американцам необходимо было помочь «джустинианцам» встать на ноги, не забыв убрать из его руководства «радикалов», лиц, тяготеющих к левым силам (в частности социалистов, которые в то время поддерживали пакт о единстве действий с коммунистами). Имелся в виду и сложившийся исторически антикатолический крен в деятельности «дворца Джустиниани», антифашизм, укрепившийся в годы преследований. Поскольку крах фашизма оставил в Италии опасную, по мнению Вашингтона, пустоту, необходимо было объединить в конечном счете все силы, которые могли бы выступить с антикоммунистических, а также с антисоветских позиций. Тут нужен был и Ватикан с его вековым умением влиять на массы. Отсюда задача — примирить «дворец Джустиниани» с «площадью Иисуса», объединить их, умерить антиклерикализм лож.

Эту деликатную и сложную миссию взяла на себя американская разведка. Удивляться этому не приходится, если вспомнить, что Управление стратегических служб, созданное в годы войны, а затем его преемник — Центральное разведывательное управление — были сформированы с участием североамериканской элиты, целый ряд представителей которой был связан узами масонских клятв. Крупнейшими масонами «шотландского ритуала» были руководитель УСС Уильям («Билл») Доннован, братья Даллесы, высший и средний состав ЦРУ.

Руководитель итальянского отдела УСС Фрэнк Джильотти, пастор протестантского толка и масон, был избран руководителем операции. Еще в ходе войны он отыскал в ложах Нью-Йорка и других мест проживания итальянцев (здесь ему помогало итальянское происхождение) подходящих кандидатов, которые могли бы занять позже видные

места в иерархии правительства и итальянского масонства. Среди них был бывший командир итальянских республиканских отрядов добровольцев в Испании Рандольфо Паччарди* (они с Джелли сражались тогда на противоположных сторонах). Прежний антифашизм Паччарди не смущал Джильотти и его хозяев (тем более что все еще шла война против наци-фашистов), а антикоммунизм Паччарди был поистине животным. В послевоенных правительствах ему была уготована роль министра обороны, застрельщика антисоветских кампаний и присоединения к НАТО. Заметим, что кончил бывший антифашист в качестве кандидата неофашистов и крайне правых на роль диктатора. Его течение, носившее название «новой республики», имело целью совершить военный переворот и упразднить демократические институты, завоеванные Италией в ходе Соппротивления и борьбы с фашизмом**.

* Один из руководителей европейского отдела госдепартамента США Доулинг писал 7 июля 1947 года: «Полагаю, что Джильотти пытается оживить старую банду УСС, как средство победить коммунизм. Он считает первостепенным, чтобы Сарагат (тесно связанный с американцами социал-демократ, президент Италии с 1964 по 1971 г.— Л. З.) вошел в правительство. Назвал мне имена двух других итальянцев, которые могут вовлечь в правительство некоммунистические партии — Публио Кортини и Рандольфо Паччарди». 17 декабря 1947 года Сарагат и Паччарди вошли в правительство Де Гаспери, откуда в мае того же года были исключены коммунисты и социалисты.

** Не могу удержаться, чтобы не привести выдержку из романа Эрнеста Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев». Главный герой книги, американский полковник Ричард Кантуэлл, пародируя масонскую фразеологию, называл метрдотеля венецианской гостиницы, где он жил, «великим магистром военного, аристократического и духовного ордена кавалеров Брусаделли» и вел с ним иронические разговоры о «достопочтенном господине Паччарди». Брусаделли — миланский миллионер, владелец текстильной фабрики. Его имя прогремело на бракоразводном процессе, в ходе которого он обвинил бывшую жену, что своим страстным темпераментом она довела его до умственного расстройства. Именно в таком состоянии, заявил он на суде, он и отписал свое имущество управляющему фирмой (по совместительству — любовнику жены). В книге приводится характерный диалог с Кантуэллом:

Великий магистр Публио Кортини делал все, чтобы поставить итальянское масонство на службу американским интересам. Другим масоном, правда меньшего ранга, оказался сицилиец Лупис, ставший позже министром. К поддержке проамериканской линии, как мы видели, были привлечены руководители социал-демократической партии. По своим концепциям и реакционности, несмотря на название, эта партия могла соперничать с либералами и другими партиями крупного капитала.

Джиллотти руководил итальянским сектором разведки все годы войны и, видимо, знал о сотрудничестве Джелли с американцами. Но в тот момент он брал курс на использование старых, известных руководителей масонства. И хотя конкурирующая, набитая фашистами «площадь Иисуса» писала доносы на своих «братьев» из «Великого Востока», предупреждая американцев, что «Восток» нафарширован «красными», Джиллотти добился в 1947 году признания «дворца Джустиниани» со стороны наиболее престижного масонского Северного округа («юрисдикции») США. Оставалось обеспечить возвращение масонам самого дворца Джустиниани, конфискованного фашистами. К операции подключились масоны из «Агитационного комитета», созданного в США тем же Джиллотти, и посол США в Риме Зеллербах, сам крупный масон. Через министра финансов Трабукки, тоже масона, уплатив за аренду дворца солидную сумму, американцы сумели в 1960 году добиться воцарения своих «братьев» в престижной резиденции.

«— А как вы относитесь к русским, полковник, если это, конечно, не секрет?

— Говорят, это наш будущий враг. Так что мне, как солдату, может, придется с ними воевать. Но лично мне они очень нравятся, я не знаю народа благороднее, народа, который больше похож на нас.

— Мне ни разу не посчастливилось с ними встретиться.

— Не горюйте, у вас еще все впереди. Встретитесь. Разве что почтенный Паччарди задержит их на реке Пьяве... Но не думаю, чтобы бой очень затянулся». — *Хемингуэй Э.* Собр. соч. М., 1982. Т. 2. С. 458, 466—467.

Не теряя времени, они поработали и с «площадью Иисуса», предоставив ей признание другого, Южного округа масонства США. В том же 1960 году руководство ложи Джустиннани объединилось с Верховным советом Великой Светлейшей ложи Алам (официальное название организации «площади Иисуса») во главе с сицилийским князем Джованни Аллиата ди Монтереале, на боевом счету которого будут участие в заговорах фашиста Боргезе, так называемой «розы ветров» (см. далее), не говоря уже о связи с сицилийской мафией и ее наемником, бандитом Джулиано.

Объединившись, итальянское масонство получило коллективное признание обоих округов масонства США, а заодно стало, как отмечается в заключении парламентской комиссии, «должником североамериканского масонства». В 1972 году последовало признание и со стороны английского масонства. Но оно было лишь номинальным. Ибо, как отмечает документ итальянского парламента, «англичанам отдан примат в том, что касается традиций, тогда как на другой чаше весов перевешивает великое могущество американского масонства».

Фрэнк Джильотти сделал львиную долю дела. В знак его заслуг ему было присвоено звание «Пожизненного Великого почетного магистра, заслуженного члена Высшего итальянского совета шотландского обряда» и дано право постоянно представлять Италию в международном масонском объединении, так называемой «Конференции Вашингтона». Однако оставлять руководителем итальянского масонства кадрового работника ЦРУ высокого ранга было уже неудобно. Функции связи с ЦРУ взяли на себя непосредственно Великие магистры, сменившие Кортини. Это были — Гамберини, потом Бателли и Сальвини. Двое из них были фашистскими генералами.

«Американцы, прежде всего представители масонства, связанные с мафией и ЦРУ,— писали в книге «Во имя Ложки» итальянские авторы Джашни Росси и Франческо Ломбарасса,— отныне держали в своих руках будущее «Великого

Востока Италии». Это давало им возможность, как и в первые послевоенные годы, не раскрывая себя, использовать масонские каналы для воздействия на политические решения в Италии. Для этого было необходимо изолировать исторически сложившийся социалистический и антиклерикальный компонент внутри масонства, обеспечить сближение масонов с католической церковью, а также создать надежное орудие контроля и давления, способное проникать в самые высокие и тайные круги масонства. Таким орудием стала ложа «П-2»¹.

Но для нее нужен был особый руководитель. Великие магистры для этого не годились. Интриги, столь характерные вообще для взаимоотношений «братьев», ссоры из-за денег, раздоры между двумя слившимися фракциями отнимали много сил. Нужен был энергичный и обладающий свойствами двуликого Януса человек, который мог бы без помех сформировать «штурманскую», подрывную ложу.

Этим человеком американцы избрали Джелли. Мы говорим «избрали», потому что по обычным законам масонства он без посторонней помощи не смог бы столь быстро взобраться на такую высокую ступень. Лишь в 1965 году он прорывается в масонство. Помня о его жестоких расправах над партизанами, служении Муссолини и гитлеровцам, ряд «братьев» настаивал на том, чтобы «заморозить» процедуру его принятия. Но уже на следующий год Великий магистр Гамберини, связанный с ЦРУ, продвигает Джелли, стоящего на первой ступеньке масонства («ученик») в престижную секретную ложу «Ход». Следует оговориться, что закрытых, супер-секретных лож особого назначения в Италии несколько. При желании их нетрудно переформировать. Так было и с ложей «Ход», куда был передан Джелли, которого Великий магистр Гамберини рекомендовал, несмотря на его низкий «градус», как человека, способного «внести значительный вклад с точки зрения вербовки новых

¹ Rossi G., Lombrassa F. In nome della «Loggia». Roma, 1981. P. 20.

сторонников и лиц высокого положения». Руководителю ложи Аскарелли он вручил личное досье Джелли. Подобные факты в истории масонства крайне редки.

Такая необычная процедура и покровительство обещали необычную карьеру. И она действительно была неординарной.

В 1969 году Джелли поручается задача сплочения всех сообществ национального масонства, которая до сих пор была под силу только Джильотти. В 1970 году он становится надзирателем над публикациями масонства. Что особенно важно, ему же поручено поддерживать отношения с зарубежным масонством и ЦРУ, прерогатива, которой ранее обладал лишь Великий магистр.

В 1971 году Джелли назначается организационным секретарем старинной ложи «Пропаганда». Ее теперь начинают именовать «Группа Джелли — П-2». Должность «организационного секретаря» вообще не предусмотрена масонскими уставами. Она дала новоиспеченному руководителю специальной ложи неограниченные права по ускоренному производству масонов и комплектации своей персональной ложи. Джелли производил прием в масоны в гостинице «Эксельсиор», на центральной улице Рима — Виа Венето, там, где Феллини снимал «Сладкую жизнь», прямо напротив здания посольства США. Гамберини освящал процедуры своим присутствием.

Новый глава «Великого Востока Италии» Сальвини был заметно обеспокоен тем потоком, которым устремились в группу Джелли «П-2» высокопоставленные военные. Он намекал «братьям», что взлетевший с космической скоростью выскочка, видимо, готовит в стране военный переворот. И был прав.

Соединив в декабре 1971 года подчищенную им ложу «Ход» с завербованными им новыми членами «группы Джелли — П-2», Джелли поставил перед членами ложи вопрос об «угрозе со стороны Итальянской коммунистической партии», о возможности «прихода к власти клерико-комму-

пистов» и необходимости выработки в связи с этим «планов чрезвычайного положения».

В 1972 году он разослал членам ложи циркуляр, в котором предлагал «отбросить философию», то есть трафаретные дискуссии о таинствах и доктринах масонства, и «заниматься лишь важными и конкретными проблемами, затрагивающими нашу национальную жизнь».

В конце того же года в ложе создается «центр исследований по современной истории», а на самом деле — штаб по вмешательству в политическую жизнь Италии. Сперва он расположился на улице Кондотти, на одном этаже с резиденцией Мальтийского ордена, с которым «П-2» связывает многое. Ложа заводит собственное агентство ОП («Осерваторе политико»), во главе которого становится генерал секретных служб Фальде, а непосредственно руководит им журналист Мино Пекорелли. Агентство подает условные знаки «братьям», а также шантажирует политических деятелей. Этой цели служит добытое Джелли досье секретных служб Италии, охватывающее десятки тысяч человек.

«П-2» стремительно разрастается. Срабатывают прежние связи с Аргентиной. Джелли оказал Перону поддержку в деле возвращения к власти и полетел с ним в Буэнос-Айрес в одном самолете. Отныне он — друг его семьи, а также близкого к жене Перона Изабелите мистика и изувера Лопеса Реги, в котором видят одного из создателей «эскадронов смерти» в Аргентине. По слухам, Джелли удостоен права распоряжаться достоянием семьи Перона. Его сделали советником посольства Аргентины в Риме. В ложу записались наиболее реакционные военные Аргентины: адмирал Массера, генералы Масон и Корте, а также военные и дипломаты Бразилии, ряда других стран Латинской Америки, в частности диктатор Уругвая Альварес. Джелли становится руководителем международного масонского объединения ОМПАМ — *L'organizzazione mondiale per l'assistenza massonica* — Всемирная организация масонской помощи,

Внутри Италии он добивается нового успеха — довершает объединение обоих крыльев масонства, прибрав к рукам закрытую ложу «площади Инсуса» «Джустициа э либерта» («Справедливость и свобода»). Среди важнейших членов этой ложи, перешедших к Джелли, находились банкир Синдона и прокурор Спаньюоло. «П-2» сосредоточивает в своих рядах чуть ли не пятую часть всех масонов «Великого Востока Италии».

Великий магистр Сальвини практически оттеснен на второй план. Пытаясь противостоять влиянию Джелли, он создает свою собственную секретную ложу «Пропаганда-1». Но «Старшим надзирателем» (масонское звание, дающее право контроля) ложи «П-1» становится не кто иной, как Личо Джелли.

Сальвини пытается опереться на недовольство части масонов диктаторской практикой Джелли, милитаристской, профашистской деятельностью по культивированию заговоров, провокационного терроризма.

Действительно, Джелли лично дирижировал путчем фашистского иерарха Боргезе, люди которого в декабре 1970 года заняли здание министерства внутренних дел Италии, разобрали там оружие и готовились взять здание римского телевидения, чтобы провозгласить нового диктатора. Джелли лично давал отбой путчу. Ему, а также главе секретных служб генералу Мичели и тем, кто их вдохновлял и проводил «стратегию напряженности», было важно сохранить в Италии боевую силу старых и новых фашистов, использовать ее для шантажа итальянского населения, политических сил, сохраняя за собой регулирующую роль.

Фашисты и военная партия, густо представленные в ложе Джелли, были важны не сами по себе, а как инструмент достижения политической цели, а именно — прекращения в Италии сближения католиков и коммунистов, устранения одного из главных архитекторов этого проекта — видного христианского демократа Альдо Моро, сдвига всей ситуации в Италии вправо. Потрясая палицей переворота, ложа

Джелли сдерживала реформаторов, стремилась остановить и повернуть вспять процесс полевения, который вырисовывался на горизонте.

Вспомним, что 1968—1971 годы были годами бурного всплеска молодежного и рабочего движения в Западной Европе. В Париже дело дошло до баррикад. В Риме, других городах страны молодежь занимала университеты. Демонстрации принимали острый характер, заканчивались схватками с полицией, ранеными, даже убитыми. Молодые священники в ряде мест заняли церкви, выступив против правящих классов, реакционного крыла Ватикана, за «церковь для бедных».

Бунт этот был во многом стихийным, возник, пожалуй, неожиданно для самих левых партий. В него включались ранее довольно инертные, а порой и настроенные в пользу правых сил студенческие массы, дети средних классов, а нередко и отпрыски самых состоятельных семей Италии. Последние проявляли себя особенно нетерпеливо, требовали сокрушить всю систему школ и университетов — «прислужников капитализма», призывали свергать правительство — «слуг транснациональных компаний». Поджоги машин, автобусов, налеты на оружейные лавки создавали впечатление, будто вот-вот вспыхнет восстание.

При всей мешанине лозунгов и идеологических вывесок можно было заметить многие признаки того, что в свое время В. И. Ленин называл «детской болезнью левизны» — ниспровержение всех и вся авторитетов, отрицание традиционных, в том числе левых, партий и профсоюзов. Их обвиняли в том, что они «продались системе». Заметно было плохо скрываемое презрение к массам, не готовым воспринять лозунги «пролетарской диктатуры» от юношей, которые с пролетариатом и его идеями имели мало общего. Хватало и выпадов в адрес Советского Союза.

Несмотря на антикапиталистическую риторику, в деятельности «ультралевых» было немало горячего материала, которым могли воспользоваться и правые силы, чтобы

попытаться скомпрометировать коммунистов, социалистов и на волне наиболее «эксцитативных» выступлений попытаться создать правую контрволну.

Неофашистские группы, тренировавшие кадры боевиков на стрельбищах, в кружках каратэ, кунг-фу, дзюдо, таеквондо, чтобы «дать урок красным», перекрасились, включились в ультралевые эксцессы, провоцировали драки, нападения на стражей порядка, задирали натовские учреждения.

Работая в те годы в Риме, я мог, как говорится, «кожей» ощущать невидимую режиссуру. Она угадывалась за наиболее дикими и бесчеловечными актами терроризма, под которыми «подписывались» левацкие, анархистские организации. Запомнились взрывы в Риме и Милане. В Милане в декабре 1969 года в здании местного банка в результате взрыва бомбы было убито и ранено около ста ни в чем не повинных людей. Полицией были схвачены, как организаторы акции, бывший танцор римского телевидения Вальпреда и железнодорожник Пинелли, принадлежавшие к анархистским кружкам. Пинелли подвергся «сильному допросу», видимо, был убит и затем «вывалился» из окна полицейского управления. Неожиданно быстро умер таксист, якобы опознавший в Вальпреде личность, которую он подвозил к банку на площади Фонтана. Однако уже сообщение о том, что в кружке, где числился Вальпреда, оказался некий Мерлино, настораживало. Мерлино был неофашистом-фанатиком, ничего общего с анархистами иметь не мог. Незадолго до преступления он совершил с другими активистами-боевиками неофашистской партии инструктивный вояж в Грецию. Захватившие власть «черные полковники» передавали группе опыт фашистского переворота.

Позже посмертно был оправдан «самоубитый» Пинелли, выпущен на волю и Вальпреда. Выяснилось, что провокация была задумана и осуществлена людьми, подготовленными итальянскими и натовскими секретными службами. Неофашист Стефано Делле Кьяйе получил взрывчатку на

натовской базе. Активист неофашистского движения, идеолог расизма, вдохновлявшийся примерами эсэсовцев, Франко Фреда достал «таймеры», часовые устройства для взрыва. Основным участникам террористической группы и связанным с ней осведомителям, которым угрожал арест, секретные службы Италии предоставили документы для выезда за границу под крылышко «черного интернационала». Делле Кьяйе курсировал между Испанией и Францией, Анголой, Чили и Боливией, где поочередно занимался подготовкой боевых групп и контрабандой наркотиков, а временами встречался с сотрудниками итальянских секретных служб. (Лишь в 1987 году его удалось изловить и отправить в Италию.)

Я как-то спросил проживавшего по соседству активиста неофашистской партии, когда радио сообщило, что «леваки» сожгли несколько автомашин, принадлежавших работникам НАТО в Риме: «Ваша работа?» Довольно улыбаясь, он подтвердил: «Конечно. Откуда этим папенькиным сынкам (по-итальянски «фильи ди папа») знать, какие машины — натовские. Ведь не они работают с натовцами, а мы».

Весьма странной выглядела и гибель человека, с именем которого было связано рождение так называемых «красных бригад», мультимиллионера — издателя Фельтринелли. Бывший поклонник «дуче», выходец из богатейшей миланской семьи, он сменил ряд «фронтов», вышел из компартии и «ушел в подполье», чтобы «делать революцию». Его обнаружили под Миланом подорвавшимся на mine, которой он намеревался вывести из строя электролинию. Не исключено, что, пользуясь его близорукостью (эксцентричный миллионер-революционер носил очки с максимальными диоптриями), чьи-то руки переставили взрывное устройство на короткий завод. Похоже, что кому-то было нужно устранить непредсказуемого Фельтринелли, чтобы реорганизовать его дилетантскую группу в такую террористическую организацию, которой можно было бы без труда манипулировать.

Трудно, конечно, было тогда разглядеть истинную роль

ложи «П-2», где в одном строю «работали» организаторы терроризма из секретных служб и генералы, которым было поручено бороться с терроризмом, банкиры, промышленявшие спекуляциями, контрабандой валюты, и руководители «финансовой гвардии», которые должны были бы их ловить. «Полицейские и воры», как в известном итальянском фильме, только соединенные куда более крепкой нитью, поруклой масонства.

Комиссия итальянского парламента перечислила преступления, за которыми скрывалась «подрывная ложа». Люди Джелли командовали правыми заговорами наподобие путча Боргезе или заговора «розы ветров». По-итальянски название «роза дей вентти» имеет двойное прочтение — не только «роза ветров», но и «группа двадцати». Этот разветвленный заговор и в самом деле опирался сперва на двадцать, а потом на двадцать четыре группы. В руководство «розы» входили члены ложи «П-2» генералы Риччи и Нарделла. В основу был положен план НАТО на случай «чрезвычайного положения», вызванного «левыми выступлениями». Предусматривалось отрезать Рим от промышленного Севера действиями отборных частей, связанных с натовскими базами (3-й армейский корпус и танковый полк, которым командовал Риччи). Предполагалось ликвидировать руководство левых партий и профсоюзов, упразднить парламент, установить в стране военную диктатуру.

В качестве детонатора для выступлений предусматривалось с помощью людей из «П-2» организовать вооруженные провокации против армейских частей на Севере Италии. Акцией, которая должна была подстегнуть общественность, был взрыв на поезде «Италикус» в августе 1974 года, приведший к тяжелым человеческим жертвам. Он был организован людьми Джелли через масона-фашиста Синьорелли, выступавшего за слияние ультралевых и ультраправых сил в единой цели — дестабилизировать обстановку в Италии. Название его группы «Терца позиционе» («Третья позиция»). Джелли, как показал один из обвиняемых, лично

передал руководителю фашистских боевиков чемоданчик с деньгами на покупку бомб и оружия. До этого безуспешной попыткой дать повод к выступлениям армии было покушение на премьер-министра Италии Румора в Милане в мае 1973 года. Подготовленный в Израиле террорист Бертоли был доставлен из кибуца в Милан и во время церемонии открытия памятника полицейскому комиссару Калабрезе, допрашивавшему Пинелли (Калабрезе был убит террористами), бросил гранату. Были раненые, но премьер-министр спасся.

Параллельно в Турине готовился так называемый «белый» заговор Соньо, агента ЦРУ, засланного в свое время в партизанское движение Италии, тоже члена ложи «П-2». После войны по поручению Даллеса он создавал в Италии «желтые» профсоюзы, формировал подрывные организации «Мир и свобода», «Комитет демократического сопротивления». Его услуги оплачивало не только ЦРУ, но и итальянские монополии, в частности ФИАТ, на предприятиях которой Соньо удалось ослабить профсоюзы трудящихся.

Соньо должен был похитить итальянского президента Леоне, заставить его распустить парламент и призвать к власти правительство во главе с фашиствующим масоном Паччарди. По замыслу организаторов, путч должен был быть «яростным, быстрым и беспощадным». Во время «бескровного переворота», как позже именовали заговор Соньо на судебном процессе, в ходе которого он был оправдан (состав судей был подобран ложей «П-2»), предполагалось физически ликвидировать до двух тысяч политических и профсоюзных руководителей.

Одним из главных направлений работы заговорщиков из ложи «П-2», помимо подготовки военных и фашистских выступлений, было реформирование ударных отрядов террористов и подчинение их целям Джелли, то есть ЦРУ. Основным объектом были «красные бригады». Член ложи «П-2» полковник секретных служб Италии Спяцци, участник вышеупомянутых заговоров, дал позже показания, что

его агент Фумагалли, как и Соньо, засланный в свое время в «партизаны», имел поручение сформировать первые отряды «красных бригад» на заводах резиновой монополии «Пирелли», организовывать поджоги и взрывы в учреждениях «Пирелли» и ФИАТ, на поездах в Северной Италии. С баз НАТО для провокаторов были доставлены взрывчатка и оружие, им было отпущено 20 миллионов лир, с тем чтобы они устраивали нападения на армейские части, убивали пограничников. Эти убийства, окрашенные в «красные» цвета, должны были послужить сигналом для совместных выступлений верных правым силам военных частей совместно с боевиками фашистских групп «Ордине неро» («Черный порядок») и «Авангардия национале» («Национальный авангард»).

Оружие для «красных бригад» частично привозилось из Франции. Его доставкой занимались организованные по образцу ложи Джелли «храмовники», масонское отделение, объединяющее высокие чины французской полиции и секретных служб. Джелли брал на себя его доставку в Италию и распределение среди верных людей в «красных бригадах».

Слухи о том, что Джелли готовит военный переворот, как мы уже отмечали, беспокоили масонов. Его приготовления приняли такой размах, что не могли остаться полностью незамеченными «братьями». Этим и объясняется временный успех Сальвини, которому в конце 1974 года на конференции масонов в Неаполе удалось добиться решения об упразднении ложи «П-2». Ложа, разумеется, не упразднилась. Наоборот, соединенные действия руководителей секретных служб, судебного аппарата, созданных Джелли каналов влияния заставили Сальвини прекратить фронду. Великому магистру было направлено письмо Джелли, в котором содержалась угроза огласить ряд его незаконных финансовых операций, за которые тот мог угодить за решетку.

Конечно, случаи наживы, хищений, спекуляций вообще типичны для «братьев». Их даже оправдывают интересами «братства», усиления его влияния в обществе. Еще в про-

шлом веке один из таких «братьев» сказал: «Конечно, не все жулики — масоны, но все масоны — жулики». И уж кто, а Джелли, с его багажом преступлений, никак не годился, чтобы читать проповеди о моральном совершенствовании. Но шантаж оказался действенным. Он, по-видимому, сочетался с нажимом на Сальвини и со стороны американцев. Сальвини отступил. При чем как!

12 мая 1975 года специальным декретом Великий магистр восстановил ложу «П-2». Притом он утвердил особый, ставящий ее выше остальных лож статус, а самого Джелли сделал «почтенным магистром», законным главой ложи.

Джелли не замедлил этим воспользоваться. Вместе с тем «почтенный магистр» не мог не сделать выводов из пережитой встряски. Учитывал он и то, что все усилия ложи в области «стратегии напряженности» в силу зрелости рабочего движения Италии, ее левых сил приносили результаты, обратные тем, которые были запрограммированы ЦРУ.

Идея о том, что нельзя преодолеть кризис, переживаемый Италией, игнорируя организации трудящихся и партию коммунистов, стала очевидной, когда в 1976 году на всеобщих выборах ИКП набрала более 34 процентов голосов итальянцев. В широких слоях общества и главной правящей партии — христианских демократов позиции Альдо Моро, выступавшего за поиск приемлемого компромисса с коммунистами, получили растущую поддержку.

В этих условиях Джелли и его хозяева сочли за благо подумать о замене поизносившейся стратегии перманентного переворота чем-то более действенным. Идея прямой фашизации существующего в Италии строя постепенно стала уступать место идее «переворота изнутри».

Конгломерат сил, сосредоточенных в ложе «П-2», позволял пойти на вариант фактической подмены характера государственной власти при сохранении существующего фасада.

Важно было, однако, увести лиц, связанных с подрывной деятельностью «пидуистов» (от итальянского «пидуэ» — «П-2»), из-под судебного преследования. Поэтому, с одной стороны, деятельность ложи стала более скрытной. На всякий случай Джелли создал запасную штаб-квартиру ложи в Монако, вне границ Италии (так называемый «Комитет Монте-Карло»). Здесь было легче совершать сделки по торговле оружием, планировать спекуляции на бирже, организовывать акты терроризма.

В то время как адвокатам Джелли удалось оправдать организаторов миланских взрывов фашиста Фреду и его друга Вентуру, чуть не угодили за решетку лица, начавшие расследование дел ложи «П-2». Судебным работникам, занимавшимся этим расследованием, римский судья Галлуччи инкриминировал то, что они в ходе заседаний за государственный счет... пили кофе. Им едва не надели наручники. Целью было свернуть деятельность парламентской комиссии во главе с депутатом от Христианско-демократической партии, бывшей участницей Сопrotивления Тиной Ансельми и скомпрометировать честных судебных работников. Решительность Ансельми и вмешательство президента-социалиста Пертини позволили снять абсурдное обвинение, грозившее членам комиссии арестом, и довести работу комиссии до принятия согласованного решения.

Сопrotивление оказывалось ожесточенное. В Италии есть пословица — «кто касается проводов — умирает». Такими «проводами» были преступления с участием масонов из ложи «П-2». Следователи и судебные работники, честно выполнявшие свой долг и нащупавшие связь между разгулом терроризма в Италии и тайными покровителями из входящих в масонские ложи работников секретных служб, либо отстранялись от следствия, либо подставлялись под пули наемных убийц. Так погиб прокурор Оккорсио, заподозривший «масонский след» в серии террористических актов в Италии. Как показал перед комиссией полицейский руководитель Чоппа, член «П-2», он встретил «магистра» Джел-

ли в приемной Оккорсио за два дня до убийства последнего. Руками «террористов» были убиты прокуроры Амато, Пальма и многие другие.

Мы еще вернемся к практике убийств. А сейчас продолжим рассказ о проекте еще одного «бескровного переворота», который был разработан в ложе Джелли на рубеже 1975/76 года и получил название «плана демократического возрождения». По заключению комиссии итальянского парламента, заговорщики ставили задачей осуществлять негласный контроль над системой в целях «более тонкого, но не менее опасного подрыва демократических порядков» в Италии.

Правда, когда знакомишься с содержанием плана Джелли, то он кажется не столь уж «тонким» или «негласным».

Вот его компоненты, приведенные в документе комиссии. Во-первых, планировалось «во имя свободы антенны» упразднить римское радио и телевидение. Не полагаясь на «своих людей», которые контролировали содержание ряда ведущих программ, Джелли решает вообще лишить итальянцев возможности получения какой-либо информации, которая не фабриковалась бы его группой.

Остается привести личную прозу Джелли с тем ее стилем, который со времен исключения будущего «магистра» из школы улучшился незначительно.

Итак, Джелли, «план демократического возрождения»: «Первейшей целью и необходимой предпосылкой операции является создание клуба (по однородности компонентов напоминающего тип «Ротари»*), где были бы представлены на лучших уровнях деятели мира предпринимателей и финансов, представители либеральных профессий, общественные администраторы и судебные работники, а также очень немногочисленные и отборные политические деятели, число которых не превышало бы 30—40 единиц.

* «Ротари» — международный клуб видных представителей разных профессий (название происходит оттого, что члены клуба каждый раз встречались в разных домах).

Входящие сюда люди должны быть единообразными в своем восприятии вещей, в своем бескорыстии и моральной твердости, чтобы создать подлинный комитет гарантов, в то время как политики не сочтут за труд осуществлять планы в отношении дружественных национальных сил и иностранных сил, которые захотят их поддержать. Важно сразу же установить прочные связи с международным масонством».

Не будем лишней раз иронизировать по поводу «бескорыстия и моральной твердости» организаторов жульничеств и убийств. Обратимся к существу дела. Итак, командовать Италией предлагается комитету богачей. Политикам остается выполнять их команды, чтобы подчинить страну «дружественным» силам, среди которых Джелли выделяет «международное масонство».

Парламентская комиссия справедливо увидела в кабинете богачей «точное и исчерпывающее отражение ложи «Пропаганда», «циничный замысел» править страной сверху, с помощью технократов, используя политиков в качестве прислуги, причем даже неважно, к каким партиям они принадлежат — лишь бы подчинялись. Об общественном мнении, парламенте, самом народе даже и речи не шло. Править должны «избранные», а трудящиеся, их партии и профсоюзы, если они вообще будут сохранены, пусть помалкивают, не мешают делать прибыли и проводить политику, угодную «международному масонству».

Диктат в отношении собственного народа, прислужничество в отношении боссов «международного масонства» — таков проект Джелли. Он именовался «планом демократического возрождения», хотя его было бы пристойнее именовать планом авторитарного удушения.

Решимость вдохновителей Джелли провести данный план в жизнь вряд ли вызывает сомнения. Оккультное, неконтролируемое влияние лиц, собранных под знамена масонской ложи, рассматривалось как решающий фактор. Ложа имела нужных людей на ключевых постах, она поль-

зовалась неограниченной поддержкой капитанов индустрии и банков, возможностями секретных служб «организовывать» преступления, когда считалось нужным. Но многое ей, конечно, и препятствовало — рабочее движение, тенденции к сближению трудящихся-католиков с левыми партиями. Идея блока «клерико-коммунистов» была особо ненавистной для крупной буржуазии, хозяев ложи «П-2».

И субъект для нового, самого крупного преступления был определен: Альдо Моро, председатель Христианско-демократической партии. Упорный сторонник коалиции «национального согласия», Моро, кроме того, являлся сторонником разрядки. Именно он подписывал в Хельсинки от имени Италии знаменитое соглашение, которое имело целью установить новый кодекс поведения стран в Европе, соблюдать интересы безопасности друг друга, развивать международное взаимопонимание и сотрудничество.

Акция против Моро вызревала в острый момент. В НАТО доводились до готовности схемы «довооружения», включавшие размещение американских ядерных ракет на территории союзников, в том числе и в Комизо, на Сицилии. Приход к власти в Италии правительственной коалиции, которая считалась бы с мнением коммунистов, мог сорвать согласие итальянцев на эти действия, затормозить планы перевооружения НАТО. Несмотря на то что Моро не занимал к тому времени какой-либо государственный пост, его авторитет в стране был бесспорен. Позиции Моро по международным вопросам были хорошо известны. В 1949 году он сдержанно, если не сказать больше, относился к вступлению Италии в НАТО, а в дальнейшем проявлял настороженность ко всему, что могло бы поставить под угрозу суверенитет и безопасность страны.

Руководители внешней политики США Бжезинский и Киссинджер неприязненно относились к Моро. В начале 1978 года посланника Моро, который пытался прощупать возможность визита в США итальянского политического деятеля, встретили в Вашингтоне с ледяной холодностью.

Помощник Бжезинского сообщил ему, что в американской столице «никто не желает встречаться с Моро». 12 января того же года госдепартамент США опубликовал заявление, в котором категорически высказался против любой формы допуска коммунистов в правительства как Италии, так и Франции. Моро начал опасаться за свою жизнь. «Ты увидишь,— говорил он незадолго до гибели своему другу, сенатору от ХДП Червоне,— нас заставят дорого заплатить за нашу политику». — «Кто?» — «Наши противники, внутренние и внешние. Я, например, чувствую, что меня не понимают в Соединенных Штатах и отчасти в ФРГ».

«Внутренние» противники не могли забыть и того, что Моро участвовал в разработке статьи 18 итальянской конституции, запрещающей создание и деятельность секретных обществ в Италии. Ее формулировка как бы предугадывала, куда будет направлена деятельность реформируемых американцами масонских лож, будущую роль секретных обществ «каменщиков» в «стратегии напряженности», покушениях на суверенитет Италии и ее народа.

Моро был похищен 16 марта 1978 года, всего две недели спустя после того, как посол США в Риме Гарднер назвал его «наиболее опасной и двусмысленной личностью на итальянской политической сцене». День был выбран не случайно. Моро должен был представить парламенту свой план сотрудничества демохристиан с главной партией трудящихся — коммунистами. Этот план был делом его жизни. Он был важен и для самой Италии, ее будущего.

Внешняя канва «дела Моро» хорошо известна. Террористами руководил Марио Моретти, возглавивший «красные бригады» после того, как был убит (или погиб) Фельтринелли и арестован другой лидер ультралевых — Ренато Курчо. При Моретти действия «бригад» стали беспощадными, кровавыми. В 1977 году на его счету три, в следующем — уже 16 убийств.

Моретти — друг Коррадо Симмиони, руководителя группы «сверхподпольщиков» («суперкландестини»). После ря-

да экспроприаций, то есть ограблений, обогативших лично членов этой группы, ее лидеры сочли за благо обосноваться в Париже. Они создали здесь языковую школу «Гиперион», имевшую филиалы почти во всех столицах Западной Европы. Среди ультралевых «суперкландестини» иронически называли «товарищами, занятыми накоплением капитала».

Их глава Симиони, изгнанный из Итальянской социалистической партии за «аморальное поведение», затем устремился изучать «проблемы искусства». Где? В миланском отделении американского Информационного агентства ЮСИС (ЮСИА), близкого к ЦРУ. Затем на него снизошло религиозное томление. Он переключился на изучение теологии. «Изучает» он ее в Мюнхене, вотчине крайне правых в ФРГ, месте, где тренируются отряды неонацистов. В Италию он возвращается уже «ультралевым». В нем сразу заподозрили провокатора, а газета «Лотта континуа» сообщила, что имя Симиони числится в списке агентов ЦРУ в Италии.

Вот к такому человеку был близок руководитель «красных бригад» Моретти. Он постоянно ускользает от облав, тогда как его соучастники попадают под арест. Бывший агент ЦРУ Гонсалес-Мата в своей книге «Подлинные властелины мира» намекает на его связь с полицией. А корреспондент газеты «Република» Виллорези пришел к выводу, что Моретти внедрен в «красные бригады» извне. «Внешней силе,— писал он,— достаточно устроить своего человека в руководстве, чтобы сделать всю организацию дисциплинированным и слепым инструментом чужой воли». Адрес поставивших Моретти во главе «красных бригад» прочитывается без труда.

В архивах итальянской полиции Виллорези нашел такую запись: «Подозревают, что парижская школа «Гиперион» является наиболее важным прикрытием ЦРУ в Западной Европе». Именно через эту «школу» идет снабжение террористов всех мастей сружием, взрывчаткой, осуществляется контроль за их действиями.

Если учесть, что итальянские секретные службы, которым было поручено ловить террористов и вызволять Моро, находились в руках членов ложи «П-2», а сам «магистр» был советником по «делу Моро» при главе СИСМИ генерале Сантовито и главе СИСДЕ Грассини, то можно представить, в какой адской и отчаянной паутине оказался похищенный итальянский политический деятель.

Моро, несомненно, догадывался о координации действий между псевдокрасными «бригадами» и своими «внутренними и внешними» противниками.

Во время допросов, которые проводили Моретти и его «команда», Моро, согласно показаниям пойманных впоследствии членов «бригады», спросил: «Не американцы ли поручили вам меня убрать?» 10 апреля 1978 года в одном из писем из «плена», когда он обнаружил, что его коллеги по партии, особенно ее правое крыло, не хотят принимать никаких мер по его освобождению, председатель ХДП пишет ключевые слова: «Возможно, в этой жесткой по отношению ко мне позиции скрывается американская или западногерманская установка». А двойное образование Симиони — как американского «искусствоведа» и «теолога» из ФРГ — перекликается со словами Альдо Моро об «американских и западногерманских установках».

Остается добавить, что «ультралевый» миллионер Росселлини, непонятно кем информированный, объявил по своему радиопередатчику «Читта футура» о возможном похищении Моро за 45 минут до того, как это случилось. Через пару лет мы увидим Росселлини в компании французских «новых философов» нелегально переходящим афганскую границу. Их задача — установить нелегальные передатчики с подстрекательскими записями на русском языке. Чтобы объяснить вольтфасы Симиони и Росселлини, понять логику Моретти, который настоял на убийстве Моро 9 мая 1978 года вопреки мнению других руководителей «красных бригад», нам остается поставить в знаменатель два слова — ЦРУ — «П-2»,

Только они могли обеспечить преступникам безнаказанность, несмотря на то, что полиция уже располагала адресом их штаб-квартиры на улице Градоли в Риме. Вместо того чтобы поймать руководителей группы по этому адресу, полиция предприняла шумные операции в городке того же названия в провинции Витербо, как бы предупреждая террористов, что «Градоли» под угрозой. Затем все же один из полицейских постучал в дверь, за которой могли быть похитители, но, «поскольку ему не ответили», ушел, доложив начальству, что там никого нет.

И только после того как рассеянные террористы забыли закрыть у себя кран и вниз стала протекать вода, секретные службы по жалобе жильцов вскрыли дверь. Они обнаружили пишущую машинку, на которой печатались так называемые «коммюнике» преступников, фальшивые номера машин, подложные документы и другой реквизит. Операцию по обыску провели с таким великим шумом, что, по наблюдению журналистов, одна из предполагаемых террористок, прибывшая на улицу Градоли на мотоцикле, сообразила, в чем дело, и скрылась, сумев, видимо, оповестить сообщников о нависшей опасности.

Полиции, как потом сообщила вдова Моро, было заранее известно о прибытии в Рим группы террористов и о том, что за машиной ее мужа начали слежку неизвестные. Ему отказались предоставить бронированную машину. Последние недели усилился шантаж в отношении Альдо Моро. Ему еще раз предлагали прекратить политическую деятельность, отступить от своего проекта.

Подозрение, что Джелли был одним из вдохновителей преступлений, возникало и у самих полицейских. Так, полицейский квестор г. Ареццо, где, как мы помним, обосновался «почтенный магистр», получил из Рима от своего руководителя Сантилло указание расследовать роль Джелли, как одного из возможных вдохновителей похищения. Но как только отдельные чиновники старались выполнить это указание, они сталкивались с непреодолимой стеной. Ведь ге-

нерал Грассини, глава секретной службы МВД Италии, которому подчинялся квестор Ареццо, сам являлся членом ложи «П-2». Он не только не допускал каких-либо действий против своего негласного патрона, но все операции по сбору и обработке информации о похищении Моро, как свидетельствует его подчиненный, сосредоточил в руках Джелли! Как показал полицейский чин МВД Чоппа, член «П-2», подготовленные министерством бумаги о «деле Моро» были разработаны на совещании в МВД с участием Джелли. «Глава ложи,— говорится в документе итальянской парламентской комиссии,— действовал, таким образом, почти официально, будучи внедрен на высшем уровне в один из жизненных центров государства».

Цели, преследовавшиеся похищением и устранением Моро, фактически были достигнуты. Идея национального согласия была похоронена вместе с ее инициатором. В Италии активизировались правые силы. Стране были навязаны американские ракеты. Смерть Моро оставила тяжелейший след в истории страны. Никогда банда Джелли не была столь близка к успеху. Но тягчайшее преступление вызвало и другую реакцию. Большинство итальянцев заняло активную позицию против разгула терроризма и попустительства секретных служб. В рядах самих террористов началось брожение. Некоторые из них отмежевались от подобных действий, заявили о раскаянии. Почти все лица, занимавшиеся операцией на улице Фани, где произошло похищение Моро, были выловлены. Партии «стратегии напряженности» теперь нужно было думать о новых средствах провокаций, о сколачивании или использовании иных групп и организаций.

К этому прибавилась грызня между финансовыми центрами масонства. На смену Синдоне, арестованному американцами, пришел директор миланского «Банко Амброзиано» Кальви. Он и стал банкиром «П-2». Традиционно сотрудничающий с Ватиканом, этот банк предпринял энергичное наступление на внутренних и внешних рынках. Если

прибавить сюда другого банкира логи «П-2» Ортолани, также связанного с финансами Ватикана и Мальтийского ордена, совладельца вместе с Джелли цепи банковских учреждений Латинской Америки, то таким образом создалась своего рода уния «католического» капитала, потеснившего интересы «светского» капитала, вокруг которого традиционно группировались итальянские масоны, придерживающиеся антиклерикальных традиций. Новая группировка теснила старые. Особые доходы ей давал сбыт оружия в Латинскую Америку, продажа нефти, текстильный демпинг. Не меньше выгоды приносили операции по «отбеливанию» полученных от мафии, каморры, ндрагетты (итальянских преступных организаций) денег, нажитых вымогательством, грабежами. Спекуляции через фиктивные «общества» позволяли удваивать и утраивать капиталы, продавать на международных рынках фальшивые акции. Банкиры логи Джелли и сам «магистр» в безудержной погоне за наживой бросали вызов сложившемуся соотношению сил среди итальянских денежных тузов.

Эти противоречия не могли быть скрыты общностью масонского антуража. Как говорится, дружба дружбой, а денежки врозь. Опираясь на связи в международных банковских домах Лазара, Ротшильдов и других, «светские» бароны финансов Италии стали ставить учреждениям Джелли одну подножку за другой, выводить на чистую воду махинации, которые лишь они, умудренные вековым опытом владения деньгами, и могли выявить. Это с их помощью удалось посадить Синдону, который к тому же неосторожно «заказал» убийство следователя Амброзоли, распутывавшего комбинации сицилийского магната.

Настала очередь и Кальви. Недоверчивый и замкнутый «банкир с ледяным взглядом», как его живописали итальянские журналисты, тем не менее оказался весьма доверчив к масонам, уверовав, что всегда и во всем «братья» его выручат. Внушительной силой, стоявшей, как ему казалось, на его стороне, был Институт религиозных дел, финансовый

центр Ватикана, глава которого американский архиепископ Марцинкус проводил через банк Кальви рискованные операции. Сюда прибавлялись аферы Джелли. Если Джелли за счет Кальви отправлял латиноамериканским диктаторам, особенно аргентинским военным, партии оружия, то Марцинкус через банк Кальви финансировал представителей организаций, ведущих подрывную деятельность против своих властей. Операции эти направлялись Центральным разведывательным управлением США. Полагают, что Марцинкус не порывал отношений с «фирмой», в которой работал со времен, когда она еще именовалась Управлением стратегических служб*.

Кальви впутали и в операции по «покупке» крупнейших органов итальянской прессы, в частности издательского дома Риццоли и одной из самых престижных газет Италии «Коррьере делла сера». Немалых денег требовал и издающийся в Милане личный еженедельник «почтенного магистра» «Сеттиманале». Сюда следовало прибавить миллионные подачки людям из аппарата правящих партий. Дефицит Кальви стремительно разрастался и превысил полтора миллиарда долларов! Банк не справлялся с текущими выплатами. Банкир был посажен под домашний арест, потом выпущен. Одно время казалось, что компромисс будет найден: главный его оппонент, владелец фирмы «Оливетти» (и вместе с братом хозяин доброй доли итальянских банков) Карло Де Бенедетти, согласился войти в руководящий состав банка Кальви. Вошел, ознакомился с его счетами и незамедлительно вышел. После этого банк был обречен. Марцинкус отказался помочь. По подложному паспорту Кальви выехал в Лондон, где надеялся получить заем у английских банкиров-масонов. Выведенный из себя серией обманов и отказов, он пригрозил разоблачить махинации

* Лишь в марте 1989 года Ватикан отправил супердинамичного прелата на пенсию.

«братьев», бессовестно обобравших его банк, а также делишки Ватикана.

Финал известен: Кальви был повешен наемными убийцами под мостом «Черных братьев» в Лондоне. Скорее всего, это сделали люди мафии, услугами которой часто пользовались Джелли и его лица.

Но еще до этого немаловажного в истории ложи «П-2» криминального эпизода империя Джелли стала давать трещины. Убийства следователей, махинации прокуратуры не могли полностью затормозить расследования преступлений «магистра». Обнаружение списков ложи, собственно, лишь довершало дело. «Почтенный магистр» был вынужден бежать в Америку. Он затем ненадолго появился в Европе. Изменив внешность, отпустив и покрасив в черное усы, пытался снять свои миллионы долларов в женевском банке. Но был схвачен, посажен в швейцарскую тюрьму. Однако перед тем как его должны были выдать судебным властям Италии, с помощью «братьев» Джелли бежал вновь. Бежал в Латинскую Америку, под крылышко ЦРУ. Оттуда вновь посылал «сигналы», шантажировал прежних компаньонов, политиков, финансистов.

А в сентябре 1987 года объявился в Женеве в сопровождении сразу четырех адвокатов, с явным намерением добиваться реабилитации, восстановления чести масонского мундира и... права доступа к деньгам в швейцарских банках. Посаженный в ту же тюрьму Шан Доллон, откуда бежал, Джелли стал выторговывать условия своей выдачи итальянским судебным властям. Главное — обойтись домашним арестом. Известно, насколько малокомфортабельны тюремные помещения на Апеннинах и к тому же небезопасны. Весной 1986 года банкир ложи «П-2» Синдона, выданный все же американцами в Италию и приговоренный здесь к пожизненному заключению, был отравлен в миланской тюрьме цианистым калием, поданным с чашечкой кофе.

Правда, для Джелли это имело и свою положительную сторону — был устранен очень осведомленный «брат».

А вскоре «неожиданно» умер еще один опаснейший свидетель — адвокат Федеричи, знавший подноготную об отношениях «магистра» с ЦРУ, о его крупных мошенничествах. Не оттого ли осмелел глава ложи «П-2» и разыграл возвращение блудного сына? Тем не менее пока шел торг, суд во Флоренции приговорил Джелли к 8 годам тюрьмы за соучастие в фашистском терроре.

В середине февраля 1988 года «достоchtigый мастер» наконец был передан итальянскому суду, но вскоре оказался на свободе и тут же пригрозил обидчикам опубликованием своих разоблачений. Весной 1989 года он издал апологетическую книгу под напыщенным названием «Истина». Как сложится далее судьба бывшего фашиста и мошенника, волей ЦРУ оказавшегося на вершине невидимой «пирамиды», чуть не завладевшей Италией, не так уж важно. Важнее другое — кто или что позволило матраснику, наживавшемуся на подрядах для баз НАТО в Италии, сыграть роль, намного превосходящую его природные способности?

Двух суждений быть не может: Джелли был вознесен столь высоко лишь потому, что сам являлся орудием в чужих руках. К такому заключению пришла комиссия итальянского парламента, более двух лет кропотливо собиравшая данные о заговоре ложи «П-2». Отметив, что функции, которые осуществляла ложа «П-2», были, «бесспорно, слишком велики для такого персонажа, как Личо Джелли», комиссия выдвинула следующую гипотезу: над «пирамидой» магистра высилась иная, главная «пирамида», которая и диктовала своему придатку «конечные цели».

Комиссия уклончиво заметила: «Какие силы действуют в верхней структуре, нам знать не дано даже в самых общих выражениях, кроме идентификации отношений, связывающих Джелли с секретными службами» (читай: ЦРУ). Это полупризнание, однако, становится менее туманным, если, следуя совету авторов документа, посмотреть «за рамки домашних горизонтов» Италии.

Над «пирамидой» итальянского масонства вознеслась и была связана с ней «пирамида» определенных кругов американского масонства, представляющего политико-финансовые олигархии США. Составители документа напомнили, что послевоенное становление итальянского масонства проходило под руководством и контролем американцев, в частности уже называвшегося работником ЦРУ Фрэнка Джильотти. В документе парламента Италии говорилось: «Обращает внимание появление Джелли на сцене в момент, когда исчезает Джильотти, причем не может не поражать многозначительное совпадение их функций».

Уход Джелли со сцены встревожил верхнюю «пирамиду». В Италию из Соединенных Штатов Америки прибыла внушительная делегация американских масонов из «Международной лиги прав человека». Их приняли советники премьер-министра Италии. Свое негодующее заявление американцы адресовали итальянской «Лиге защиты прав человека». Лучшего адреса, поистине, не найти: ее возглавлял Бандьера, член ложи «П-2»!

Когда же стало ясно, что Джелли скомпрометирован окончательно и надежд на его реабилитацию нет, его «друзья», как по команде, повернулись на 180 градусов. Джелли и его ложа после всех панегириков были объявлены «еретиками» масонства. Мало того, Джелли, оказывается, действовал... по велению Советского Союза! Он ни больше, ни меньше... как агент КГБ. Последний тезис был сработан в спешке через две недели после захвата списков ложи. 3 апреля 1981 года в записках, подготовленных для руководителя секретной службы министерства обороны генерала Сантовито, уже выдвигается версия о «заговоре с Востока», «центральной движущей силой которого является Джелли». Сами члены ложи «П-2», дескать, ничего не знали и не ведали. «Гипотеза» о Джелли как агенте Востока сочтена «очень интересной». В последующих записях генерала эти линии развиты дальше — оказывается, и списки, обнаруженные в Кастильон Фибокки, «неверны». Их «на-

рочно» подсунул Джелли, чтобы дестабилизировать Италию, «нанести государству удар в сердце». Да и сам скандал с «П-2», как и только что совершенное (13 мая 1981 года) покушение на папу, часть все того же «дестабилизирующего замысла».

Сантовито, член ложи «П-2», хочет, понятно, обелить себя и подсовывает общественности то, что Стивен Найт называл «дезинформацией масонства». Только на этот раз она по совместительству и дезинформация ЦРУ. Ибо соединяли воедино крушение своего кумира и идею изобразить покушение на папу следствием «заговора с Востока» профессиональные дезинформаторы ЦРУ, которые уже тогда стряпали «дело Антонова».

Сочинял эти строки для Сантовито, это можно сказать без боязни ошибиться, новый Калиостро, припасенный ЦРУ вместо Джелли. Ему вручили все «хозяйство» — руководство итальянскими секретными службами, их провокациями и бразды правления над итальянским «братством». Его имя — Франческо Пацьенца. Работник ЦРУ Джильотти, прислужник ЦРУ Джелли, агент ЦРУ Пацьенца — круг замкнулся. Цель восстановили. Американская «пирамида» вновь опрокинулась на Италию.

На роли Пацьенцы мы еще остановимся подробнее. Ограничимся пока фрагментом из неоднократно цитировавшегося нами документа парламентской комиссии Италии. «Ставит немало вопросов тот факт, что Сантовито в последний период был человеком, связанным с Франческо Пацьенцей, и что сам Пацьенца, похоже, находится в диалектической связи с заменой Джелли, появившись в Италии примерно в тот же момент, когда джеллианская империя дала первые признаки крушения».

И другое. У СИСДЕ, секретной службы МВД, которой ранее в ответ на запросы нечего было сказать что-либо о Джелли, после того как ее шеф — член «П-2» генерал Грасини уступил место генералу Де Франческо, сразу отыскались нужные материалы. В них отмечалось, что Джелли

«в больших масштабах занимался контрабандой золота из Южной Африки и реализовал его через Цюрих». Что он, оказывается, был подключен Вашингтоном к операциям по освобождению заложников в Тегеране. Признавался вклад Джелли в кампании по некоторым президентским выборам на Западе, как в Америке, так и Европе. Подтвердилось, что «Джелли принимал участие в инаугурации американских президентов Форда, Картера и Рейгана».

Что же касается тезиса о связи Джелли «со службами Востока», то «эти предположения не нашли никакого подтверждения».

Новому главе секретной службы не было необходимости лгать, поскольку он не входил в джеллиевскую команду и до него не дотянулась пока рука нового наместника США — Пащенко. Но не будем питать иллюзий. Она вскоре дотянется до заместителя министра внутренних дел Италии Франческо Маццолы. Пащенко переведет его в секретную службу министерства обороны СИСМИ, удвоив ему зарплату. Пащенко подключил его и секретные службы Италии, всю масонскую рать ложи «П-2» к стряпанью «дела Антонова», гнуснейшей международной провокации. И Маццола побил все рекорды лжи, расписывая перед британскими журналистами «болгарский след». А пока на удочку Пащенко попал Стивен Найт, поспешив причислить Джелли к «агентам КГБ».

Резюмируем. Джелли и «вершина» переформированного итальянского масонства — ложа «Пропаганда-2» — несомненное творение рук определенных реакционных сил, военно-промышленного комплекса США и его слуги — разведки США. Лучшее всего о «почтенном магистре», «П-2» и невидимой армии лиц в фартуках и с бутфорскими молотками, людях, привыкших на деле держать в руках крупные кредитки, а не рабочие инструменты, сказал член ложи «П-2», руководитель ее агентства, журналист Мино Пекорелли, тот самый, которому Джелли вручил в свое время досье на итальянских политических и профсоюзных деятелей:

«Промышленники и финансисты, политические деятели, генералы и судебные чиновники, принося клятву верности масонству, тем самым становились на службу ЦРУ США».

Нельзя понять, почему Пекорелли повернул в сторону разоблачений деяний бывшего своего друга Желли и логи «П-2». Может быть, убийство Моро сыграло роль в его прозрении? Пекорелли писал, что убийство Моро «не имеет ничего общего с «красными бригадами», и обещал рассказать в этой связи кое-что новое о «магистре». Если это было действительно прозрение, то оно было оплачено дорогой ценой. В начале 1979 года Пекорелли был убит у своего дома пулей в рот. Так мафия расправляется с теми, кто, по ее мнению, говорит лишнее. Только вряд ли убийство было нужно самой мафии. Ей-то Пекорелли не был опасен. Одно несомненно: Пекорелли был убит за то, что мог высказать тщательно скрываемую правду.

В одном из интервью Желли уверял, что «масонская вендетта — это средневековая басня». Однако вереница загадочных смертей тех, кто мог помешать «братьям», в том числе и самих членов «братства», столь длинна, что ее не назовешь случайностью.

Сами «братья» упорно отрицают, что прибегают к мести в отношении тех, кто, по их мнению, «проштрафился» или им неуютен. Личо Желли с порога отвергал адресованные ему обвинения в расправе над «братом» из «П-2», Мино Пекорелли, обещавшим разоблачить деяния «почтенного магистра». Член «П-2» банкир Синдона, однако, был признан виновным в том, что организовал убийство следователя Амброзоли, распутавшего его противозаконные комбинации по созданию фальшивых «филиалов» и незаконному экспорту валюты. Но и сам банкир был устранен, выпив чашечку кофе с цианистым калием.

Так как же быть с мезтью? Она может быть весьма разнообразной. Стив Найт беседовал о возможности «наказания» с масоном, которого назвал Кристофером. Беседа поучительна. «Национальная организация масонов,— ска-

зал Кристофер,— включающая лиц самых различных профессий, обеспечивает возможности создания системы частного сыска, которая поражает воображение. Очень быстро можно собрать деликатную информацию о любом гражданине в стране через бесконечные масонские контакты — в полиции, среди юристов, банковских менеджеров, в почтовых ведомствах — «передача копий получаемых данной персоной писем», у докторов, правительственных чиновников, боссов предприятий и т. д.

Досье личных сведений может быть собрано очень быстро. Когда основные факты жизни персонажа установлены, становятся очевидными зоны его уязвимости. Возможно, у него финансовые трудности либо он обладает пороками, имеет любовницу, в его прошлом есть грехи, которые он скрывает.

Часть информации собирается под тем предлогом, что она нужна, чтобы «помочь брату, попавшему в беду».

А затем вступает в действие механизм уничтожения. Лицо вдруг получает к срочной оплате завышенные счета. Ему задерживают выплаты, заставляют делать лишнюю бумажную работу, его клиентов побуждают делать ошибочные шаги в ущерб себе. Масонская полиция может задержать его под фальшивым предлогом — скажем, распространения детской порнографии, торговли наркотиками. Он лишается работы и никогда уже не сможет найти ее. Некоторые после подобного опыта кончают самоубийством.

Так или иначе большинство людей оказываются сломленными. Кончается тем, что вы уже и не знаете, на кого вообще можно положиться. Вам могут не помочь даже близкие друзья, поскольку в их глазах ваша история будет выглядеть как бред параноика, вас примут за душевнобольного, обвиняющего в заговоре против себя весь мир. Большинство людей подумают, что это пустая фантазия, и именно такие люди отравят человеку остаток его дней»¹.

¹ Knight S. Op. cit. P. 145—146.

Так начинал карьеру будущий глава
лжи «П-2».
Личо Джелли (*справа*) в фашистской форме

**Джелли в парадном облачении «почтенного
магистра» ложи «П-2»**

**«Паутина Джелли над Италией». Карикатура
Роберто Казале в еженедельнике «Панорама»
(12 октября 1981 г.)**

«Троица» бывших руководителей итальянских секретных служб, входивших в «П-2»: генералы Джузеппе Сантовито (слева вверху), Вальтер Пелози (под ним) и Джулио Грассини (справа)

Ложа готовится заседать. Лица спрятаны в клобуки, мечи приготовлены. Снимок из испанского журнала

«Профессор» Паоло Синьорелли арестован по обвинению в терроризме

После взрыва на вокзале в Болонье 2 августа 1980 года. К этому взрыву причастна ложа «П-2»

Альберто Сорди в фильме «Очень, очень мелкий буржуа». Сцена приема в масоны героя фильма, решившего сделать карьеру

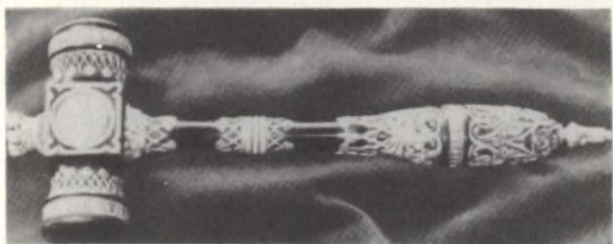
Гравюра из «Конституции» масонов, изданной в 1723 году

Церемония принятия в масонскую ложу. С гравюры XVIII века

Масонская символика

These diagrams are known as Sri Yantra and are used in various forms of Hindu tantra.

Главный ритуальный зал «Великого Востока
Франции». Париж, улица Кадэ

Масонский национальный мемориал Джорджа Вашингтона. Александрия, штат Виргиния

Главное здание
франкмасонов
в Лондоне. Постро-
ено в 1927—1933 го-
дах. В 1967 году
здесь отме-
чалась 250-я го-
довщина основания
Великой ложи

Зал Великой ложи
в Нью-Йорке. Зда-
ние построено
в 1927—1929 годах

Казначейский билет в один американский доллар с масонской символикой

Король Пруссии Фридрих II — гроссмейстер масонской ложи

Кайзер Вильгельм I (1871—1888) в масонском фартуке. При нем развились и укрепились милитаристские тенденции немецкого масонства

Принц Уэльский Альберт Эдуард (позднее король Эдуард VII), Великий магистр в 1874—1901 годах. С портрета Десанжа (из коллекции Великой ложи)

Гитлер приветствует герцога Виндзорского (бывшего короля Эдуарда VIII) в Оберзальцбурге 22 октября 1937 года. Эдуард VIII также возглавлял британское масонство

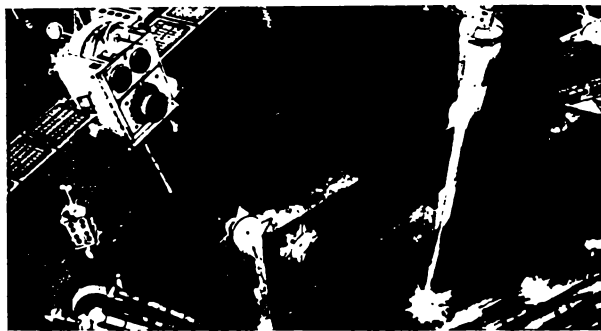
Теодор Рузвельт
президент США в 1901
1909 годах — в масонском
облачении

Гарри Трумэн —
президент США в 1945—
1953 годах — руководи-
тель американского масон-
ства в специфическом
облачении

Глава 2

ВОЕННАЯ ПРОСЛОЙКА В МАСОНСТВЕ

Экскурс в историю — Современные кузнецы оружия — У каждой базы — своя ложа — Гонка вооружений под эгидой масонской мифологии

Военная прослойка в масонстве всегда была традиционно большой и может сравниться лишь с процентом бизнесменов и финансистов. Она особенно велика для основного в современном масонстве «шотландского ритуала», гордящегося родством с крестоносными рыцарями «храмовниками». Но и «латинское», «романское», не говоря уже о «тевтонском» или немецком, масонство также культивировало

создание военного ядра в «братстве». Сперва освободительные — на Американском континенте и отчасти в Европе, — а затем и завоевательные, включая колониальные войны, закрепили эти традиции, придали ему дополнительный вес, военные функции совместили с политическими.

Американское масонство, например, рождалось с самого начала в значительной степени как военно-политическое. «Военные ложи» работали по «старому уставу», были открыты для простых офицеров, моряков, а кроме того — купцов и ремесленников. «Шотландские» ложи получили за океаном большую популярность в связи с доступностью для лиц средней знатности и перспективами быстрого возвышения благодаря принадлежности к «братству». В этих ложах, близких к местному населению, быстрее стали проявляться тенденции к освобождению от британского владычества. В 1759 году английские военные ложи в Канаде избрали собственного гроссмейстера в Квебеке. А в 1769 году ложа Св. Андрея («шотландцы») и три военные ложи организовали в Бостоне «Провинциальную Великую ложу». В 1782 году она была преобразована в «Великую ложу Массачусетса». В Пенсильвании «Великую провинциальную ложу» в 1760 году возглавил богатейший землевладелец Вильям Болл. Мы уже упоминали о том, как в 1752 году в деревушке Фредериксбург был принят в масоны майор королевской армии Джордж Вашингтон, который позже возглавил американское масонство и его борьбу за отделение от Англии.

Журнал «Эмпайр стейт мейсон» (орган масонов Нью-Йорка, 1986, т. 34, № 1, с. 10) так описывает момент принятия Вашингтоном присяги на балконе Федерального здания в Нью-Йорке, который тогда являлся столицей США: «Вместе с ним на балконе находилась группа видных американцев, многие из которых были членами Масонского Братства».

Присягу принимал государственный канцлер Роберт Ливингстон, занимавший тогда пост Великого мастера масонов Нью-Йорка. Библия, на которой принималась присяга, была

заимствована из ложи Св. Иоанна мэром Джэкобом Мортонном, Великим секретарем Великой ложи.

«Свободные каменщики Америки,— заключал журнал,— горды той ролью, которую играли члены Братства в этом историческом событии».

«...Весь командующий состав американской армии, начиная с главнокомандующего и кончая низшими офицерскими чинами, принадлежал к числу масонов,— говорится в до-революционном русском исследовании.— Масонами были также почти все выдающиеся политики этого времени... равно как и большинство народных представителей, подписавшихся под Декларацией независимости в 1776 году и под Союзной Конституцией 1787 года»¹.

Военизированный характер американского масонства отражали и его первые публичные церемониалы. Так, в 1779 году в шествии, устроенном в честь Вашингтона в Филадельфии, непосредственно участвовала армия, а инициатором шествия была военная ложа «Американский союз» (American Union Lodge).

Воззавшие с англичанами французы не отставали от них и тоже имели собственные военные ложи. Влиянию масонства во французской армии посвящен ряд специальных исследований. В 1987 году в Париже вышел труд Жан-Люка Куа-Бодэна «Армия и франкмасонство от упадка монархии, в период революции и империи»², в котором отмечается, что пик расцвета влияния «братьев» на армию приходился на эпоху наполеоновских завоеваний. Автор приводит данные известного английского исследователя масонства Гулда, который в книге «Фартук и меч» (1899 г.) сообщил о существовании 400 военных лож в завоеванной Наполеоном Европе.

Ведутся споры о том, принадлежал ли сам Наполеон к

¹ Масонство в его прошлом и настоящем. СПб. 1914—1915. Т. 2. С. 251

² *Quoy-Bodin Y.-L. L'Armée et la Francmaçonnerie du declin de la monarchie sous la Revolution et Empire. Paris, 1987.*

масонству, но нет сомнений, что в его возвышении и утверждении у власти масонские связи играли не последнюю роль. Его братья, посаженные править завоеванными странами, крупнейшие маршалы — Сульт, Ней, а также Бернадотт, поставленный во главе Швеции и положивший начало новой династии, являлись одновременно руководителями масонских сообществ. Сам Наполеон (его слова вынесены в эпиграф книги) заявлял: «Военное сообщество является франкмасонством: между ними имеется определенное понимание, которое позволяет им узнавать друг друга повсюду безошибочно, находить и понимать друг друга».

В пьемонтской армии, которой руководили сторонники принятой в масонство Савойской династии, и войсках Гарибальди, завершавших дело объединения Италии, военное масонство также играло значительную роль. Позже их роль лишь усилилась. «Согласно статистике, заслуживающей доверия, — писал исследователь итальянского масонства Спинетти, — в начале этого века ложи посещали до 35 процентов офицеров действительной службы Италии»¹.

Это нередко связывалось с освободительными миссиями, в которых отличались масоны-воины, командующие, вроде Боливара или же Гарибальди.

Но все это — в прошлом. Ныне реквизит мифологического багажа масонства служит удобным флером для боссов военно-промышленного комплекса. Программы производства наиболее бесчеловечных средств истребления людей часто окутываются в благопристойные одежды понятий и терминов, взятых из греческой, «рыцарской» и иной, связанной с легендами масонства мифологией, благо «братство» претендует на причастность ко всем основным религиям и верованиям, от египетских до индийских и зороастрийских, не говоря уже о каббале и Библии.

Это видишь, когда читаешь названия военных маневров вроде «Осенней кузницы», связанной с мифом о происхож-

¹ *Spinetti S. Gruppi di pressione e interessi privati nella pubblica amministrazione. Roma — Bologna, 1966. Vol. 2. P. 45—48.*

дении архитектора Соломонова храма от Вулкана, символического кузнеца древности, или относящийся к тому же ряду «Дистант хаммер» («Молот, поражающий далеко»), либо идиллический «Аркадиан экспресс», напоминающий мечту масонов о гармоничной Аркадии с ее потайными символами.

На примере Италии и ложи Джелли мы видели, как много натовских генералов и адмиралов являются масонами высоких степеней. Масоном высокой степени был командующий 5-й армией США Лемнитцер, с контрразведкой которой сотрудничал Джелли. Сам Лемнитцер еще в ходе войны принимал активное участие в организации сепаратных переговоров с гитлеровскими заправилками с целью спасти остатки нацистского режима. Лемнитцер с 1962 по 1968 год занимал пост верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО.

Интересно, что итальянские секретные службы формировались в 1949 году одновременно с вступлением Италии в НАТО под руководством масона «шотландского обряда», министра обороны Италии Манлио Брозио, впоследствии генерального секретаря НАТО.

Много «братьев» в верхушке НАТО, ее комитетах. Интересующие их вопросы они могут координировать и вне натовских стен, в своих специальных ложах. Ибо практически при каждой базе США или НАТО в любой стране имеются специальные ложи. Они удобны и для контактов с масонами данной страны, для их обработки и использования.

В Италии, помимо смешанных лож для офицеров и работников посольства США в Риме — «Колизеум», «Китс» и «Шелли», были оборудованы специализированные военные ложи. Так, при штабах НАТО и на натовских базах в Италии в конце 50 — начале 60-х годов были созданы специальные ложи для американских офицеров: в Вероне — ложа «Верона Америкен», в Виченце — «Джордж Вашингтон», в Ливорно — «Бенджамин Франклин», в Болонье — «Фьорелло Ла Гуардиа», под Неаполем — «Гарри Трумэн», на базе

во Фриули — «Авиано», в Сан-Вито — «Дж. Маккланнан».

В Париже, когда штаб-квартира НАТО базировалась во французской столице, масонская ложа использовалась для дружеских «агапи», ритуализированных банкетов для «братьев» с участием офицеров Франции и других стран. Поскольку «Великий Восток Франции» имеет свои обряды и более радикальные традиции, то привилегированные отношения были созданы американцами с одним из течений более правого и атлантического толка, так называемой «ложей Нейи», которую французы не без иронии называли «американским Востоком». Курировал отношения с этой ложей лично верховный главнокомандующий НАТО Лемнитцер.

В ФРГ, где особенно много натовских баз и учреждений, масонских заведений оказалось так много, что ложи (их более сорока) пришлось разделить на 10 округов, и учредить в Бад-Киссенген их главный центр во главе с Великим мастером. Одним из сосредоточений американско-канадских лож является Битбург.

В Греции с натовскими базами связана американско-канадская ложа «Парфенон».

В Турции аналогами являются ложа «Дикмен» в Анкаре, «Фридом» в Стамбуле, «Эфесис» в Измире.

В Испании американские масонские ложи учреждены на военных базах в Сарагосе, Торрехоне, Роте и Севилье¹.

О месте натовских военных в современных приоритетах американских масонов нетрудно составить представление хотя бы на примере нью-йоркских «каменщиков». Их журнал «Эмпайр стейт мейсон» (1986, т. 34, № 1, с. 16), касаясь «важной роли наших масонских братьев во второй мировой войне», поместил следующий восторженный панегирик: «Что бы мы смогли сделать без генерала армии Маккартура, генералов Маршалла, Брэдли, Уэйнрайта, адми-

¹ Данные из: *Masonic World Guide*, а также книги: *Ferrer Benimeli I. A. Masoneria española contemporanea*. Madrid, 1980. Vol. 2. P. 194.

рала Кинга?» В журнале приведен список членов «братства», удостоенных медали Великой ложи Нью-Йорка за минувшие годы. Изредка в него вкраплены гражданские лица вроде президента Форда, сенатора Хемфри, изобретателя пенициллина Флеминга, а также космонавты Олдрин и Гленн, впрочем, тоже военные. Основной же состав выглядит так:

1945 год — адмирал Кинг, генерал Маршалл.

1946 год — генералы Брэдли и Уэйнрайт. 1947 год — Гувер, шеф ФБР.

1955 год — генерал Сарнофф. 1959 год — упоминавшийся выше генерал Лемнитцер. 1963 год — знакомый нам Макартур. 1967 год — адмирал Рейнборн, шеф ЦРУ. Завершается список именем Дулиттла. Нет, не того, который послужил прообразом Айболита в переложении К. Чуковского, а опять-таки генерала. И не простого. Руководитель секции авиации монополии «Шелл», он в годы войны участвует в первом налете на Токио, командует авиачастями США в Италии и Англии, затем становится директором «Шелл» и ряда концернов, банков, военных лабораторий. Масон 33-й степени с 1945 года, любимец монополий, финансовой олигархии, военно-политического комплекса США. Весьма характерная биография.

Американо-натовские масонские контакты использовали тогда, когда проталкивалось решающее для нового витка гонки вооружений и ломки разрядки решение о так называемом «довооружении» НАТО. Оно предусматривало не только бешеное возрастание военных расходов, но и предоставление территорий ряда европейских стран под американские «Першинги» и «Томагавки». Здесь ложа Джелли, и не только она, но и другие масонские связи сыграли свою роль в том, чтобы тайно, из-под полы, в период летних отпусков протащить решение, ставящее суверенитет и безопасность Италии под угрозу. Пригодился и «плюрализм» ложи Джелли, где фашисты сидели бок о бок с социалистами. Известны тесные связи с масонами, наживающимися на тор-

говле оружием, социалиста Лелио Лагорио, который был министром обороны.

Крупным торговцем оружия был сам Джелли и его коллеги из верхушки секретных служб Италии. Они обеспечивали нужные контакты с международными дельцами Ближнего Востока.

Разоблачение деятельности пронатовской ложи Джелли заставило итальянских политических обозревателей под новым углом посмотреть на многие эпизоды недавней истории, включая предоставление баз для американских ядерных подводных лодок и атомных ракет.

Видный политолог Италии Джорджо Галли отмечал в журнале «Панорама»: «Слабость нашей политической системы, столь очевидная в связи со скандалом «П-2», представляет опасность не только для Италии, но и для Европы». Нестабильность, насаждаемая Америкой в Италии, помогла провести решения, привязывавшие Европу к стратегии «ограниченной ядерной войны». И, конечно, использование военно-промышленным комплексом масонских связей сыграло в этом деле определенную роль. Ибо иерархическое здание масонства с его потайными дверцами, комнатами, этажами, где лоб в лоб могут столкнуться в качестве «братьев» лица, принадлежащие, по-видимости, к «непримиримо» борющимся между собой фракциям и партиям, как нельзя лучше приспособлено для подготовки тайных, требующих мимикрии, операций. Трудно придумать другой организм, который так подходил бы для тихого проникновения в чужие государственные и партийные аппараты в интересах монополистического капитала, в том числе и для тайных сделок в области купли-продажи оружия, обращения орудий смерти в звонкую монету.

В ноябре 1982 года Карло Палермо, итальянский следователь из северного городка Тренто, арестовал международного торговца оружием Анри Арсана и заявил журналистам: «Мы ликвидировали самую колоссальную контрабанду оружием, какую знал мир». Обосновавшийся в Италии

ближневосточный делец, как пояснил Палермо, обслуживал сразу два рынка — оружия и наркотиков, а по совместительству работал много лет и на американскую службу борьбы с контрабандой наркотиками — ДЕА.

Сотрудничал он также с ЦРУ и западногерманскими секретными службами, которые через него сбывали «излишки» оружия, такие, как вертолеты «Кобра», танки «Леопард», легкие военные корабли, ракеты, не говоря уже об остальных более мелких видах оружия.

Однако главной опорой афериста были итальянские секретные службы. Член ложи «П-2» подполковник Пульезе с ведома главы секретной службы СИСМИ генерала Сантовито, тоже члена ложи Джелли, в помощь Арсану образовал своего рода консорциум по сбору сведений о международном рынке оружия. В качестве главного эксперта в него входил специалист по ракетам итальянец Партель, в течение 15 лет являвшийся агентом американского Агентства национальной безопасности. Им помогал Джованелли, делец с острова Сардиния, обладавший исключительным правом на поставки для базы американских атомных подводных лодок на о-ве Маддалена, близ Сардинии.

Друг Сантовито и входившего в ту же ложу бывшего главы службы Мичели, Пульезе был особо полезен связями среди масонов, обслуживающих сектор военного бизнеса. Он также имел связи с итальянскими террористами, в частности контролировал контакты «красных бригад» с сардинскими бандитами. Уже после бегства Джелли в Америку Пульезе вступил в контакт с Великим магистром «Великого Востока Италии» Армандо Короной. Через Корону некоторые заказчики-масоны хотели удостовериться, действительно ли Пульезе принадлежит к «семье». Как и мафия, масоны называют свое сообщество «семьей»¹.

Клиентура консорциума торговцев смертью была рассеяна по всему свету, равно как и банки, финансировавшие

¹ Corriere della Sera. 1983. 12 ottobre.

их сделки. Часть банков непосредственно контролировалась ЦРУ. В частности, постоянным их клиентом был «Ньюган Хэнд бэнк» в Австралии, «крыша» ЦРУ, созданная специально для сбыта подпольных партий оружия*.

Как сообщал агент банка «Ньюган Хэнд» из Сиднея — Бартоломью, материал для поставок «поступал со складов ЦРУ».

Глава банка Фрэнк Ньюган 27 января 1980 года был найден убитым в своей машине. Среди его документов была обнаружена визитная карточка Уильяма Колби, бывшего директора ЦРУ. Однако и после загадочной кончины главы банка Бартоломью оставался контрагентом Арсана и Пульезе. В качестве примера сделок «консорциума» можно привести поиски покупателей для партии в 66 американских «Кобр», вертолетов, предназначавшихся для Ирана. В связи с падением шахского режима они оказались непроданными¹.

Весьма характерной была сделка с Сомали. Руководство Сомали обратилось к США с просьбой продать большую партию оружия. В Вашингтоне предпочли совершить сделку через итальянских посредников. Летом 1982 года после встречи сторон в римском отеле «Хилтон» была достигнута договоренность о поставках 116 танков М 48-А5, 20 вертолетов «Кобра», одной тысячи ракет «Тоу» и другого снаряжения общей стоимостью в 400 миллионов долларов.

В процессе дележа комиссионных, которые полагались участникам сделки, был привлечен также итало-американский актер Россано Брацци, традиционный исполнитель ролей «латинских любовников» в голливудских фильмах. Пульезе снабдил Брацци досье для передачи американцам, в котором расписывались возможности связей итальянского масонства, и в особенности ложи «П-2». А для контактов и

* В самих США основной центр по продаже оружия «Коммерс интернэшнл» расположен в Майами. Он имеет филиалы в Вашингтоне, Брюсселе, Сингапуре, во Франции.

¹ Repubblica. 1984. 20 giugno.

уточнения деталей был использован личный телекс Великого магистра «Великого Востока Италии» Армандо Короны.

Американские банки побоялись все же гарантировать сделку. Тогда к ней были привлечены финансовые круги Итальянской социалистической партии, в частности делец Фердинандо Мах ди Пальмштейн, близкий к премьер-министру. В октябре 1982 года все бумаги были согласованы и подписаны. Министр обороны Италии социалист Лелио Лагорио в то же время прибыл в Могадишо с официальным визитом.

Однако следователь Палермо испортил всю обедню: взял да и арестовал участников «консорциума». Было выдвинуто обвинение и в адрес генерала Сантовито в «личном и непосредственном участии» в продаже оружия.

В бумагах, телексах и других документах «консорциума» следователь отыскал следы большого числа подобных негласных сделок. В интервью журналистам Палермо заявил: «Продажа оружия обеспечивает головокружительные прибыли»¹. Выяснилось, что все это подпольное предприятие было окрещено Пульезе «Горусом». С Гором, сыном Озири-са и Изиды, древнеегипетским божеством, связаны многочисленные ритуалы в масонских ложах.

Древнее имя прикрывало суперсовременные и супербесчестные сделки, сулившие золотые горы как американским, так и итальянским «братьям».

Почему бесчестные? Ведь бизнес есть бизнес, не так ли? Но и мораль торговцев отличает официальные сделки от контрабандных, где ко всему приплюсовывается, как было в «Горусе», еще стоимость наркотиков и где в широких масштабах практиковались операции подкупа, взяток, обмана и шантажа.

Пожалуй, некоторые из приемов надувательства настолько колоритны, что будут интересны читателям. У итальян-

¹ Panorama. 1983. 30 maggio. P. 65.

цев для случаев наиболее вульгарного обмана имеется термин «бидоната». Он подходит и для наших примеров.

Итак, «бидоната» 1.

Сын владелицы башмачного магазина в городке Кьяри Роландо Пелицца, известный как любитель широко пожить за чужой счет, явный жулик, стал уверять жителей, будто какой-то солдат, вернувшись из Германии после войны, подарил ему секретную машину гитлеровцев, которая способна производить «антиатомы» и уничтожать все живое и мертвое. Иными словами, генератор «лучей смерти», наподобие «гиперболоида инженера Гарина», описанного Алексеем Толстым. В то время как жители посмеивались в барах над очередной авантюрой земляка, Пелицца поделился своей новостью с Пульезе. Тот срочно познакомил с потрясающей новинкой генерала Сантовито, руководителей христианско-демократической партии. Этого ему кажется мало. Будучи поклонником бывшего итальянского короля, Пульезе едет к нему в изгнание (Португалия) и просит использовать монаршее влияние, чтобы заинтересовать американское правительство в «открытии» Пелиццы. И что же? В августе 1976 года посол США в Риме официально ставит вопрос о закупке «лучей смерти» и ассигнует на их испытания 250 тысяч долларов. В сентябре того же года в Италию прибывает личный представитель президента Форда Мэттью Тутино. В качестве пробы Пелицце предлагают сбить своей «машиной» американский спутник. Пульезе и вся компания, присосавшаяся к «лучам», запрашивают за «услуги» 5 миллионов долларов.

Идея отыскать еще один способ умерщвления человечества (не забудем, Пентагон в то время разрабатывал нейтронное оружие) воодушевила и госдепартамент, от имени которого выступил тот же Тутино. За это время Пелицца дважды попадает в тюрьму за разного рода жульничества и вымогательства. Но американский представитель, действующий теперь от имени Белого дома и госдепартамента, об-

нимает жуликов, передавая им поздравления «всех американских ученых». Американцы сперва отказываются пожертвовать спутником (все-таки жалко). Потом соглашаются. На этот раз закапризничал Пелицца. «Не могу, у нас тут идет снег!» На деньги от американцев жулики фальсифицировали видеозапись с «испытаниями на местности». Она производит «огромное впечатление». Лидер христианских демократов Италии готов даже лично лететь с ней в Вашингтон. 6 миллиардов лир предоставляет группе Пульезе один доверчивый сардинский промышленник. Затем таинственное общество Траспраеза из Лихтенштейна, возглавляемое маркизом Паллавичино и графом Мераном, действующее под эгидой Комиссии по делам промышленности при Палате депутатов Италии, добавляет еще 13 миллиардов лир. Пелицца, однако, не торопится с «испытаниями». Вплоть до середины 1979 года возня вокруг «проекта» продолжается. Словом, «консорциум» и сам жулик хорошо погрели на этом деле руки и всех оставили с носом¹.

Таков подсказанный Голливуду самой жизнью сюжет для фарса о «лучах смерти».

«Бидоната» 2.

Один дипломатический представитель в Риме попросил «консорциум» дать оценку качества французских ракет «Экзосе», которые он будто бы решил закупить в большом количестве, причем по двойной цене. Дело было во время войны на Фолклендах и можно было догадаться, что настоящими заказчиками являлись аргентинцы, которым незадолго до этого удалось ракетой «Экзосе» потопить английский корабль. Так оно и оказалось. Сделку предполагалось оформить через Заир, где Пульезе и его команда располагали хорошими связями. Не следует забывать, что с Аргентиной, особенно ее военными, ложу «П-2» связывали привилегированные отношения. Тем более что заказчиком оказался

¹ Repubblica. 1984. 27 novembre.

представитель военно-воздушных и морских сил Аргентины в Париже Альфредо Корти, свой «брат», член ложи «П-2». Но с другой стороны, был риск испортить отношения с Англией и вызвать неудовольствие у постоянного партнера по подобным сделкам — Соединенных Штатов.

И посулив аргентинцам, чтобы сохранить с ними хорошие отношения, партию французских ракет, Пульезе в то же время сослался на то, что о сделке каким-то образом пронюхали англичане. Сведения были сообщены газете «Санди таймс». Та их опубликовала. Деньги были потеряны, зато сохранены связи с США и Англией.

«Бидоната» 3.

Из Сиднея от Бартоломью пришел необычный заказ — на три атомные бомбы. Атомные бомбы? Пожалуйста. «Есть три атомные бомбы, весом по 90 кг, в каждой по 40 кг обогащенного урана, — деловито гласил ответный телекс итальянцев в Сидней. — Сила взрыва — 20 мегатонн. Вручение состоится на территории страны-заказчика. Все три могут быть смонтированы и приведены в боевое состояние за шесть недель, при условии оплаты 60 процентов их стоимости. Цена-нетто — 924 миллиона американских долларов»¹.

Последовали обмены гарантийными письмами об уплате через люксембургский банк. Было согласовано, что заказчик может просто посмотреть бомбы и захватить их, если пожелает, с собой. Последнее письмо уточняло: «Из круга стран, которым могут быть поставлены бомбы, исключаются Израиль и ЮАР».

Один из членов банды Пульезе вскоре выложил эти сведения о подозрительных заказах израильскому разведчику, работавшему в Милане под прикрытием консульства Тель-Авива. В качестве возможного покупателя он назвал Сирию. Доброхот Израиля и не представлял себе, что версия с покупкой бомбы была запущена на самом деле из Вашинг-

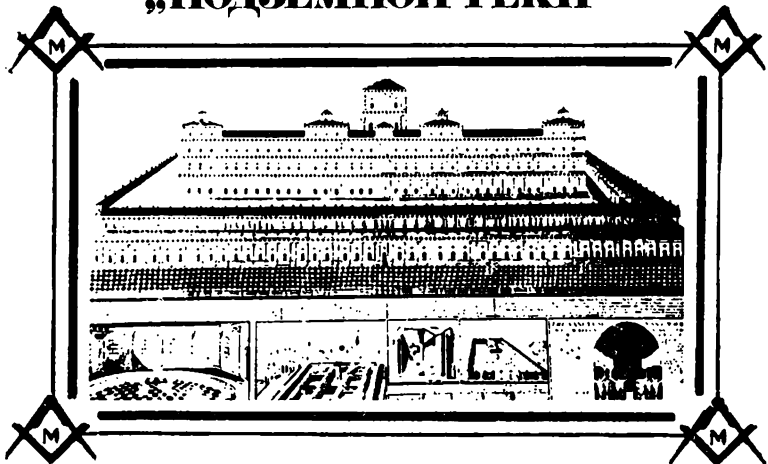
¹ Repubblica. 1984. 20 giugno.

тона. Но о том, что замышляют в США, в Тель-Авиве знают лучше, чем в Вашингтоне. Вскоре там удостоверились, что затея с бомбами фальшива и носит печать «сделано в США», и успокоились. «Операция, начатая Бартоломью, в действительности была направлена против Израиля, который в эти дни завершал планирование вторжения в Ливан. Целью было довести эти слухи до секретных служб Тель-Авива, чтобы охладить наиболее горячих поборников войны»¹, — отмечал итальянский еженедельник «Панорама».

И в данном эпизоде ложа «П-2» сыграла-таки свою роль в фабрикации дезинформации. Добавим, что история с продажей атомной бомбы была использована в телефильме «Спрут-3», где среди персонажей без труда угадываются и наши «братья».

¹ Panorama. 1984. 18 giugno. P. 49.

Глава 3 У ИСТОКОВ „ПОДЗЕМНОЙ РЕКИ“

Прагматичный Дедал — Пример Адонирама — Знания служат мистификации — Во что верят масоны? Тройное имя — Латы под фартуком — Рыцарский бизнес

О людях мы судим по их делам, а не по тому, что они сами о себе говорят. Это верно и в отношении сообществ, подобных тому, о котором идет речь.

Уже находясь в «бегах», разыскиваемый Интерполом, «почтенный магистр» ложи «П-2» Личо Джелли, принимая тайком журналистов, не переставал играть роль беспричинно оклеветанного отца и учителя своих подопечных, силился представить себя и свою ложу средоточием масонских добродетелей.

Его спрашивали: что он считает главным для масона? Он отвечал: «Моральную чистоту и культуру». Вопрос ставился в другой плоскости: «Говорят, магистр, у вас много денег?» Хитро улыбнувшись, Джелли прижимал палец к губам: «Тсс! Уши фиска неисповедимо чувствительны...» И, демонстрируя свою моральную чистоту и культуру, пояснял: «Скажем, у каждого столько денег и столько вшей, сколько у него их имеется».

Вскоре после этого интервью, данного итальянскому еженедельнику «Панорама», Джелли с подложным аргентинским паспортом был схвачен швейцарской полицией в Женеве при попытке изъять миллионы долларов со своего потайного счета в местном банке.

Морально-этический багаж этого человека предельно ясен. И все же он считает для себя возможным сослаться на масонские добродетели, прикрываться престижем движения, его традициями. Больше того, его покровители до последнего момента не сомневались в способности Джелли выражать масонские идеалы. Ведь быть приглашенным в Белый дом подряд тремя американскими президентами на элитную процедуру инаугурации — это что-нибудь да значит? На торжества введения в должность хозяина Белого дома приглашается лишь отборный цвет мира бизнеса и политики. Само приглашение на церемонию является сертификатом, удостоверяющим принадлежность к высшему классу, а тут бывший «матрасник»...

Все это заставляет серьезно задуматься над тем, каковы идейно-этические корни масонства, побудительные мотивы его возникновения и развития, если наряду с фигурами действительно заметного культурного и научного диапазона, личностями, чьи благородство и самоотверженность нельзя отрицать, в нем получают права гражданства, мало того — позиции лидерства люди, подобные Личо Джелли?

Может быть, обращение к истокам «подземной реки» масонства поможет нам уяснить, каким образом можно совместить понятия «свобода, равенство и братство», пропаган-

ду прав человека с попранием всех этих понятий, с поразительной тягой к обогащению, в том числе и самыми преступными путями, с милитаризмом?

Читая об очередных скандалах, к которым причастны масоны, об организованных людьми Джелли заговорах, провокациях, убийствах, порой хочешь воскликнуть: «Да полноте, господа! Масоны ли они вообще? Не видим ли мы карикатуру на то, что известно нам по высоким образцам литературы и истории? Нет ли тут подмены? Либо они просто самозванцы, узурпаторы древних знамен, либо мы плохо знаем историю масонства, его истоки, которые могли привести к столь разительным результатам?»

Но отправляясь в путешествие к истокам «подземной реки», мы не раз рискуем споткнуться о камни неопределенности. Достоверных сведений здесь мало. Мы можем приблизительно сказать, когда масонство вышло наружу. Есть свидетельства создания масонских лож в начале XVII века. Можно предполагать связь этих структур с культурно-научно-религиозными брожениями XVI века, века Реформации, «ересей», бюргерского свободомышлия и крестьянских волнений. Но уже здесь связь становится все более гадательной, уловимой лишь в сходстве тех или иных доктрин, организованных структур «братств» и «цехов».

Понятно стремление утверждающего себя гуманитарно-политического течения, которое взламывает феодальные стены, придать себе ореол седой древности, владения сокровенными тайнами, которые были «забыты». Чтобы завоевать положение и влияние, приходилось опираться сразу и на знание и на суеверия, характерные для этих эпох.

Но чем дальше в глубь истории, тем меньше шансов найти подтверждение наличия секретного общества «каменщиков» в цепи времен. Последней вариацией «братства» могут рассматриваться рыцарские ордена начала тысячелетия. Масоны «шотландского обряда» утверждают, что «тамплиеры», «иоанниты», крестоносные ордена, завоевывавшие «святую землю», были предтечей современного масонства и свя-

заны с ними неразрывными узами. Не станем полностью отвергать эту гипотезу, оставив ее рассмотрение на последующие страницы.

За крестоносцами, однако, над реалиями все более начинают господствовать легенды и мифология. Отделить правду от вымысла, фантазию от реальности здесь уже или почти невозможно.

И по мере того как все менее определенным становится мир достоверного, все более всеохватывающими выглядят претензии «каменщиков» представить себя самым мощным и плодотворным течением седой древности. Начиная с Адама, «первого масона», который обладал «божественным знанием», все библейские персонажи, включая старца Ноя, Немврода, царя Соломона, причисляются к древним «мастерам». К иудейским персонажам добавляются египетские, греческие. За ними возникают мудрецы Востока, от Вавилона и Персии до Индии и Китая. Массонство выдается за универсальное учение, вобравшее всю «мудрость» мира, все его верования. Как ступени, ведущие к вершинам «каменничества», представляются древние секты, куда посвящали «избранных», чтобы они овладевали там представлениями о строении мира и его божественной иерархии.

Причем приобщение к высшим истинам связывается с особым развитием личности, которое доступно через овладение тайнами «посвящения», через мистерии и ритуалы. Многие из них сохраняются и в закрытых ритуалах современных лож — от древнеегипетских до каббалистически-иудейских. Причем сокровенность истины, доступность ее только высшим интеллектам и «очищенным душам», в которых разожжен утерянный ранее светоч высшего присутствия, выдвигаются как объяснение, почему-де невозможно посвятить в такие тайны «неотесанные» души, грубые «камни», какими представляются большинство людей. Им, людям невоспитанным, необузданным, испорченным животными инстинктами, корыстолюбием, не умеющим владеть собой, остается удел толпиться у стен «храма».

Но и те, кто допускаются в «храм», получают истину не сразу, а поднимаясь от ступени к ступени. И лишь немногие удостоиваются чести войти в синедрион высшего ранга, который напрямую общается с «высшим существом» и по сему рассматривается как высший авторитет для неквалифицированной массы человечества.

Принцип «эзотеризма», «посвящения» через таинства, схож с религиозным. Но если к религиозной доктрине может иметь доступ основная масса людей, то масонские и иные эзотерические доктрины остаются уделом немногих. Их скрывают от внешнего мира.

Масонские писатели, каждый, правда, по-своему, перечисляют имена реальных и мистических персонажей, названия тайных сообществ, сект, от которых ведется генеалогия «каменщичества». Guido Francocci, масонский авторитет Италии, опубликовал в 50-е годы книгу «Масонство и его исторические и идеальные ценности»¹. Она прошла апробацию Великого магистра «Великого Востока Италии» Уго Ленци. Стало быть, этот труд соответствует современным канонам масонства. Вот пантеон «светочей», которые взяты в качестве учителей древности — Рама и Заратустра, Кришна, Будда, бог торговли и тайн Гермес, Орфей, Пифагор, Платон, Лао Цзы, Конфуций, Моисей, Иисус, Магомет. Иными словами, пророки чуть ли не всех религий и верований работали на «каменщиков», готовили их приход.

Франкокчи перечисляет мифы, которые масоны считают для себя базовыми. В мифах этих, как правило, главенствуют личности, развившие свои способности почти до сверхъестественных.

Это прежде всего умелец Дедал. На Крите он построил знаменитый лабиринт, куда запустили свирепого Минотавра. Дедал с Икаром создали и крылья для человека. На Крите изобретатель оставил о себе двойственную память. Он по-

¹ Francocci G. La Massoneria nei suoi valori storici e ideali. Milano, 1950.

такал развращенным правителям, и затея с Минотавром не могла быть отнесена к числу благодеяний. «Дедал,— оправдывает его Франкоччи,— представляет собой научную технику, холодную и безразличную к целям добра и зла. Она является самоцелью и не дает труду человека воспитательного и морально-этического содержания»¹.

Дедала смсняет Геракл. Именно ему предстоит справиться с Минотавром, но и в его подвигах автор не выделяет морально-этического заряда, подчеркивая в основном «силу и физическое здоровье» полубога.

Далее идет миф об Аргонавтах, символе предприимчивости, воли при достижении цели, которая была связана с добычей «золотого руна». Франкоччи затем называет Орфея, устремившегося за Эвридикой, Тезея с Ариадной и ее волшебной нитью, Алфея, превратившегося в подземную реку Аркадии и пошедшего в погоню за любимой Аретузой, и т. д. Этот миф особенно дорог масонам: «подземная река» стала одним из символов движения, его скрытности и целеустремленности. Перечисляется родственный масонам набор мистерий — орфических, элевзинских, дионисийских, Озириса-Изиды, Кибелы, секты гностиков, эссенов, манихейцев.

Поражает отсутствие в перечне Франкоччи мифа о Прометее, укравшем огонь у богов. Может быть, это и случайное упущение. Хотя Прометей, прикованный к скале за свой подвиг, казалось бы, ближе к идее эмансипации людей, чем Геракл с его палицей, освящающей ритуалы и символы масонов.

Перечисляя «светочей», Франкоччи отмечает, что их — единицы. Они как звезды на небе, освещающие будущее. Но отсутствие «морально-этического», прометеевского начала делает их свет каким-то холодным, отрешенным. Не светят ли светочи лишь сами для себя?

Франкоччи не особенно скрывает, что главное для масонов — держать накопленное богатство при себе.

¹ *Francocci G. Op. cit. P. 37.*

«Глубокие доктрины посвящения,— пишет он,— могут быть постигнуты и с пользой использованы и применены лишь теми, кто, пройдя внутри себя посредством медитации путь, проделанный человеческим прогрессом за тысячелетия, смог открыть и преодолеть трудности и решить для себя, используя собственное сознание посвященного, проблемы, которые затрудняют и делают неопределенной дорогу, по которой направляется Свободный Каменщик, исполненный волей, вооруженный знаниями и учением, к цели»¹.

К какой? Пока мы видим, что совершенствование человечества мыслится лишь как совершенствование самого себя. Важно лишь быть оснащенным, вооруженным, сильным. А цель? Об этом редко кто скажет прямо. Выходит, она может быть любой, лишь бы служила твердому шагу Свободного Каменщика. Но и тот шагает не сам по себе, а куда направляют те, что выше. Причем мы имеем в виду не Верховное существо, на которое ссылаются масоны, объясняя свои верования, а тех, кто от имени этого Существа решают вполне земные дела и задачи. Выходит, что даже такие, как Джелли, могут считаться Дедалами современных хозяев Минотавра. Неясность, нарочитая туманность, зашифрованность конечных целей движения — обычное дело, когда изучаешь масонские тексты.

Впрочем, такой же «технократический» подход содержится и в главном, базовом мифе, который обосновывает особое место «каменщиков», — истории о строительстве «храма Соломонова». Таинственный архитектор из Тира, которого в масонских текстах называют по-разному — Адонирам, Хирам, Хирам Абифф — строит в Иерусалиме храм бога Яхве для царя Соломона. Храм нужен для утверждения власти духовной и светской царя Соломона на «земле обетованной», отвоеванной у коренных обитателей.

Не будем спорить о совершенствах храма с его семью ступенями, двумя колоннами у входа, алтарем Яхве, местом

¹ *Francocci G. Op. cit. P. 49.*

для жертвоприношений, включая человеческие. В конце концов времена были древние, вкусы еще не утончались. Но так или иначе Адонирам железной рукой руководил армией в 130 тысяч строителей (по другим сведениям — 144 тысячи), разделенных по профессиям, на «цеха». Во главе стояли отобранные им мастера. Они получали повышенную плату за свой труд, называя «потайное слово», доверенное им архитектором. А подмастерья и ученики довольствовались более скромным жалованьем. Демонстрируя царице Савской (Балкис-Балкиде) ход строительных работ, Соломон и сам был поражен слаженностью и беспрекословной дисциплиной каменщиков, видевших в Адонираме не только руководителя работ, но и своего духовного предводителя.

Правда, система разделения по привилегиям обернулась интригой трех завистников. Подмастерья, сириец Фанор, финикиец Амру и еврей Мафусаил, сперва испортили Адонираму плавку металла и вынудили его обратиться к сверхъестественной силе. Выяснилось, что в глубине земли у него скрывается предок, который положил начало роду сверходаренных людей. Цепочка тянется от Каина, Ламеха, Вулкана, Тувал-каина*. Можно догадаться, что данный персонаж был существом, которое любезно подсказало Еве вкусить от древа познания и угостить тем же яблоком Адама. Сам же змей-искуситель, видимо, имел какое-то отношение к появлению на свет первенца Евы. С помощью своего прапрапредка Адонирам быстро решил возникшие трудности. Но интриганы убивают его за то, что он не пожелал посвятить их в категорию мастеров с их тайнами и повышенной зарплатой.

После смерти архитектора Соломон решает взять на вооружение принципы организации Адонирама. Они нужны для создания всемирной организации строителей символического «храма Соломонова». По книге Франкоччи, Соломон поручил возглавить орден главе мастеров со словами: «Сегодня

* Каин в первоначальном значении — кузнец.

учреждаю корпорацию избранных, которая, всегда оставаясь на службе у бога и царя, явится инструментом порядка и исполнения справедливости»¹.

В этом мифе господствует примат организации корпорации «избранных» как самоцели. Она воплощает стремление к высшей духовной и земной власти. На первое место выступает отбор и подготовка специально выделенных по интеллекту, характеру, профессиональным способностям, и особенно положению, влиянию, богатству людей, способных возглавить, подчинить себе человечество.

Цели и средства здесь предстают в противоречии. Казалось бы, за века общество обогатилось знаниями. Проблемы, которые мучили лучшие умы, теперь можно решать с большей степенью уверенности в успехе. Зачем и далее копить в тайне лож свою отдельную «мудрость», свои «освободительные замыслы»? Но чем дальше шагает масонство, тем очевиднее для него, что мир и впредь должен делиться на «ведущих» и «ведомых», «избранных» и неспособных постичь. Словом, человечество предстает по-прежнему неким животным стадом, ждущим своих пастырей, поводырей. Но куда идти, зачем?

Как быть с тем, что уже в процессе руководства обществом «каменщиками» за последнее столетие разрыв между кучкой сверхбогачей и остальным человечеством не сократился, а наоборот, возрос? Как можно добиться справедливости, если делить мир и людей на иерархические этажи?

Оно, это противоречие, сквозит во всем — в самом названии «каменщиков». Ведь среди них нет ни одного, способного своими руками возвести дом. В том, что под фартуками сверкают «рыцарские» латы «высших посвящений», а над «мастерами», принятыми в высший разряд, вздымаются мечи. Могут сказать, что это чисто внешние черты, дань ритуалам. Но не коренится ли сей контраст в самом генезисе «братства»?

¹ *Francocci G. Op. cit. P. 113.*

В том, что талант, интеллект, умение, знания, порой незаурядные, подчинены здесь цели властвования над остальными, власти и богатства во имя власти и богатства. А тайны, ритуалы, эзотеризм, техника обработки адептов служат лишь монополии на власть? Следует отметить, что эстафета методов и градаций ценностей, воспринятая современным масонством от секретных обществ прошлого, рассчитана на то, чтобы оказывать могучее действие на психику, настроение общества.

Нет спора, еще жрецы накапливали и хранили знания, имевшие огромное значение. Астрономические наблюдения помогли угадывать дни солнечных и лунных затмений, предвидеть урожайные и голодные годы, подсказывать властителям, когда надо увеличивать запасы. Освоение геометрии, законов строительства, архитектуры позволяли возводить культовые здания, пирамиды и дворцы, и поныне поражающие величием.

Однако реальные знания о Вселенной и Земле жрецы окутывали покровом тайны. А своими высшими открытиями делились только с узким кругом посвященных. Монополия знаний оборачивалась влиянием и богатством, стремлением к абсолютной власти.

Общество, основанное Пифагором в VI веке до нашей эры в г. Кротоне (Южная Италия), использовало методы египетских жрецов, которые совмещали серьезные занятия наукой с мистификацией. Пифагорейское наследие прочно вошло в исторический багаж масонства. (Этому способствовало то, что уроженец г. Самос, бежавший от тирании Поликрата в Италию, по профессии был геометром. Верховное существо, которому поклоняются масоны, Великий архитектор Вселенной, тоже был геометром своего рода, и все сущее вокруг себя «создал гениальным движением своего циркуля». Недаром циркуль, которому подчинено все окружающее, является высшим символом масонства. На нем обычно начертана и буква «Г», одно из значений которой «геометрия». Но есть и другие, зашифрованные значения —

сила, власть, слава, богатство. А глазок циркуля изображает одновременно глаз Яхве и солнце.)

Пифагор привлекает современных масонов прежде всего тем, что ввел суровые и трудные правила приема в свое общество, которое приняло особо элитарный и замкнутый характер.

Высокомерие «пифагорейцев», их слишком явное презрение к простому народу и его нуждам вызвали к ним глубокую ненависть. Вспыхнуло восстание, и диктатуру, хотя ее возглавляли суперрафинированные ученые, севшие на шею народу, «толпа» развеяла.

Владение тайной позволяло занять особое положение, оказывать большое влияние, получить доступ к богатству. В глазах основной массы людей те, кто владели тайной, непосредственно общались с небесами, божествами. На них лежал отблеск избранности.

Монополия знаний рождала почитание, питала религию. Картину выделения привилегированного слоя из шаманов, знахарей, жрецов можно проследить в разных типах общества, разного уровня народах и племенах.

Зашифровка знаний, их кодирование, передача в мистическом виде, как откровение свыше, практиковались секретными обществами с незапамятных времен и служили средством достижения высот власти и богатства. Нельзя отрицать, что здесь присутствовал и исследовательский, творческий момент. Но это не было постижением истины ради самого знания или его бескорыстного распространения. Интеллект, ум, способности обращались на занятие выдающегося положения, на возвышение по иерархической лестнице, на обогащение. А средством было использование науки в мистической оболочке.

Сильные мира сего, хотя и побаивались конкуренции жречества, духовенства, тем не менее нуждались в них. Власть на одной лишь силе не была столь прочной, если ее не дополняли материальная зависимость и власть над душами подданных. Так складывался в веках симбиоз поли-

тической, экономической, военной и духовной власти. Секретные спиритуалистские общества играли отнюдь не второстепенную роль, поражая фантазию, воображение людей знаниями тайн и ритуалов, богатством декора и пышностью театральных действий-мистерий.

Перечисление сект и обществ, рождавшихся и умиравших на перевалах истории, заняло бы много страниц. Но если сегодня общество «каменщиков» занимает влиятельное положение, не означает ли это, что оно удовлетворяло каким-то долговременным потребностям, по целому ряду причин оказывалось притягательным на разных этапах человеческого пути.

Чтобы понять это, задумаемся сперва над внешней, ритуальной стороной. Достаточно посмотреть на убранство масонских залов, чтобы убедиться в его эклектичности: иудейский семисвечник и Библия соседствуют с греческими колоннами и космогоникой Египта. Инструменты каменщического ремесла перемежаются с геральдикой рыцарства. Обстановка чем-то напоминает театральные подвалы, где в одну кучу свален реквизит сразу нескольких, совершенно различных спектаклей. Можно даже представить, что по отдельности куда большее впечатление оставили бы символика фараоновского Египта или же прекрасная гармония античной Греции.

Но остается фактом: с этим реквизитом «братья» не расстаются веками, уверовав в его успех. Можно найти и объяснение: в своих рядах масоны стремятся объединить людей различных верований и вкусов. Если для того, чтобы почувствовать Христа «своим», новообращенные африканцы изображают его на своих фигурках черным, то здесь почти каждый может отыскать «свое». Всеядность, таким образом, способствует всеобщности, космополитичности. Реквизит масонства нарочито условен, абстрагирован, символизирован. Он даже может показаться упрощенным и несколько наивным.

Но главное, видимо, состоит в том сплаве образов и идео-

логий, который был способен объединить столь противоречивые силы, как те, что мы наблюдали в составе ложи «П-2». А это значит, что символика «братства» рассчитана и на неоднозначное толкование, двусмысленна, как Янус, как белая и черная невеста масонских обрядов, как пол из черно-белых квадратов или чередование черных хвостиков горносталя на белом меху.

В этом мире условностей каждый неопит, оглядывающий предлагаемый ему путь совершенствования и возвышения по семи ступеням «храма Соломона», может глядеть на лестницу масонства как бы с двух противоположных ракурсов — вневременного, благородного, продиктованного заботой о человечестве, или же брэнного, продиктованного стремлением обзавестись в ложах связями, чтобы способствовать своему «делу», профессиональному и иному успеху, карьере.

Один может ощущать чувства братства, другой — видеть в «братьях» соучастников. Ну, а третьи будут стараться совмещать и то и другое.

Такой декорум открывает ворота для «черных» и «белых», либералов и консерваторов, эгоистов и альтруистов.

Сортировка происходит позже. Нужны и благородные — чтобы «облагораживать», и «деловые» — чтобы продвигать «каменщиков», «распространять свет» во все пределы.

Может быть, кому-то такое совмещение высокого и низкого покажется произвольным. Но в этом и секрет жизненности. Исторически масонство оказалось способным вобрать в свои ряды немало людей благородных, самоотверженных, талантливых, гениальных. Это особенно важно в период антифеодальных революций, войн за независимость, ломки старого, приобретения сторонников. Но для будущности масонства такая шахматная его природа, двуликость, многозначность имела и иное значение. Здесь были запрограммированы как светлые, так и темные стороны, причем этим последним также могло быть найдено объяснение, оправдывающее «низкие» поступки братьев, их средства к достижению успеха как диктуемые высшими соображениями. Ма-

сонский идеолог Дж. С. М. Уорд отмечал программное значение «двусторонних» символов масонства. «Масонство,— пояснял он,— не однозначно, временами в нем есть несколько значений, заключенных одно в другом»¹.

В Париже на книжном развале у Сены мне довелось найти несколько книг для «посвященных». Военные бури перемешали книжные пласты. И то, что, видимо, не предназначалось для глаз «профанов», все-таки оказалось в другой стране и в досягаемости для не масона. Я взял несколько книжек в синих и красных обложках из чистого любопытства, памятуя о том добром и чудаковатом образе масона, который создал Лев Толстой, описывая в «Войне и мире» Пьера Безухова. И вот годы спустя я читаю их с вниманием, чтобы осознать цепь масонских воззрений. То, что, по словам профессора Уорда, в одном и том же символе может заключаться несколько значений, матрешка в матрешке, важно для исследования масонской символики. Профессор предупреждал, что каждое значение подготавливает следующее, по мере продвижения «ищущего» в масонской науке. И одно будто бы не противоречит другому.

Я решил проверить это утверждение на вопросе, который в доктрине масонства никак не назовешь второстепенным — на проблеме сходства и различия религиозных представлений масонства с другими религиями. Что составляет суть, сердцевину масонских верований? Как мыслится главное божество «каменщиков» — «Великий архитектор Вселенной»? В каком отношении состоит он к христианству, наиболее распространенной в Европе религии, и другим верам?

Что говорит по этому поводу Уорд, писавший для «своих»? Толкуя триединость человека и бога, Уорд ставит в один ряд триаду христианства — отец, сын и святой дух, триаду Каббалы — Иегова, Шекина и Мессия и триаду ин-

¹ *Ward J. S. M. An Explanation of the Royal Arch Degree. London, 1925. P. 21.*

дуизма — Брахму, Шиву и Вишну. Это уже нарушало принцип соответствия. Ведь в Индии божества имеют различные функции — если Брахма — творец, то Шива — разрушитель¹.

Неоднозначно христианству по системе взглядов и иудаизму. Отсюда вывод: утверждения Уорда, а вместе с ним и других масонских авторитетов, будто их символы, толкования этих символов на всех этапах «совершенствования» гармонично вытекают одно из другого, весьма сомнительны.

Можно предположить, что на низших ступенях посвящения масонам, обычно весьма добропорядочным христианам либо верующим других обрядов, сознательно дают облегченное толкование символов масонства и особенно его основного понятия — Великого Архитектора Вселенной. Уорд, например, стремится совместить символику масонства с христианской. 12 знаков Зодиака, которые опоясывают ритуальный зал, он приравнивает к 12 апостолам и т. д.

Но в его интерпретации последующих ступеней среди сияния облегченного знания вдруг возникают черные символы. Испытуемого при посвящении опускают в «ад подземного мира», «замок отчаяния». «Он чувствует, что забыт даже богом». А затем внушают, что «свет мастера мастеров — это лишь видимая тьма».

По мере продвижения по масонским ступеням христианское толкование мира все более отодвигается назад и на первый план выходят атаквистические верования, свойственные древним сектам гностиков и манихейцев, а позже катаров (альбигойцев) *, где творец и разрушитель, свет и

¹ Ward J. S. M. Op. cit. P. 65, 75—76.

* Мани, основатель секты, родился в 216 году н. э. в Персии. Попал в рабство, был выкуплен богатой вдовой. Вернувшись на родину, проповедовал теорию, что мир состоит из царств добра и зла, в одном царствует бог, в другом — дьявол. Их борьба завершится катастрофой, в результате которой материя погибнет, но дух станет свободным. Человек — двойствен, его душа — порождение света, тело — тьмы. Он должен стремиться помочь победе света над тьмой. Казнен в 277 году. Его

тьма находятся на одном уровне. А таинственная фигура Великого Архитектора оказывается окутанной мраком.

Толстой описывает, как побывавшему на Западе Пьеру Безухову «открыли» имена создателя мира Адонаи и властителя Элоима, но не назвали третье имя — «неизрекаемое, имеющее значение Всего».

Своим сторонникам опытные масоны лишь слегка приоткрывают завесу над существом «Архитектора». Они делают это, например, внося коррективы в библейские тексты, давая им свое, порой совершенно неожиданное толкование. Библию они читают сперва как бы с обратной стороны. (Недаром постоянной заботой Великих магистров Италии было издание «обновленной», исправленной Библии.) Легенда об Адонираме — Хираме, строителе «Соломонова храма», содержит намеки на то, что то «существо», которое внушило Еве мысль вместе с Адамом вкусить яблоко познания, и было силой, могущей обеспечить величие человека, в то время как библейская версия творения отводила человеку растительно-животное существование, в полном неведении добра и зла, окружающего мир. Утверждается, что благодаря этому «существу» Каин научил людей ремеслам, построил первый город на земле — Баальбек, Авель же был обречен лишь пасти овец*.

Дается понять, что, ревнуя к Каину, будучи недовольным его самостоятельностью, другое всемогущее существо вызвало у Авеля враждебность к брату. И тот, защищаясь, был вынужден стать братоубийцей. Последовали новые кары

последователи называли себя «детьми вдовы». Так называют себя и масоны.

Катары (альбигойцы) населяли юго-восточную Францию и часть Пиреней. Движение охватывало XI—XIV века. Разделяли взгляды манихейцев на двойственность человека, отрицали почитание креста и власть папы. Папа Иннокентий III в 1209 году предпринял против альбигойцев крестовый поход. В 1244 году пал их последний оплот — замок Монсегюр. Многие взгляды и организационные принципы альбигойцев отражаются и в масонстве.

* Поэма «Каин» Байрона и отражает подобную версию.

против Каина и его рода, которые в толковании с «обратной стороны» были несправедливыми.

Даже ниспосланный свыше потоп не истребил каинова племени, и через несколько колен, как мы уже упоминали, родился Великий Архитектор храма бога Яхве Хирам, свойства которого были связаны с его происхождением и поддержкой противостоящего богу «озаренного», «несущего свет» существа, иными словами Люцифера, или, попросту, Сатаны. Эта легенда, разумеется, дается не как официальная версия.

Обвинения «храмовников», возглавлявшихся Великим магистром Де Молэ, в богохульственном поклонении чудищу с рогами и женско-мужским торсом Бафомету, в попрании и оплевывании креста оцениваются масонской литературой как фальсификация, состряпанная французским королем Филиппом IV Красивым, который позарился на несметные богатства храмовников и погубил их из корысти. Показания сообщников Де Молэ были вырваны под пытками и не могут быть приняты во внимание. Процесс над «храмовниками» длился с 1307 по 1314 год, и до сих пор историки не пришли к его однозначной оценке. Отметим лишь, что имя Де Молэ и ныне почитается масонами, украшает названия престижных лож.

Однако вернемся к имени, «имеющему значение Всего». Будучи «неизрекаемым», оно так и остается нераскрытым. Потому возможны различные версии его толкования. Вспомним о доктрине «избранности»: те, кто происходят от «озаренных», обладают «лучезарными» свойствами, должны узнавать друг друга и объединяться, образуя всемирное братство «строителей храма». Они способны вести за собой человечество, ибо именно их ветвь способна породить великих строителей, полководцев, мыслителей, финансистов, техников, и если продолжать нить далее — промышленников, представителей бизнеса.

Стоит ли исключать сатанинское происхождение их талантов? Теме «сатанизма» посвящено немало литературных

произведений, в том числе и крупных литераторов, принадлежавших к «братству». Гёте в 1780 году в Веймаре вступил в ложу «Амалия», и некоторые постулаты масонства получили отражение в ряде его произведений, особенно в «Фаусте».

Гёте дорожил репутацией человека благонамеренного и не мог, разумеется, изложить в «Фаусте» свое отрицательное к христианству кредо. Для близких он был «грек», «Антиной», сторонник античности. Но отрицание христианских догм все же отразилось в стихах, изданных много лет спустя после его смерти, хотя стихи и не предназначались для публикации*. Тем не менее многие истины и откровения присутствуют и в «Фаусте».

Весь сценарий испытаний, выпадающих на долю «ищущего» доктора Фауста, разрабатывается Мефистофелем. «Дух отрицания» пользуется особой симпатией господ бога, и тот без колебаний вручает в его руки Фауста с предписанием:

...Ты можешь гнать,
Пока он жив, его по всем уступам.
Кто ищет — вынужден блуждать.

.....
Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади¹.

И это после высокой оценки доктора Фауста из тех же уст!

Мефистофель в свете отношения к Фаусту со стороны Всевышнего выглядит более заботливым и... человечным,

* В своих венецианских эпиграммах, написанных в 1790 году и опубликованных полностью лишь в 1914 году, Гёте, в частности, писал: «Только четыре предмета мне гаже змен ядовитой: дым табачный, клопы, запах чесночный и крест». — Гёте И. В. Римские элегии. Эпиграммы. Венеция 1790. М., 1982. С. 270, 271.

Крест ему был столь антипатичен, что он не захотел даже назвать его, ограничившись графическим символом.

¹ Гёте И. В. Собр. соч. В 10 т. М., 1976. Т. 2. С. 17, 18.

если это применимо к дьяволу. Он терпеливо выполняет капризы и желания, идеи фикс ученого, дожидаясь, правда, фразы: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно», чтобы душа Фауста стала его добычей.

Сам он при этом не считает себя злодеем. В свете финала работы Гёте, где Мефистофель так и не помешал переходу Фауста в рай, дьявол как бы оправдывает слова о том, что он «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла».

Прислушаемся, однако, к философской мысли, которая развита несколько далее: «Я — части часть, которая была когда-то всем и свет произвела. Свет этот — порождение тьмы ночной и отнял место у нее самой»¹.

Сравним «неизрекаемое» имя, «имеющее значение Всего», и гётевскую «части часть, которая была когда-то всем и свет произвела», и мы будем близки к тому, чтобы отыскать «неизрекаемое имя», которое масоны высших степеней не захотели (и опасались) открыть простодушному и благородному Пьеру Безухову.

Вопрос об установлении «неизрекаемого имени», которое принадлежит, как можно догадываться, самому Архитектору Вселенной, выходит за рамки чисто академического или филологического спора. Он затрагивает проблему, кому же поклоняются, во что верят строители «храма Соломонова». Из них лишь немногие знают зашифрованный вариант этого имени.

Стивен Найт, который так быстро умер после опубликования своего «Братства», попытался отыскать корни данного имени. В главе «Дьявол под маской?» он начинает с вопроса, совместимо ли масонство с христианством. Автор напоминает: в 1952 году в Англии была выпущена книга Уолтона Ханна «Видимая тьма». В ней заявлялось о несовместимости религиозных взглядов масона и христианина. Книга Ханна вызвала резкую реакцию прелатов англиканской

¹ Гёте И. В. Цит. соч. С. 50 и 51.

церкви, разделяющих масонские убеждения. В ответ на «Видимую тьму» вышел «Невидимый свет», написанный англиканским викарием, скрывавшимся за псевдонимом Виндекс.

Споря с Ханном, он все же подтвердил если не противоположность, то различия масонских и христианских верований. Во всяком случае, он не отрицал, что масонская система взглядов имеет религиозную основу.

«Это древнейшая из религиозных систем, происхождение которой уходит в незапамятные времена, — утверждает Виндекс. — Сама по себе она не является отдельной религией, но вмещает в себя все фундаментальные истины и древние мистерии, на которых основывается любая религия. Разница в том, что мы поклоняемся и верим в качестве первостепенного принципа полноте божественного, тогда как другие религии воспринимают это божественное лишь частично»¹.

Не религия, а религиозная система. Разница между частным и общим. Но частное, неполное — ущербно. Именно так выглядит каждая религия в свете претензий масонства на тотальное верование в тотального бога. А это — непостоянная претензия. Последствия ее могут быть самые различные, в зависимости от того, каким же все-таки видится супербог?

Две трети масонов не могут ответить на вопрос об истинном характере собственного бога, Великого Архитектора, отмечал Найт. Лишь пятая часть «мастеров» допускается к привилегированному этажу «Королевской арки». В отличие от массовых лож, включающих лиц попроще по положению и званию, профессии, лица, достигшие «Королевской арки», составляют уже элиту масонства. Если первые три степени масонства — «ученик», «подмастерье» и «мастер» подчинены Великой ложе (речь идет о Великобритании), то верхние этажи масонства уже не подвластны Ложе, а руководятся Высшим советом — верховным штабом масонской армии

¹ Knight S. Op. cit. P. 233.

страны. Лицам, достигшим верхних этажей, предоставляется право знать несколько более о сути и дальних горизонтах движения.

При посвящении в степень «арки» кандидату дается право взглянуть и на «неизрекаемое имя». Конечно, ему раскрывается не все — теперь он — обитатель той части масонского дома, которая возвышается с 4-го по 18-й этаж, от ступени, именуемой «секретным мастером», до «князя Пеликана и Орла», который в то же время и «Суверенный принц Розового креста». А там новые ступени — с 19-й до 30-й — от «Великого папы» и «почтенного великого мастера» до «великого избранного князя Кадоша», «князя черного и белого орла», где есть свои, еще более черно-белые тайны, не говоря уже о 31-й, 32-й и 33-й (соответственно — «великий инспектор, инквизитор, командующий», «высший принц королевского секрета» и «великий генеральный инспектор»). Тут уже на каждой ступеньке свои еще более скрываемые и не подлежащие внешнему обозрению ритуальные и иные секреты.

Найт «добрался» лишь до 4-й — 18-й ступеней «Королевской арки». Но и это немалое достижение. Ведь открылось «неизрекаемое имя».

Оно оказалось синтетическим, составным. Имя Великого Архитектора взято от трех имен богов. Вот оно, как его приводит Найт:

ЯХ — БУЛ — ОН.

В нем зашифрованы имена трех богов — еврейского — Яхве, ханаанского — Баала и египетского — Озириса. Яхве более знаком нам в силу распространения иудаизма. Ему посвящена на многих масонских ритуалах надпись на иврите, это его всевидящий глаз в треугольнике. Два других менее известны, поскольку относятся к не дошедшим до нынешних дней религиям. Озирис вместе с супругой Изидой и сыном Гором встречаются чаще. Озирис — бог подземелья, загробного мира. А вот Баал... Баал скорее известен лишь тем, кто читал средневековые трактаты о ведьмах и нечи-

стой силе. Демонолог Джон Вейр в XVI веке открыл, что ханаанский бог был дьяволом, которому поклонялись, как самому «сильному» существу. Имея тело паука и три головы — человека, жабы и кота, он будто бы обладает характерным хриплым голосом, учит быть хитрым и при случае — невидимым.

Найт заметил замешательство масонов «Королевской арки», когда попросил их объяснить значение Яхбулона или просто называл его имя. Некоторые дешифровали первую частицу, но никто не пошел далее.

Но, может быть, Найт что-то напутал? Может быть, кто-то из масонов подсунил ему то, что он сам называл «организованной дезинформацией»? И вся «дьявольская» часть божественной триады является выдумкой и клеветой на масонство? Ведь нелепо предполагать, чтобы одно из имен бога было именем... дьявола? Не будем торопиться с выводами. Обратимся к профессору Уорду, английскому авторитету в масонской «работе», знатоку индийских и каббалистических систем, китайского секретного общества Хун и, кроме того, члену Королевского антропологического института. В книге «Объяснение степени Королевской арки», опубликованной задолго до нынешних бурь вокруг масонства, а точнее, в Лондоне, в 1925 году, мы встретим некоторые проясняющие дело моменты.

Во-первых, объяснение мистического значения «арки». «Высшая ступень* вдохновляет своих членов самыми возвышенными идеями бога», говорится в эпитафе. Но восприятие их возможно лишь мистически. «Мистицизм является жизненной силой, стоящей за всеми религиями, тем, что делает их вашим личным делом». «Истинная цель ступени — открытие названия бога внутри человека». А ритуал помогает кандидатам «достигнуть видений — познания сути бога

* Имеется в виду, как мы объясняли, весь пролет масонского строения от 4-й до 18-й ступени включительно.

внутри собственного сердца». Уорд называет это «блаженное видение»¹.

Особенно осторожным профессор Уорд становится, когда в завуалированной манере (понятной, разумеется, лишь «посвященным») переходит к «словам». Так он называет «имена», из которых состоит «составное слово», оно же «утраченное имя» бога. До конца он их не называет, чтобы не раскрыть масонскую тайну. Но и сказанного достаточно, чтобы проверить догадку Найта. «Первое имя,— предупреждает он,— никоим образом не может считаться масонским секретом». Нежелание исследователей, открывших имя, называть его Уорд объясняет существовавшим у иудеев убеждением, что тот, кто правильно назовет имя бога, обретет власть над видимым и невидимым миром. Отсюда и вариации имени иудейского бога, которого вместо Иеговы называли Яхве. По сути, Уорд называет здесь первую составную часть «утраченного имени».

«Что касается другого имени, то тут необходима определенная степень осторожности,— приступает профессор Уорд к самой деликатной части пояснений.— Вавилонская концепция бога никоим образом не совпадала с той, которой придерживались иудеи. И иудейские пророки никогда не уставали энергично обличать любого среди своих, кто осмеливался почитать Его под вавилонским именем»².

Итак, второе «слово» или имя — название древнего бога вавилонян, ассоциируемое у иудеев с богохульством. Профессор Уорд продолжает:

«Прибавление этого имени к иудейскому имени вызвало бы у них (сторонников иудаизма) яростное негодование, поскольку они сочли бы его идолопоклонническим и самым богохульным». Разъяснение хотя и не содержит имени, но не вызывает сомнений в аутентичности того, которое дает Найт. Это Ваал или Баал, видоизмененный под Бул. Известен также под именем Вельзевул.

¹ *Ward J. S. M. Op. cit. P. 21—22.*

² *Ibid. P. 86.*

Остается третья часть «составного имени». Оно тоже не вызвало бы одобрения у представителей иудейской религии по тем же причинам, что и вавилонская прибавка. Это слово является, по признанию Уорда, «египетским», имеющим «большое историческое значение» для масонства. Озирис? Скорее всего. Но откуда такое странное сокращение — ОН? Уорд дает понять это в концовке своей книги. «Общей задачей степени «арки», — пишет он, — является научить нас понимать существо природы Бога. Оно постигается в виде аллегории и драматического представления великого посвящения истинно мистического значения и представляет собой блаженное видение.

Это поистине **ат-оне-мент** (искупление, *англ.*)».

Почему Уорд подчеркивает и делит последнее слово? Уорд указывает — под таким именем Изида оплакивала Озириса, добываясь его возрождения из мертвых. Стало быть — **оне** — частичка имени Озириса¹.

Итак, все становится на место. Яхве (ях), Баал (бул), Озирис (оне или он) дают в итоге Ях-Бул-Он, «составное имя» Великого Архитектора Вселенной, тотального масонского божества. Всемирным и надмирным владыкой масонов является иудейско-вавилонско-египетский бог.

В какой функции выступает здесь Яхве с его всевидящим глазом? Какую нагрузку несет «богохульственный» идол Вавилона Баал?

Не он ли синтезирует группу? А что остается богу загробного мира, Озирису? Кто здесь, если следовать предыдущей интерпретации троицы Уорда, создатель, кто разрушитель, кто мессия?

Уорд предлагает постичь это «сердцем», путем озарения, «блаженного видения». Но такого рода троица трудно глядится вместе и во всяком случае не выглядит «блаженной». Не напоминает ли она совмещение мужского и женского начала плюс дьявола в Бафомете, в поклонении которому обвиняли «храмовников»?

¹ Ward J. S. M. Op. cit. P. 88.

На этой градации адептам «Капитула Королевской арки» объясняют, что свет Мастера из Мастеров является лишь «видимой тьмой». А что же им говорят на более высоких степенях посвящения? Кому и чему предлагают служить, проводят ли грани между добром и злом, любовью и ненавистью, светом и тьмой?

Когда был сконструирован масонский бог? Уорд полагает, что еще задолго до «уставов», или «конституций», Джеймса Андерсона (1723 г.) и, видимо, «розенкрейцерами». «Я полагаю, что именно на истинное масонское «слово» ссылается Х. Адамсон в стихотворении, написанном в 1638 году:

Поскольку мы братья Розового Креста,
У нас есть масонское слово и второе зрение»¹.

Мы видим, как постепенно первое, идиллическое представление о масонстве, как средстве достижения царства любви и истины, сменяется более резкими контрастами и мрачными видениями. И те, кого привлекала на первых порах тяга масонов к самосовершенствованию, постижению истины, изменению личности, то, что они называют «работой над диким камнем», уже «обтесав» себя, оказывались на значительном удалении от исходной точки. Каково было бы восприятие неопитов, если бы после голубого и золотого убранства лож первых трех степеней, «невинного», иоаннитского масонства, они сразу бы прошли сквозь кроваво-красные тона «Королевской арки» и очутились бы на церемонии посвящения в «кадоши» — «святые» (30-е степени) с ее могильными серо-черными тонами, с тевтонскими крестами, призывами к возмездию, грозными орлами и мечами, символизирующими непреклонную борьбу, девизом «Vincere aut mori» («Победить или умереть»). Тут уже подразумевается борьба не на жизнь, а на смерть с противниками масонских идеалов. В посвященном «кадоше» видят сверхчеловека, воителя, мстителя, очистившегося от скверны предрассуд-

¹ Ward J. S. M. Op. cit. P. 87.

ков, стоящего «по ту сторону» добра и зла, воплощение карающей десницы масонского движения.

По мере движения снизу вверх все явственнее фартуки и каменщические перчатки меняются на одежды крестоносцев, «тамплиеров», с их порывом завоевывать и покорять. «Рыцари» оттесняют «каменщиков» на задний план. Конечно, обе категории — строителей и кастовых воинов исторически взаимосвязаны. Строить и защищать, разрушать и захватывать, отвоевывать и восстанавливать — на этих волнах шла история человечества, чередовались подъемы и спады цивилизации.

И на первый план выходили то одни, то другие. Чтобы трудиться, созидать, нужно было обеспечить охрану от набегов, а чтобы охранять, следовало оградиться крепостными стенами, форпостами, замками. Внутри строительных общин вместе с тем складывались не только внутрицеховые традиции. Создавался свой фольклор и этика поведения, свои легенды и мифы, иными словами, свой моральный климат. Гордясь древностью профессии, знаниями, которые позволяли возводить до сих пор удивляющие своей красотой шедевры, вроде Парфенона или Пальмиры, пирамид и Луксорского дворца, статуй фараонов и сфинксов, ритуальных храмов и военных сооружений, монастырей и замков, каменщики стремились в то же время сохранить секреты мастерства в тайне, уберечь от нескромных глаз. А поскольку, оканчивая работу в одном месте, они переходили в другие места, нередко иные страны, то со временем у них вырабатывались и свои условности, чтобы отличать «своих» от посторонних, не допускать чужих.

Характерно, что среди «старинных правил», которыми они руководствовались в Великобритании, один из старейших манускриптов, «Редиус» от 1390 года, написан стихами. Уже тогда имела хождение легенда об архитекторе Соломонова храма, убитом жадными подмастерьями, история о том, как царь Соломон решил после его смерти создать подобного рода и на сходных принципах основанную

организацию, на которой зиждился бы символический, всемирный «Соломонов храм». А его символ — золотая змея, выползшая из Иерусалима, смогла бы через тысячелетия опоясать земной шар и вползти в столицу его царства с другой стороны, уцепившись в собственный хвост. Тем самым дело, завещанное Соломоном, было бы завершено.

В легенде, масштабной и амбициозной, было заключено зерно идеи перехода от профессиональной организации каменщиков-масонов к всемирной организации единомышленников, считающихся каменщиками чисто номинально.

С 1550 года известно было и «тайное» слово мастера, упоминающееся в легенде об Адонираме — его называли по-разному — «Махабин», «Махабоун», «Матчпин», «Макбенак», производные от фразы на иврите, сказанной якобы при нахождении трупа архитектора храма Яхве — «плоть отделяется от кости». В позднейших интерпретациях она означала необходимость для посвященных в «мастера» отделить все суетное и бренное от вечного служения «братству» и его делу.

Удивляет быстрота, с которой места в ложах каменщиков перешли от профессионалов строительства к лицам других городских сословий, в том числе знатым и даже королевской крови.

Кто и насколько сознательно формировал таким образом новые масонские ложи, остается под вопросом. Но, несомненно, такие люди понимали, какие выгоды дает, как отмечал Найт, «потенциал секретного общества, рассекающего классовые деления так, чтобы охватывать аристократов, землевладельцев, лиц разных профессий и растущего среднего класса». «Это было братство, которое давало его теневым контролерам такие нити, которые позволяли манипулировать событиями, подобно кукольникам из-за сцены»¹, — замечает Найт. Характерно, что и Джелли уподоб-

¹ Knight S. Op. cit. P. 21,

лял себя кукольнику, руководящему из-за кулис событиями в Италии.

Если принять всерьез гипотезу «инициативного ядра», то следует попытаться посмотреть, какие основания могли иметь утверждения тех, кто начиная с 1741 года строил верхние этажи масонского здания, создавал «тамплиерские» ступени; о существовании, начиная со времен крестовых походов, неразрывных связей рыцарских и каменщических традиций. Можно выдвинуть следующие предположения.

Нити, объединявшие каменщиков, строивших замки и храмы, с их хозяевами, могли быть более прочными, чем это явствует из картин, сентиментально описывающих «бедных» строителей-учеников, подмастерьев и мастеров, вынужденных ночевать в пристройках помещений — «ложках».

Замки и крепости, церкви строились десятилетиями, порой столетиями, стоили огромных затрат труда, материалов и... денег. Естественно, в ходе их возведения складывались теснейшие отношения между их заказчиками и исполнителями. Последние отнюдь не являлись полностью зависимыми от первых. Их умение и желание сделать здание, строем впечатляющим, прочным и изящным, красивым было крайне важно для светских и духовных владык.

И за это умение, за привоз и обработку материалов им платили немалые суммы. Особенно высоко оплачивался труд мастеров. Недаром сюжетом для легенды о «Соломоновом храме» явился конфликт между более обеспеченными мастерами и подмастерьями. Верхушка артели каменщиков, ее прорабы, архитектор и его помощники получали еще больше. Порой феодалы, отцы церкви влезали в огромные долги, дабы завершить строительство, без которого их влияние, власть, безопасность владений оказались бы под угрозой.

Думается, верхушка строителей и хозяев замков, заказчики крепостей, городские власти во многом были на равной ноге. А с точки зрения накопления богатств хозяева

подрядов могли и обгонять заказчиков, сами обстраиваться, как и высшие слои других ремесленных цехов.

Под боком у них росло и крепло ростовщичество — прообраз современных финансистов и банкиров. Им не гнушались, как мы помним, рыцари-храмовники. Итальянский исследователь-масон Франкоччи писал: «Храмовники положили начало банковской традиции: к ним стекались просьбы о деньгах со стороны государств и правительств, короли, кардиналы, могущественные люди поручали им охранять свои сокровища. Их прибыли баснословны, они закупали бесчисленные постройки — в 1240 году им принадлежали девять тысяч приорств, замков, домов»¹.

Можно поражаться предприимчивости тамплиеров, которые помимо завоеваний и грабежа по пути к «святой земле» наладили бизнес на организации поездок и обслуживании пилигримов, устремившихся со всех концов Европы к «гробу господню», отвоеванному у «неверных».

«Тамплиеры» устроили первые банки, ввели финансовые поручительства, своего рода систему чеков и аккредитивов. Эти деньги они пускали в дело, строя новые замки и крепости, становясь второй властью в стране и претендуя на первую. Думается, что здесь и лежали причины драматического столкновения ордена храмовников с французским, а затем и английским королями.

Внутри рыцарства создавались свои традиции, освящавшие их «ордена», вводились магистерские звания, выделялся институт привилегированных «перфектов» — «совершенных».

Отсюда столкновение между все более космополитическими орденами рыцарей, укреплявшими свои экономические позиции, и династиями, правившими европейскими и иными странами, церковью, из-под контроля которой они уходили и с которой конкурировали на путях крестовых походов. Создание обособленного государства со столицей в

¹ *Francocci G. Op. cit. P. 126—127.*

Иерусалиме, где поместились штаб-квартиры многих «орденов», содействовало антагонизму «деловых» рыцарей, укрепляющегося бюргерства, ремесленного и торгового люда, в том числе и строительных гильдий, иными словами, предбуржуазных прослоек с жесткими рамками церковного и светского абсолютизма, произволом феодалов.

В этой борьбе, длившейся не один век, рождались тайные «братства», секретные общества, искавшие связи и защиту друг у друга, опиравшиеся на наиболее предприимчивые живые слои общества.

Могли ли тогда вырваться структуры, которые, как утверждал англичанин Эндрью Майкл Рамзей (1686—1743), идеолог «шотландского ритуала» и связи каменщичества и тамплиерства, затем переросли в масонство?

Историки в большинстве своем настроены довольно скептически. Некоторые подчеркивают, что рыцарские ордена, например, имели строго католическое направление, формировались под контролем Ватикана. По их мнению, прежние и нынешние «храмовники» и «крестоносцы» вряд ли имеют между собой истинную преемственность, разве что им свойственны некоторые сходные идеологически-ритуальные моменты. Многие специалисты считают, что утверждать, будто после разгрома «храмовников» Филиппом Красивым в 1314 году часть «ордена» сумела сохранить свои позиции в Шотландии, укрывшись под крылом местных рыцарей, сражавшихся с родственником Филиппа, правившего Англией, несерьезно.

Мне кажется, что, хотя и очевидно желание «шотландцев» и высшей лиги масонства, легализовавшего свое присутствие в XVII—XVIII веках, приукрасить и удлинить свою генеалогию, придать большую респектабельность движению, одеть фартуки на латы, все же некоторые резоны для утверждения о преемственности существуют.

Какие? Нельзя забывать, что «храмовники» имели прочные позиции не только во Франции, но и в соседних странах, германских землях, Испании, Португалии. У них были

«братья» в лице других рыцарских орденов, которые сохранились до наших дней. Тевтонский орден, например, вплоть до «битвы народов» при Грюнвальде был грозой Восточной и Средней Европы. «Дранг нах Остен» тогда проводил и орден Меченосцев. А мальтийцы? Они не уступают в древности тамплиерам, но сохранились до наших дней и стремятся занять все более прочные позиции на международной арене. Во многом их ряды переплетаются с сетью масонских орденов, имеют общих лидеров. Это показала, например, история ложи «П-2», штаб-квартира которой помещалась на одной лестничной площадке с резиденцией Мальтийского ордена на улице Кондотти в Риме.

Почему такие же реликты не могли сохраниться и в отдельных звеньях «храмовников»? Они, кстати, могли оставаться и в самой Франции, где у них было немало покровителей среди высших слоев аристократии, у противников королевской династии.

Это помогло бы лучше понять, почему с такой скоростью шло потом заполнение мест в масонских ложах династическими отпрысками, а затем и высшими представителями королевских родов Европы.

Попытку связать «цепь времен» несколько лет назад предприняли три англичанина — журналист телевидения Генри Линкольн, специалист по сравнительной литературе Ричард Ли и психолог Майкл Бейджент. Работая более десятилетия в архивах Национальной библиотеки Франции и других стран Европы, опросив десятки специалистов, они опубликовали в 1982 году книгу «Святая кровь и Святой Грааль»¹.

Они исследовали цепь необычных событий, произошедших в конце прошлого и начале этого века в юго-восточной Франции, в местах, где некогда родилось движение катаров, которое Ватикан окрестил «альбигойской ересью» (от

¹ *Baigent M., Leigh R., Lincoln H. The Holy Blood and the Holy Grail. London, 1982 (далее — The Holy Blood),*

названия городка Альби в Лангедоке) и даже, как мы упоминали, организовал против них (на запад!) «крестовый поход».

Возвращаясь к более близким временам, идя по следам исчезнувших «сокровищ» катаров и их документов, они сосредоточили внимание на истории ордена храмовников. Он был основан в 1118 году и назывался «Орден бедных князей Христа и храма Соломона»¹. Авторы пришли к убеждению, что знаменитый орден, явившийся родоначальником большинства вышеупомянутых рыцарских, «иерусалимских» орденов, сам был детищем малоизвестного Сионского ордена, его «военной рукой» для осуществления, в частности, планов отвоевания Иерусалима у мусульман. Этот орден оформился в Иерусалиме, по-видимому, на пороге XI века и назывался «Рыцари ордена Нотр Дам из Сиона» по имени аббатства на горе Сион, которое носило имя Св. Марии и Св. Духа.

До 1188 года у обоих орденов практически были общие великие магистры. Затем, после поражения крестоносцев и падения Иерусалима, их пути разошлись, и Сионский орден стал существовать поодаль от «храмовников». Его не затронул разгром «храмовников», хотя некоторые связи между ними все же сохранялись. По свидетельству авторов, орден стал зваться «сионским приорством». С 1306 года его руководитель Гийом де Жизор организовал в нем работу по принципам «герметического масонства», практикуя оккультизм, оно стало называться «Ормуз» по имени египетского мистика, создавшего в 46 году н. э. в Александрии «секретный орден посвященных», символом которого стал розовый крест².

Авторы приводят ряд свидетельств о влиянии Сионского ордена на раскол в христианских церквях, на события Возрождения в Италии, в частности на семью Медичи, отмеча-

¹ The Holy Blood. P. 61.

² Ibid. P. 124.

ют связь ордена с большинством европейских монархий. Особенно интересны страницы об участии ордена, его великих магистров в создании движения «розенкрейцеров», «Розового креста», прообраз которого послужил позже для формирования элиты масонства.

Понятно, что концепция «заговора сквозь века», отраженная в названии одной из глав, в сочетании со спецификой Сионского ордена не могли не вызвать весьма резких суждений о книге трех авторов. Их упрекали в «гротеске», «невежестве». Как заметила «Санди таймс», «без сомнения, эта книга взбесит многих церковных руководителей, но, возможно, авторы окажутся правыми». Никто не мог, однако, отрицать, что книга документирована, доступна для проверки источников.

Формирование принципов, легших в основу эзотерических ритуалов современного масонства, авторы относят к эпохе рыцарства, в том числе и «альбигойского». А одним из базовых произведений для разработки критериев «посвящений» и продвижения по пути «возвышения», которое позволяет быть допущенным на вершину «озарений», в «Святой Грааль», авторы называют поэму «Парцифаль», сочиненную баварским менестрелем Вольфрамом фон Эшенбахом где-то между 1195 и 1216 годами.

То, что «Парцифаль», он же Парсиваль и Парсифаль, является «эзотерическим» трудом, своего рода энциклопедическим пособием для разработки масонской символики, упоминают многие. На рыцаря Св. Грааля ссылается и профессор Уорд, которого мы уже цитировали. Запомним этот рыцарский роман. Он еще сыграет роль, о которой его автор никак не мог догадываться.

Исторические связи вообще бывают куда более разветвленными и устойчивыми, чем можно было думать, сохраняясь сквозь века и тысячелетия. Имеются сведения, например, что «храмовники» интересовались индуизмом и буддизмом, были связаны с сектами исмаилитов, государством «иранских рыцарей». Их люди доходили до руководи-

лей монгольских орд и даже помогали им найти дорогу в походах на Русь.

В 1921 году на несколько месяцев «правителем» Монголии вдруг объявляется некий барон Унгерн-Штернберг, сбежавший от революции в России. К сведению лам он сообщил, что как «Унгерн» происходит от предков, вышедших из местных степей с племенами Аттилы. Как «Штернберг» принадлежит к «магистерской» династии участников крестовых походов, которые позже осели на землях Балтики. (В годы правления в России Павла I его предок барон Унгерн-Штернберг был «провинциальным великим магистром» рижских лож.)

Исторический казус? Да, безусловно. И он длился недолго. Отличавшийся невероятными зверствами «сумасшедший барон» был вскоре схвачен. Но нити, на которые он указывал, были верными, они существовали. Барон был связан с масонством, увлекался буддизмом, утверждал, что является «ясновидящим».

Этот эпизод, возможно, экстремальный случай. Но он показывает, что некоторые нити, оставаясь невидимыми, способны сохраняться долго. А тем более на сравнительно небольшом участке между Европой и Ближним Востоком.

Во всяком случае предположение о том, что существовали вполне реальные связи между «братствами» рыцарских орденов и ремесленных цехов строителей средневековья и позднего феодализма, не представляется абсурдным.

А наличие связи по концепционным, мифологическим построениям вряд ли можно оспаривать.

Но перейдем к эпохе, когда в Европе забурлили новые силы и когда из реторт алхимиков эликсир масонства был выплеснут на авансцену политических, массовых действий. Когда подготовленные с участием секретных братств общественные движения вышли на улицу. Когда подземная река Алфей выступила на поверхность.

Глава 4 „ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕРИОД“

Тайные общества под защитой цехов — Когда завершилась инкубация — Ватикан узрел опасность — «Храм» надстраивается — Божественное золото — Пробыл час и фаланга пришла в движение — Все больше банков, все меньше свобод — Масонство в России — Декабристы выходят из лож — Лев Толстой о «братстве» — Отставка Гарибальди

Рассвет над тьмой средневековья в Европе занимался медленно и осторожно. В Риме, папской области, за неосторожное слово казнили. Мощный огонь Возрождения, породивший титанов мысли, несравненные образцы искусства, старались притушить, боясь его воздействия на души тех, в ком жила гордость за человека, вера в его разум и сердце.

Джордано Бруно, который смелыми глазами заглянул в Космос, сожгли, Галилея заставили отречься. И лишь Копернику, великому поляку, удалось обнародовать представления о строении Солнечной системы, опрокидывающие системы прошлого.

Двух великих мыслителей, мечтавших об идеальном, гармоничном человечестве — Мора (1478—1535) и Кампанеллу (1568—1639), преследовали. Автор «Утопии» был казнен. Автор «Города Солнца» 27 лет провел в казематах инквизиции. Монархия и инквизиция держались на обскурантизме, слепой вере и душили все, что могло подорвать их власть, угрожать их богатствам. И все-таки Земля, как и предполагал Галилей, вертелась, история шла вперед. Свежие силы распирали замшелые стены феодализма, требовали выхода, рвались наружу. Как на дрожжах росли и ширились мануфактуры. Ремесла преобразались в промышленность. Торговые, финансовые отношения набирали силу, ослабляли привилегии аристократии, делали горожан более независимыми. Ересь и инакомыслие проникали и в монастырские стены.

Бунт Лютера против Рима, отколовший от Ватикана пол-Европы, дал толчок самостоятельному мышлению. Уже не через догматы и наместника бога на земле, а каждый лично получал право «общаться» с создателем. Протестантизм расширял права разума, личности, творчества. На этой волне появился яркий и своеобразный мыслитель Якоб Бёме (1575—1624). Руководитель цеха башмачников из селёзского городка Гёрлица, он призвал понять мир собственным «экспериментальным знанием». Человек, говорил он, наделен свободной волей. Он сам себя способен спасти или погубить. Для этого надо овладеть знанием законов природы, от которой он не отделял и религиозное чувство. Даже троица в его «озарениях», под влиянием которых он писал свои книги, являлась «торжествующим, кипящим, подвижным существом, которое подобно природе: содержит в себе все силы». Обожествив дух человеческий, он то же

проделал и с материей. Иными словами, бог у него тож стал материальным.

Несмотря на мистицизм, взгляды Бёме, а до этого швейцарского алхимика и врача Парацельса (1493—1541) оказали большое влияние на умонастроения эпохи, подготовленной Реформацией к дальнейшим общественным сдвигам.

Немалая роль принадлежит в этом и Яну Амосу Коменскому (Комениусу, 1592—1670). Выдающийся мыслитель-гуманист, он был воспитанником общины «чешских братьев». Община была протестантского толка и обладала большим влиянием как на территории Чехии, так и в ряде других государств. Крупный реформатор систем образования, Коменius после превращения Чехии в провинцию империи Габсбургов жил и работал в изгнании во многих странах — Польше, Швеции, Англии. Остаток жизни провел в Голландии.

По взглядам Коменский был весьма близок к общественным и теологическим построениям Иоганна Валентина Андреа (1586—1654), которого считают инициатором возрождения движения Розового креста (розенкрейцеров), явившегося прямым предшественником масонства.

Протестантский священник, теолог из Вюртемберга Андреа, подобно Коменiusу много путешествовал по Европе, учительствуя и работая воспитателем в семьях аристократов, которые ему покровительствовали. Андреа переезжает сперва в Австрию, затем Францию и Италию, ведет постоянную переписку с Амосом Коменским, а также сколачивает кружки единомышленников на основе доктрины, которая должна была объединить «братьев-розенкрейцеров» в различных точках Старого Света.

Ведет он эту деятельность осторожно, анонимно публикуя трактаты этого общества, которые оповещают о существовании Братства и излагают его историю. Таковы приписываемые Андреа «Весть о Братстве, или Публикации общества достохвального Ордена розенкрейцеров» (1614),

«Исповедь Братства» (1615). Высмеивая догматы Ватикана, призывая правителей Европы вступать в Братство, автор, видимо, опасается мести иезуитов и Святого престола, жестоких расправ с «еретиками», перерастающими в религиозные преследования и войны, подобные той, которая обрушилась на «чешских братьев» и привела к подавлению национального восстания чехов в 1620 году.

Может быть, поэтому, признаваясь позже в своем авторстве одного из подобных манифестов, носившего странное, на первый взгляд, название — «Химическое венчание Кристиана Розенкрейца» (1616), Андреа толкует его как насмешку над философскими умствованиями и ритуалами сторонников «розенкрейцерства», с которым он якобы уже порвал. История инквизиции полна примеров подобных отечений, поэтому важно хотя бы то, что Андреа признает, что был ранее согласен с Братством.

Что же это все-таки за таинственный орден, популяризации которого за короткий период между 1614 и 1620 годами было посвящено более 200 (!) произведений?

Как и в генеалогии масонства, пришедшего на смену движению розенкрейцеров, в истории ордена немало чисто мистических моментов, мифологии, достоверность которой сомнительна. Таковы утверждения некоторых историков движения, будто орден рожден в Древнем Египте за полторы тысячи лет до нашей эры. Более близким по времени, но отнюдь не более вероятным является тезис о рождении общества розенкрейцеров в окружении короля Артура из числа рыцарей его «Круглого стола». Далее идут ссылки на крестоносцев, орден «храмовников» и легенды, связанные с «чашей Грааля», обладающей чудодейственной силой, и ее «хранителями».

Достоверно лишь то, что роза и крест, от которых можно произвести название «розенкрейцеров», весьма широко встречаются в символике древних и средних веков, имея самое обширное толкование. В гербе самого Андреа розы расположены по четырем углам принятого у розенкрейцеров

Андреевского креста (в форме X). Роза как воплощение тайны и женственности (начала начал), крест как символ союза — лишь одна из возможных вариаций.

Модным был этот символ у ученых средневековья и периода Возрождения, нередко добавляющих к своим именам аббревиатуру Р. К. Мы уже говорили о том, насколько помыслы ученых и философов той эпохи были отмечены переплетением мистики и науки, действительных открытий и их оккультным, «герметическим» истолкованием. Известно и то, насколько враждебна была таким изыскам католическая церковь, с какой готовностью разжигала костры инквизиции для вольнодумцев и «еретиков», «ведунов» и «ведьм». Отсюда легко понять и приверженность преследуемых к сохранению своих сообществ и их доктрин в тайне. Вот почему и рождение розенкрейцеров выглядит как смешение действительных фактов и мифов.

Наиболее устойчивым из них, с указанием датировки, является рассказ о Кристиане Розенкрейце, будто бы происходившем из знатной немецкой семьи, смолоду приобщившемся к тайнам Востока и по возвращении из скитаний приобщившим к ним членов монашеского братства, к которому он принадлежал. В его недрах будто бы и появилось инициативное ядро адептов «розового креста». Полагают, что «великий маг» Розенкрейц умер в 1494 году в возрасте 106 лет. Его «химическое венчание» (а в 1613 году целый сборник трактатов сходного содержания был окрещен как «Химический театр»), слово «химия», заложенное в заглавие якобы иронического произведения Андреа, видимо, на деле было индикатором связи общества розенкрейцеров с ученым миром, который был занят экспериментами в подвалах и тайных лабораториях, сопровождавшимися заклинаниями и обращениями к духам и нечистой силе в поисках «философского камня», способного даровать вечную молодость, обращать в золото и серебро обычные металлы и т. д. (Утверждают, что труд Андреа подсказал Гёте сюжет «Фауста».)

Многие из «магов» на арабский манер именовали себя «алхимиками», исходя из оккультного толкования слова, которое означало в древности некое «черное царство» на берегах Нила («Хеми» или «Хами») и превратилось в символ всего темного и тайного. К одному «алхимическому» союзу приписывали Парацельса (настоящее имя — Теофраст Бомбаст из Гогенхейма).

Немецкий исследователь Георг Шустер отмечает, что в ряде немецких княжеств, а также в Австрии, Англии, Голландии и Италии существовали союзы алхимиков, включавшие многих видных ученых и просветителей того времени. Основатель «Общества алхимиков» в Ростоке Иоахим Юнгиус (1587—1657) был видным естествоиспытателем и математиком, дружил с Амосом Коменским. Так что понятие «алхимики», которое ввиду большого числа авантюристов и шарлатанов, пригревшихся при жаждавших золота невежественных феодалах, приобрело нарицательное (и отрицательное) звучание, к большинству из них вряд ли применимо. Хотя и здесь мистики хватало. Как отмечал Шустер, «эти алхимические союзы... на самом деле представляли собой настоящие академии математиков и естествоведов», а заумный язык, которым они нередко пользовались, нужен был им, чтобы «замаскировать свои религиозные и научные убеждения... находившиеся в прямом противоречии с господствующим учением церкви»¹.

«Химия» для них «являлась лишь формой философского содержания»². Причем в основе лежало убеждение, что «божественный дух... заложен и во всяком человеке, как зерно вечной жизни», и что необходимо привести человечество «к истинной философии, которую познал Адам после своего падения и которой следовали Моисей и Соломон»³. Здесь любопытна ссылка на то, что Адам приобщился к «истинной философии» после своего «падения», когда он вместе с Евой поддался искушению змия-дьявола и вкусил

¹ Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена. СПб., 1905. С. 284.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 289.

плод с древа познания. «Химики»-розенкрейцеры таким образом дают положительное толкование «грехопадению» Адама и Евы, что, конечно, отличается от традиционного прочтения Библии.

В конце XVI либо в самом начале XVII века «алхимические союзы», «академии» ряда стран, «братства розенкрейцеров» окончательно объединяются. Г. Шустер считает, что учреждение Ордена розенкрейцеров относится приблизительно к 1604 году¹. Он противостоял иезуитам, укрывал от их преследований своих единомышленников, выпускал манифесты, популяризируя свои доктрины.

От вновь принятых требовали клятвы верности и молчания, поддержки «братьев» словом и делом, соблюдения иерархии. В ордене были «младшие», составлявшие «класс учеников». Ими руководили «старшие», над которыми стоял, в свою очередь, «Отец», или «Старшина». Учредители ордена носили фартук.

Католическая церковь обвиняла розенкрейцеров в союзе с Сатаной и преследовала их. Эти люди своим девизом избрали изображение розы с крестом внутри — символ страданий и мученичества или же — золотой крест с розой (среди них были члены Академии Алхимиков — Розенкрейцеров в Амстердаме, которые называли себя еще союзом «Божьих Братьев», 1622 год). Наиболее мощный филиал союза представляли «чешские братья», которых насчитывалось до 200 тысяч. Они были связаны с гуситским движением, проповедовали терпимость, включали членов многих ремесленных корпораций и цехов, литературных обществ, академических кругов того времени, имели международные связи. Расцвет их движения совпал с формированием Ордена розенкрейцеров и продолжался вплоть до военного поражения «чешских братьев» в 1620 году у Белой Горы. Амос Коменский был их знаменем, идеологом и религиозным руководителем — последним их епископом. Покинув родину, он бла-

¹ См.: Шустер Г. Цит. соч. С. 291.

годаря единомышленникам в германских землях, Голландии, Англии (Лондонская «Академия», впоследствии преобразованная в Королевское общество) объединяет близких ему по взглядам людей, продолжает просветительскую деятельность. Ниже мы остановимся на ней подробнее, а пока отметим, что именно в Англии и оформилось окончательно движение розенкрейцеров под защитой и эгидой цеха «свободных каменщиков», франкмасонов. «Розенкрейцеровское братство постепенно преобразовалось в братский союз франкмасонов. Это случилось в Англии, куда скрылись во время Тридцатилетней войны остатки немецких (и других.— Л. З.) розенкрейцеров»¹. Но пока продолжим наш рассказ об Амосе Коменском.

В 1644 году Коменius начинает свой труд под названием «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих». В нем он проводит идеи всеобщего пробуждения («Панегерсия») и озарения («Панавгия»). Эта часть сочинения увидела свет в Амстердаме в 1662 году. Коменский разрабатывал проект создания «Коллегии света», которая занялась бы повсеместно «распространением мудрости», чтобы объединить людей для преобразования общества. Вселенную он представлял как единство трех миров — божественных идей, видимой природы и мира, созданного деятельностью человека. Его друг Самуил Гартлиб, проживавший в Англии, содействовал приглашению Коменского английским парламентом в 1641 году для помощи в деле постановки национального воспитания и учреждения университета. В 1647 году Коменius предложил парламенту проект своей реформы. Чешскому просветителю мы обязаны рождением аббревиатуры SCHOLA — Sapienter Cogitare Honestе Operare Loqui Argute — «мудро мыслить, благородно действовать, умело говорить». Вот что он вкладывал в понятие школы.

Друг и сторонник Андреа, имевший немало точек соприкосновения и с Бёме, Коменский был в ряду создателей про-

¹ Шустер Г. Цит. соч. С. 291.

светительной философии, во многом усвоенной теми, кто тогда формировал ряды масонства, определял его доктрины. Вместе с тем в его работах, несмотря на внимание к религии и «озарениям», фундаментальное место отдается человеческому разуму, его способности постигать истинную суть вещей и явлений.

«Третье сословие», буржуазия, деятельные слои города и общин, искали идеологию и формы религии, которые наиболее подходили бы к их практическим нуждам, освящали те цели, к которым они стремились.

Тянулись к ним и некоторые представители старого общества, те, кто понимал необходимость перемен, либо стремился сродниться с новыми веяниями, чтобы не дать им перерасти в катаклизм, который упразднил бы их привилегии.

На стыке сословных перегородок наиболее удобную, исторически уже созданную форму общения между ремесленниками и средними слоями с высшими — их заказчиками, представляли упоминавшиеся ранее цеха. Замкнутые, сплоченные, они обладали герметичностью, защищавшей тех, кто приходил к ним «со стороны». Им самим придавало дополнительный вес пришествие влиятельных ученых, адвокатов, врачей, не говоря уже о представителях аристократии, царствующих домов.

Цех «вольных каменщиков» был наиболее удобен для того, чтобы дать форму общественному течению, в котором религиозные (не ортодоксальные) взгляды сочетались бы с практическими целями, готовить элиту для грядущих перемен.

Цех не ограничивался национально-государственными рамками. Каменщики потому и звались «вольными», что им давалось право неограниченного перемещения в связи с новыми заказами. А специализировались они на постройке культовых зданий — церквей, храмов, монастырей. В каждой стране они обрастали связями. Их квалификация и опыт придавали им престижность. Их традиции, условности, фольклор служили своего рода заменителем генеалогичес-

ких достоинств дворянства, могли быть привлекательными и для лиц высокого положения.

Исторически принято, что именно в Англии ложи цеха «вольных каменщиков» помогли оформиться тем, кого принято считать предтечей современных франкмасонов. Некоторые считают их предшественниками братства итальянских, «комачинских» каменщиков, которые одними из первых в Европе овладели вершинами мастерства возведения больших храмов. Кстати, на это указывает и профессор Уорд. В средние века, писал Уорд, существовали две большие группы масонов — те, кто вышли из комачинских каменщиков и стали современными «спекулятивными» франкмасонами, и масоны гильдий, объединявших лиц более скромного положения. Франкмасоны «были свободны работать в любой части страны, и их специальностью было возведение церковных зданий, тогда как другим гильдиям разрешалось работать только в том городе, где были их ложи»¹.

Можно предположить, что во многих странах Европы были подготовлены таким образом удобные ячейки для масонства. Возможно, могли использоваться и другие престижные гильдии и цеха, в том числе ювелирные, купеческие, имеющие особенно развитые внешние связи. Но здесь мы вступаем на почву гипотез, тогда как документированные данные изучены пока лишь в отношении появления масонства на базе каменщических цехов Англии и Шотландии.

Найт относит факты появления первых «спекулятивных» масонов к Шотландии. Самым ранним масоном — не каменотесом, присоединившимся к ложе, он называет Джона Босвелла, помещика из Очинлеча. Он стал членом ложи Эдинбурга в 1600 году. В Англии им стал Элиас Ашмоул, основатель Оксфордского Ашмоулского музея и антиквар. Он вступил в ложу в 1646 году. Характерно, что Ашмоул глубоко интересовался розенкрейцерством, идеи которого,

¹ *Ward J. S. M. Op. cit. P. 61.*

как мы упоминали, были изложены германским теологом Иоганном Валентином Андреа в первые десятилетия XVII века. По данным, приведенным английскими авторами в книге «Священная кровь и Св. Грааль», Андреа был «навигатором» или «рулевым», то есть Великим магистром Сионского ордена с 1637 по 1654 год. (После чего на этом посту его сменяют ученые Роберт Бойль и Исаак Ньютон.)

Эрозия лож, где профессионалов сменяли все более знатные лица иной профессии, протекала чрезвычайно быстро. В 1670 году, например, в ложе Эбердина соотношение принятых со стороны к «оперативным» каменщикам составляло уже 39 : 10. А позже каменотесы и строители вообще исчезли из лож. Знатные люди начали формировать собственные ложи джентльменов.

Такой трансформации способствовал упадок этой строительной профессии, которую относили к «индустриальной аристократии». Последние крупные постройки готического стиля, составлявшие славу каменщиков (и дававшие им крупные материальные средства), относятся к началу XV века, когда была завершена Королевская капелла в Кембридже.

Ложи оставались масонскими уже только по названию. Заметим: масонство начало формироваться в современном виде задолго до того, как четыре лондонские ложи в 1717 году объединились в Великую ложу. Этому предшествовало более ста лет и не только в пределах Великобритании, но и, по-видимому, на территории континентальной Европы. С момента официального дня рождения и вслед за появлением в 1723 году масонского манифеста — «Конституций» шотландского масона Джеймса Андерсона, перекочевавшего в Лондон, — масонское движение охватывает Европу, как пламя сухой стог сена.

Друг Андерсона, Джон Теофилис Дезагюлье (1683—1744), француз по происхождению, доктор права, член Королевского общества, капеллан принца Уэльского, поразительно легко распространяет влияние организации. В Гааге

он в 1731 году принял в масоны герцога Лотарингского, который, женившись на Марии-Терезе Австрийской, стал вскоре германским императором и австрийским правителем.

У себя дома Дезагюлье в 1737 году принял в братство сына короля Георга II — Фридриха Людвига, принца Уэльского. Знать буквально валом повалила в ложи, где ранее доминировали средние классы. В 1730 году из девяти Великих магистров европейских стран шесть были знатного происхождения.

Рождение масонских лож шло как бы волнами. Они то устремлялись из Лондона на континент Европы, то возвращались в Альбион. Если у колыбели современного масонства в Англии стоял француз Дезагюлье, под наблюдением которого и формировались первые уставы масонства, то начавшие создаваться в 30-х годах в Париже ложи масонства (к 1730 году их было пять) имели английских кураторов. Ими стали якобиты, сторонники Якова II Стюарта, изгнанного в 1688 году из Великобритании и обосновавшегося в Париже. Первая «правоверная» ложа в Париже, признанная в 1732 году англичанами, имела благословение графа Дервентуотерского — Чарльза Рэдклиффа (1693—1746), известного близостью к упоминавшимся розенкрейцерам. Этот англичанин считается первым гроссмейстером французского масонства. Вскоре ложи на английский манер возникают в Бордо, Руане и других городах Франции.

В 1728 году ложи английского образца появляются в Мадриде, на следующий год — в Гибралтаре. Их крестным отцом является герцог Филип Уортон (1698—1731). Он был одним из первых гроссмейстеров Великой ложи Лондона. С его одобрения печатались «Конституции» Андерсона, где предписывалось не принимать в масоны «глупых атеистов» и «разнузданных свободолюбцев». Вместе с тем в «Конституциях» практически не было, за исключением введения, ни малейшей ссылки на христианство. Речь не шла о простой забывчивости. Сам герцог Уортон состоял в «дьявологической» лондонской ложе «Адского пламени». За ерети-

ческие взгляды ложа в 1721 году была закрыта. Уортону, который вдобавок был в сношениях с якобитами, пришлось бежать. Бывший сатанист успел, однако, основать испано-гibraltarские ложи, а сам... принял католичество и закончил жизнь монахом в испанском монастыре.

Гроссмейстер французского масонства Рэдклифф кончил хуже — нелегально прибыв в Англию, он был арестован, обвинен в заговоре якобитов и казнен.

Эти бурные, полные драматизма события, разыгравшиеся на заре оформления масонства, между прочим, наглядно показывают, заслуживают ли доверия содержащиеся в «Конституциях» и «уставах» масонства утверждения, будто масоны у себя в ложах «не занимаются политикой» или «не обсуждают религиозные вопросы». (А ведь эту сладкую сказку повторял 250 лет спустя не кто иной, как член ложи «П-2» Пьер Карпи, друг Личо Джелли, самого черного заговорщика и политикана!)

Бегство и казнь первых «гроссмейстеров» не остановили распространение масонства по Европе.

На древней земле Италии, где особенно бурно развивались в период Возрождения и еще до него, если вспомнить великого Данте, культурно-идеологические процессы, утверждались средние классы, масонство группировалось вокруг наиболее развитых торговых и ремесленных центров. Среди них возвышалась Флоренция с ее потенциалом цеховых организаций. Примером раннего социального вызревания современных отношений здесь являлось восстание «чомпи», чесальщиков шерсти (1378 г.). Вышедшая из купеческого сословия династия Медичи, правящая городом, придерживалась весьма самостоятельных взглядов на христианскую религию, тяготее больше к греческой философии и искусству и объединяя вокруг себя крупнейших художников и скульпторов (достаточно назвать Боттичелли и Микеланджело). Известный по всей Европе и на Средиземноморье золотой цех города, выдвинувший в качестве своего декана Бенвенуто Челлини, также представлял собой подходящую

среду для утверждения прамасонских понятий и верований.

Именно в период угасания владычества Медичи в 1733 году во Флоренции появилась первая официальная масонская ложа. За ней последовали Рим и Неаполь. Впрочем, в Риме, под боком у папы, уже около 1700 года проводились «якобитские вечера» под знаком «Великого Архитектора храма Соломонова». А первые шаги в Италии, но еще неофициальные, масонство, по свидетельству Сильвано Спинетти, совершило в начале 1700 года в Ливорно, «традиционной торговой базе Британии в Тирренском море, а также местопребывании крупного израэлитского сообщества»¹. В столице Сицилии Палермо задолго до оформления «лож» на тайные мессы собирались «рыцари Мизраима». А в Венеции и Фриули знать и крупные торговцы собирались под видом игры в карты на эзотерические собрания. Одним из центров распространения эзотерических знаний было в Венеции израэлитское сообщество, место поселения которого, названное по имени близлежащей металлургической фабрики — «гетто», стало международным термином.

Масонские общества возникают в Милане, Вероне, Падуге. Особый размах получает развитие масонства в Неаполе, столице «королевства обеих Сицилий», где его поддерживают коронованные особы. Ложы Флоренции, Рима, Неаполя, как отмечает Спинетти, «старались привлечь к участию прежде всего высшие слои финансистов и делового мира». Их рождение, по оценке масона Франкоччи, «было связано с сознанием, что необходимо, наконец, построить мир на новых экономических и социальных основах»².

Но масонство вместе с тем исполнено почтения к аристократии, монархии, стремится заручиться их поддержкой, вовлечь в свои ряды.

В 1733 году возникла первая английская ложа в Гамбурге. Здесь важную роль сыграл граф Альбрехт Вольфганг

¹ *Spinetti S. Op. cit. P. 45.*

² *Francocci G. Op. cit. P. 138.*

Шаумбург-Липпе, принятый в масоны в Лондоне в 20-е годы. В Миндене он сумел очаровать наследника прусского престола, прибывшего сюда вместе с отцом — Фридрихом-Вильгельмом I. В 1738 году (14 августа) будущий король Фридрих II Прусский, а речь идет о нем, вступил в ложу «Авессалом», а позже становится гроссмейстером берлинской ложи «К трем глобусам», руководителем прусского масонства.

Масонство шагнуло и в Россию. В 1731 году Великий магистр Великой Лондонской ложи лорд Ловелл назначил капитана Джона Филипса провинциальным Великим мастером «для всей России». Правда, объединяла его ложа лишь иностранцев, преимущественно самих англичан, живших в Петербурге. Лишь с 1740 года, когда ее возглавил Джеймс Кейт, в ложу стали вступать русские.

К тому же времени масонство начинает проникать и в Польшу, главным образом из Саксонии. Возникают отделения дрезденской ложи «Трех белых орлов», куда примыкают отпрыски наиболее аристократических семей — Мнишеки, Потоцкие, Огиньские, Виельгорские.

Поразительно быстрые шаги движение «каменщиков» делает в Америке. Если в 1730 году масонские ложи в Пенсильвании возглавил Даниель Кокс, живший в Англии, то с 1733 года его сменяет бостонец Генри Прайс. Он становится гроссмейстером всей Америки. В Филадельфии рождается и первая ложа, уже не зависящая от Великой ложи Лондона. Учреждается она при деятельном участии Бенджамина Франклина.

Еще в 1725—1726 годах он посещает Лондон, где интересуется масонством. Но возраст (19 лет) не позволил ему вступить в ряды «каменщиков» (возрастной ценз равнялся 25 годам). Возвратившись в Америку, Франклин создает в Филадельфии тайный «Клуб кожаного фартука», из которого рождаются затем «Книгоиздательское» и «Философское» американские общества. Несмотря на молодые годы, в 1734 году Франклин делается гроссмейстером. Через фран-

цузские, ложно масонство распространяется в Канаде, колониях в Центральной Америке.

Иными словами, от Европы до Америки только что оформившееся движение не просто набирает темп. Оно насчитывает в своих рядах несколько монархов (Англия, Австрия, Пруссия) либо тех, кому, как Франклину, суждено сыграть ведущие роли в исторических событиях.

Пожалуй, раньше других оценила возможные последствия экспансии масонов католическая церковь. Ватикан стремится затормозить шествие тех, кто грозит лишить церковь традиционного влияния на коронованных особ, на духовную жизнь общества. Удивляться поворотливости Святого престола не приходится. Кто другой обладал тогда столь совершенной сетью шпионов и информаторов?

И вот в 1738 году римский папа Климент XII распространяет буллу «Ин эминенти».

«Мы узнали,— говорится в ней,— что созданы и ото дня ко дню укрепляются центры, объединения, группы, агрегации или конвенты под именем... «франкмасонов», куда... допускаются лица любой религии и из любой секты без всяких различий». Они, продолжает булла, «установили некоторые законы, некоторые уставы, которые их объединяют и особенно обязывают их под угрозой самых тяжелых наказаний, в силу клятвы, взятой под присягой над Святым писанием, сохранять неприкосновенным секрет обо всем, что происходит на их собраниях».

«Но подобно тому, как преступление рано или поздно раскрывается, несмотря на предосторожности, принятые, чтобы его скрыть, это общество, благодаря огласке, которую уже нельзя остановить, эти собрания стали столь подозрительными для преданных вере, что всякий добропорядочный человек рассматривает их как недвусмысленный признак всевозможных извращений...»

Папа отметил «большое зло, которое проистекает из подобных ассоциаций, всегда угрожающих спокойствию государства и духовному здоровью», и заключил:

«Вот почему мы столь решительно предупреждаем против вступления под любым предлогом в данные центры, объединения, группы, агрегации и конвенты всех верующих, будь они светскими лицами или же регулярными или секулярными служителями культа; полностью запрещаем им вступление в эти ассоциации и собрания под угрозой отлучения от церкви»¹.

Однако засунуть джинна обратно в бутылку не представлялось возможным. Массонство развивается вширь, оно охватывает все более широкие слои верхов общества. Оно идет и вглубь, подготавливая такие позиции, которые позволили бы ему продолжать свое поступательное движение вверх независимо от подъемов и спадов, вызываемых капризами общественных настроений, поворотами событий. «Открываясь» «снизу», оно «закрывается» сверху, чтобы никакие перипетии не вырвали у верхних этажей движения контроля над нижними.

Какие бы эксцентричные формы ни принимала чехарда возникновения и быстрой кончины тех или иных модных течений, скороспелых ритуалов, связанных порой с именем того или иного авантюриста, шарлатана, жулика, неизменной константой остается наращивание иерархической лестницы здания «каменщиков». Простое, «трехслойное» движение обеспечивает массовость. А новые, привилегированные ступени, их все более акцентированный аристократический характер привлекают к масонству тех, кто впоследствии составит невидимое ядро, направляющее разнородные и оттого весьма удобные для любого употребления отряды строителей «храма Соломонова».

Усложнение структуры, наращивание верхних этажей «братства» проходит не гладко и не без сопротивления тех, кто видит в этом ущемление прав средних слоев, нарушение громких деклараций о равенстве «братьев». Но караван идет. Причем процесс этот, опять же как бы раскачиваясь

¹ L'Histoire. Octobre 1982. N 49. P. 20.

на качелях «Париж — Лондон», быстро распространяется на другие страны.

С 1740 года, чтобы закрепить свое руководящее положение, знатные слои Англии, недовольные «трехклассной» масонской системой, начинают строить здание выше, создавая Капитул Королевской Арки. Через несколько десятилетий вершину английского масонства возглавила королевская семья. Сперва великим мастером стал герцог Кумберлендский (1745—1790) — внук Георга II. За ним последовали в качестве патронов масонства Георг IV и Вильгельм IV.

За противоречиями лож «старинного» и «модернистского» обрядов крылись как сословные, так и междоусобные разногласия. «Якобиты», сторонники Якова II, бежавшего от «славной революции» 1688 года в Париж, под покровительство французского короля Людовика XIV, будто бы стремились действовать и через масонство.

С их деятельностью, особенно сэра Эндрю Рамзея, и связывают рождение «шотландского обряда», первоначальной целью которого было заручиться поддержкой в Шотландии для реставрации династии Стюартов. Но масонские мечи использовались и Ганноверской династией, находившейся на английском троне, а доктрины «шотландцев» позже позволили объединить в своем лоне соперничающие группировки. Помимо претензий на родство с рыцарями — «храмовниками» они восприняли и легенду о том, что преобразователями языческого и древнеиудейского масонства явились мальтийские рыцари. Только им якобы дана прерогатива отличать «истинные» ложи, возникающие повсюду в Европе, от «ложных».

Из Франции «шотландское масонство» распространилось в Скандинавию, германские земли, на территорию Италии.

В Германии продолжателем дела Рамзея явился барон Карл Готлиб Хунд (1722—1776), который ввел обряд «Строгого послушания», куда отбирались лица преимущественно знатного положения. Хунд утверждал, что находил-

ся в прямой связи с «неизвестными лицами», представляющими уцелевший орден «храмовников». Для его ордена было характерно почитание военных традиций, тевтонская дисциплина*. Мистический дух царил в «скандинавском обряде», претендовавшем на особое международное признание. Этому способствовал Эммануэль Сведенборг (1688—1772) — шведский ученый, советник короля Карла XII. Если Бёме лишь под конец жизни полностью углубился в дебри мистицизма, поставив перед человечеством задачу обрести статус «ангелов», то Сведенборг общение с духами, потусторонним миром поставил во главу угла, проповедуя, что оккультным путем, отрицая разум, одними озарениями, сопровождаемыми нравственным самосовершенствованием, те, кому это предназначено, попадут в «невидимый мир», в «Новый Иерусалим».

Его постулаты легли в основу оккультных упражнений, которые и поныне процветают в высших сферах масонства. «Система» Сведенборга особенно популярна в США, по ней работает немало лож в Швеции. На нее ссылается и Уорд.

Но вернемся ко второй половине XVIII века, когда Европа вплотную подошла к большим переменам. «Верхние этажи» масонства, несомненно, должны были принимать какое-то участие в общественных процессах, склоняться к тому или иному выбору. И здесь встает вопрос, который мучил историков не один век и даже разделил их на непримиримые лагеря.

* Тевтонский орден отпочковался от ордена Св. Иоанна — госпитальеров (впоследствии — Мальтийский) в 1198 году. Был предназначен для крестоносцев германского происхождения. После того как крестоносцев выбили из Иерусалима, Тевтонский орден обосновался в 1226 году в Хелмлинской земле. Отсюда тевтоны начали наступление на славянское племя пруссов (от него осталось название Пруссии), на прибалтийские и русские земли. Его постоянным стремлением было завоевание земель к востоку — «Drang nach Osten». Поражение на Чудском озере от Александра Невского в 1242 году приостановило экспансионизм тевтонов и меченосцев, но окончательно их влияние было подорвано лишь в 1410 году в битве при Грюнвальде.

Вслед за аббатом Барруэлем ряд из них повторяет тезис — за каждым революционным событием, поворотом «влево» надо видеть масонов, масонский «заговор», который предопределял основные события последних веков. Сперва клерикальная, реакционная, а затем и крайне правая, фашистская пресса регулярно выдвигали тезис о «зловещей» роли масонства, о всемирном их заговоре, который нацисты с их антисемитизмом именовали «иудейско-масонским».

Другая часть вообще отрицает сколько-нибудь значительное влияние масонства на исторические события. Есть и промежуточные позиции.

Даже рождаясь в одном месте или в однородной группе лиц, любое общественное движение, если хочет уцелеть, сохраниться, обязано считаться с факторами, которые превышают его способности. Могут возразить: внедряясь сразу в противостоящие слои аристократии и «третьего сословия», не избежало ли масонство превратностей, связанных со слишком односторонним выбором? Не это ли предопределило его особую жизнеспособность в течение многих столетий? Не стремилось ли оно всегда быть у истоков самых различных направлений мысли, науки, религии? Не менялось ли вместе с самим обществом?

Все эти вопросы содержат в значительной степени и ответы. И все же это не освобождает от обязанности анализа, более приближенного к конкретным условиям истории. Если бы мы смогли проследить некоторые несущие конструкции идеологических структур масонства, уходящих в далекое прошлое, то не в их ли приложении к реальным силам и событиям общества будет найден ответ?

Если говорить о том, какие силы внутри масонства были способны направлять и корректировать его движение сквозь века, то, скорее всего, их следует искать вблизи его высших ступеней, тогда как низшие отражают те общественные силы, которые оно привлекало, которые видели в нем выразителя своих сокровенных интересов или хотя бы могущественного попутчика. Здесь, разумеется, может возни-

кать и оптический обман, идеализация, принятие промежуточных целей за конечные. Возникает и трудность исследования — низшие слои масонства более «прозрачны», понятны, тогда как верхние, если употребить масонские же обозначения, либо излучают «невидимый свет», либо являются «видимой тьмой».

Но не дадим себя запутать мистическими покрывалами и прочими реквизитами масонской символики. Ведь за условными фразами, за карнавальными масками стоят вполне земные, порой прозаические личности, чьи побудительные мотивы намного проще пышных одежд, в которые они кутаются.

Когда Франкоччи пишет, что, несмотря на пестроту обрядов — «шотландский» Св. Андрея, «Великого Глобуса», «Клермонтский», «избранных Коэнов», «иллюминатов», «филалетов», «мартинистов», «Мизраима», «строногого» и «широкого» чина, «египетского» ритуала, — «повсюду распространялся один и тот же свет», то что он имеет в виду? Что может соединять столь пестрые отряды масонства?

Единство доктрины, которое не мог нарушить видимый плюрализм ее интерпретации.

А провозглашая для каждой «личности» (на деле она как раз далеко не «каждая») возможность «постичь истину», «сравняться, если не с богом, то с дьяволом» (Фауст), войти в царство свободы и справедливости, масонство сулило эмансипацию и новые права буржуазии, составлявшей главную часть его воинства. Молодая, способная, предприимчивая, она множила свои фабрики и заводы, развивала производительные силы, рассматривая философию, сведения о природе, науку, технику не только с точки зрения «чистых знаний», а, скорее, с точки зрения их умелого и быстрого приложения. Ей нужно было такое строение общества, которое дало бы максимальный простор для приложения капитала, сняло бы перегородки устаревших феодальных привилегий. Ей нужна была такая религиозная система, которая не придавливала бы ее инициативы, освя-

щала предпринимательство, видела в нем «промысел божий».

Вытекающее из недр христианства, особенно протестантизма, деистических представлений масонство было для буржуазии такой освящающей системой религиозных взглядов. Провозглашая «права личности» (с капиталом прежде всего), деятельность по извлечению денег, прибылей, оно изображало как наиболее разумное устройство человечества то, при котором самые просвещенные, «способные», «избранные» могут предоставить всем остальным, «темным», «испорченным», «инертным», более сносное существование. Капитал, золото в особенности, становился для буржуа высшим символом человеческой деятельности, средством «облагодетельствования», признания «способностей». Масоны, например, когда обожествляют золото, ссылаются на «египетские» традиции, по которым культ Солнца был связан с золотом.

Солнце вообще-то является столь древним символом, что едва ли не с него начались религиозные взгляды человека. Солнце грело, взращивало урожай, освещало жизнь, а могло и сжигать, карать. Его цвет, действительно, сродни блеску драгоценного металла, золоту, которое издревле было мерой богатства, а посему считалось священным, обожествлялось.

Древние египтяне с их культом священных животных сделали быка Аписа божеством Солнца и золота одновременно. Почитание «золотого тельца» было привито и другим народам. Моисей, выведший свой народ из Египта и повелевший почитать в качестве единственного бога евреев Яхве, не раз был вынужден наказывать плетью выходцев из жречества, своих «любимчиков» («бенджаминов») за тайное поклонение «золотому тельцу».

В эпоху средневековья социальные движения нередко облекались в форму ересей и сект. Секта «каменщиков» оказалась наиболее удачно найденной. Из многих верований, мифов и религий она извлекла критерии, которые мо-

гли наилучшим образом оправдать установки выраставшего из недр феодализма буржуазного класса. Оправдать не только в собственных глазах, но и для остального общества. Ибо свободу для себя, для предпринимателя, «строители храма» представляли как всеобщую свободу. Трезвый и циничный мир, построенный на денежных отношениях, именовался ими «царством разума», даже «вечного разума», а свое приравнение к высшим классам буржуа изображали как «всеобщее равенство».

«...Вечный разум,— писал Фридрих Энгельс в «Анти-Дюринге»,— был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа»¹. А доктрина масонства с проповедью «благородной прибыли» как нельзя более подошла для подчистки христианских догм в угоду поднимающейся на пьедестал власти буржуазии. Культ Солнца — Аписа — Золотого Тельца помогал фетишизировать принцип купли-продажи: «Современное общество...— отмечал Карл Маркс,— приветствует золото как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа»².

Природа поднимавшегося с грозной силой класса была двойственной. Сметая феодальные Бастилии Европы, он готовил миру в перспективе власть денежного мешка. Но чтобы увлечь за собой на все еще крепкие средневековые бастионы простой люд, ему приходилось свои частные интересы представлять как всеобщие. Выступал он, несомненно, как революционная сила.

В рамках исследования важно проследить, каким образом двойственность программы революционной буржуазии отразилась на взглядах интересующего нас общества «каменщиков».

Пример Франции показателен. Революция здесь не была верхушечной. В силу невероятного упрямства и исторической слепоты, высокомерия абсолютистской монархии,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. С. 267.

² Там же. Т. 23. С. 143.

аристократии, духовенства «третье сословие» — буржуазия — было вынуждено пойти весьма далеко. Во всяком случае, дальше, чем предполагали ее вожди.

Многие из них незадолго до революции уживались в ложах вместе с «братьями» — родственниками монарха, маркизами, виконтами, высшей надстройкой страны. Они все еще надеялись «просветить» старые правящие классы, а основной заряд своей ненависти обращали на католическую церковь, которая яростно сопротивлялась всякой реформе общества.

Почти каждый шаг буржуазных революций запечатлен в документах эпохи, свидетельствах, мемуарах. Намного меньше материала дошло до наших дней о поведении внутри своих лож тех, кто затем встал во главе революции. Некоторые историки склонны отделять их общественную деятельность от масонской, уверяя, что в политической сфере каждый «брат» действовал различно, в соответствии со своими специфическими политическими взглядами, оставляя их за дверями лож, то есть независимо от масонских доктрин. Конечно, это можно отнести к отдельным революционным деятелям.

Но то, что копилось в ложах, наконец вырвалось наружу. Пришел великий час масонов. Итальянский исследователь Франкоччи дает четкую картину изменения функций масонства в зависимости от исторического момента. Если изначально, на подготовительной стадии оно выполняет, по его выражению, «педагогическую функцию», вырабатывает доктрины, обучает свои кадры, то в момент перехода к политическим действиям оно «как секретное общество завершает один цикл и приступает к созданию ассоциаций, которые и осуществляют то, что созрело в сознании».

«Здесь, — уточняет он, — требуются уже не отдельные «посвященные». Нужны многочисленные ряды, фаланга, которая сперва движется медленно, а затем уже неудержимо, внушая страх. И тогда — «божья гроза!»¹.

¹ *Francocci G. Op. cit. P. 210.*

«Педагогическую функцию» французское масонство отработывало тогда, когда в его рядах блистали такие «властители дум», как Вольтер, Руссо, Д'Аламбер, Дидро, а также Демулен, Мирабо, Лафайет, Сиейес, Марат, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст.

Головными ложами «властителей дум» были ложа «Энциклопедистов» и «ложе наук». Известная и как «ложе девяти сестер», последняя была основана Лаландом в 1769 году. В нее входили Вольтер и Кондорсэ, живописец Грёз и скульптор Гудон, братья Монгольфье, открывшие эру воздухоплавания, Дантон, Демулен и Сиейес. Входил в нее и посланец Нового Света Бенджамин Франклин.

Вряд ли можно предполагать, что столь блестящие люди на заседаниях ложи спорили лишь о философии масонства, его ритуалах. Нет, уже тогда они были убеждены в большом историческом будущем, которое им открывалось, и всеми силами приближали его приход.

Конечно, перед наступлением решающих событий они не засиживались в ложах. Все уже было сказано. Наступало время движения «фаланги». И она двинулась, «неудержимая, внушая страх». В том числе и некоторым из тех, кто помог пустить ее в ход. Ибо то, что казалось чисто доктринарными, философскими расхождениями, затем на площадях и улицах обернулось ожесточенными схватками, кровавой борьбой. Язык философии уступил место жесткому стуку ножа в машине, названной по имени известного масона доктора Гильотена.

Руссо, с его теорией «общественного договора» и всеобщего равенства, оказался вдохновителем якобинцев. Они полагали, что стоит нанести пару-другую сокрушительных ударов по устоям имущественного и социального неравенства — и общество всеобщей справедливости, разбившее путы привилегий и крупной собственности, станет реальностью.

Люди, которые так много сделали для победы над королем, для утверждения республики, ее девиза «Свобода,

равенство, братство», удивительно быстро оказались под ножом гильотины. Столкновение классов оказалось куда более грозным, чем энциклопедические споры. В том, что Революция растерзала собственных сыновей, заключался лишь внешний парадокс. «Мавр сделал свое дело». Гении и таланты, деятели, необходимые для того, чтобы разбить оковы, сковывавшие рождение нового общества, более были не нужны.

Неподкупный Робеспьер, устроивший в Париже шествие в честь Верховного существа — масонского божества, которому отныне предназначалось заменить уволенного в отставку официального бога, вслед за плеядой других лидеров революции был столь же безжалостно обезглавлен. Буржуазии теперь были нужнее пушки на улицах, на случай, если приведшие их к власти народные массы вдруг вздумают бунтовать.

Мозг среднего буржуа, воцарившийся вместо «вечного разума», не хотел терпеть возмутителей спокойствия.

Нет, буржуа, торговцы, банкиры не спешили упразднить «Декларацию прав», принятую ранее с таким энтузиазмом. Но они уже не возражали сперва против бонапартистской диктатуры, а затем и новой «империи». Идеи защиты отечества сменились идеями завоеваний. «Марсельеза» зазвучала для других народов не как гимн освободителей, а как марш завоевателей. Подобная трансформация удивляла самих французов.

«Каким образом и почему эта непокорная нация сама устремилась к рабству? — вопрошал один из самых глубоких умов Франции историк Алексис де Токвиль. — Откуда эта огромная перемена в нравственных настроениях народа: столько эгоизма, следующего за таким самопожертвованием, столько безразличия вслед за такой страстностью ...столько презрения к тому, что было предметом столь страстных желаний и так дорого стоило?»¹

¹ *Tocqueville A. de. L'Ancien regime et la révolution. Paris, 1953. Vol. 2. P. 301, 281.*

Корни «термидора» и бонапартизма, однако, заключались в том же горниле, откуда вырвался «идейный» огонь революции. Ее наставники отнюдь не хотели позволить «толпе» воспользоваться тем, что предназначалось «избранным». Ведь если Руссо в своих взглядах на свободу и равенство был более или менее последовательным, то этого нельзя было в полной мере сказать о таких отцах освободительных идей, просветителях, как Вольтер и Дидро.

«Фернейский отшельник» весьма дорожил дружбой с коронованными особами, особенно Фридрихом II и русской императрицей Екатериной II. В переписке Вольтера с Петербургом, его друзьями можно найти места, показывающие, как глубоко в нем самом сидели сословные предрассудки. Императрице он советовал не спешить с отменной крепостничества, этой позорной язвы старой России. «Чернь, — писал он Екатерине II, — никогда не бывает разумом управляема» и ее «должно школить точно так, как медведей». К Дидро: «Я рекомендую Вам суеверие. Нужно разрушить его у благородных людей и оставить канальям». (Это перекликается с его известным выражением — «если бы бога не было, его надо было бы выдумать».) В письме Д'Аламберу: «Никогда никому не приходило в голову просвещать сапожников и служанок. Разум восторжествует, но у людей благородных, каналы созданы не для него». В другой раз Вольтер писал с предельной и, надо сказать, отталкивающей откровенностью: «Народ всегда безвкусен и груб; это — быки, которым нужно ярмо, погонщик и корм»¹.

Сказанное, конечно, несколько не умаляет величие Вольтера, чьи гуманистические идеи способствовали подготовке глубоких нравственных и интеллектуальных поворотов в истории.

Французский журнал «Истуар» в октябре 1982 года посвятил свой выпуск дискуссии ученых о том, какие идеи

¹ Цит. по: *Незеленов А.* Литературные направления в екатерининскую эпоху. СПб., 1889. С. 20—21.

масонство разделяло в их стране перед революцией. Историк Жерар Гайо привел ряд масонских текстов, имевших хождение накануне революции, из которых вырисовывается в целом умеренный, даже консервативный облик «братьев». «Равноправие не имеет абсолютно никакого значения. Оно возможно лишь на словах,— говорится в документе масонской ложи из Савойи.— И в то же время очень важно, чтобы в масонских списках никогда не опускали титулы, чтобы во всех ложах говорили: «брат маркиз» или «граф такой-то!»¹

«Хотя масонство и уравнивает все положения, все же следует в большей степени слушать лиц, занимающих выдающееся положение в цивилизованном обществе, нежели плебея» (Тулуза)².

А вот и прямая инструкция «верхних» лож нижним: принимаемые в ложи «должны принадлежать к свободным сословиям, быть хозяевами своей личности. Если кто-то из домашней прислуги и может быть принят, то лишь как «брат-слуга» (чтобы обслуживать храм)... Нельзя допускать никого, кто занимал бы низкое и подлое положение. Редко можно принимать ремесленников, даже в звании мастера, особенно там, где не существует цехов и корпораций. Никогда нельзя принимать рабочих, хотя бы и достигших звания подмастерья в искусствах и ремеслах»³.

Впрочем, для того чтобы лица «подлого положения» не смогли попасть в «избранные», главным средством были денежные поборы.

По свидетельству Гайо, чтобы получить посвящение в первые три ступени масонства, горожанин из Шарлевиля в 1781 году должен был затратить сумму, которая равнялась четырехмесячному заработку рабочего оружейной мануфактуры в том же городе.

¹ L'Histoire. Octobre 1982. N 49. P. 23.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 23, 25.

«После всех видов подобного фильтрования,— заключает Гайо,— франкмасонство неизбежно приобретало буржуазный и аристократический оттенок, а присоединение к ордену являлось знаком отличия. Но и будучи принятыми, братья соблюдали между собой социальную сегрегацию. Знатный и торговец могли даже не встретиться в одном и том же храме. Врач, негоциант, книготорговец, продавец рыбы — каждый оказывался в «своей» ложе. А если «Великий Восток» (имеется в виду Высший совет, надзирающий за масонством.— Л. З.) считал, что данная ложа «плохо устроена», он решал ее закрыть!

Ложи, контролируемые знатью высшего ранга, при Людовике XVI давали все гарантии лояльности... Централизованная структура ордена (с 1740-х годов была установлена иерархия в отношении братьев низших званий) настолько совпадала с традицией абсолютизма, что многие братья вскоре стали обвинять «Великий Восток Франции» в «деспотизме» и покидали масонство, не находя там демократии»¹.

Еще один красноречивый документ — это циркуляр, разосланный парижской ложей «Общественный договор» уже в ходе революции — 20 ноября 1790 года. В это время интриги роялистов, пытавшихся лишить революцию ее плодов, вызвали значительный накал настроений. И вот что гласил циркуляр: «Мы являемся друзьями человеческого рода, но наша любовь к нему не перерастает в фанатизм. Дети природы, которых столь сильно испортили извращение страстей и предрассудки невежества, мы хотим возродить землю, но отнюдь не в кровавом потоке. Не в ужасах деспотизма должны мы лелеять новую французскую конституцию»².

Внешне масонство проявило себя в ходе революции не столь заметно. Известно лишь, что основные течения Национального собрания Франции образовали масонские клубы,

¹ L'Histoire. Octobre 1982. N 49. P. 25.

² Ibidem,

носившие их имя. Для организации, насчитывавшей накануне революции 600 лож и 30 тысяч последователей, это выглядит недостаточным¹. Но вспомним, что писал по данному поводу Франкоччи. В момент действий нужны не отдельные посвященные. Вступают в действие фаланги.

Разумеется, верхний слой действует, но уже на практической почве, отвоевывая места под солнцем, оттесняя «братьев», которые «не вписываются» в виражи истории. Что касается брошенных практически на произвол судьбы низовых лож, то они впадают в летаргию. Проведенные после революции опросы показали, что 80 процентов масонов предпочитали умалчивать о своих политических позициях. А среди 20 процентов высказавшихся по одной трети сторонников получили роялисты, «гора» и «жиронда». (Присутствие роялистов понятно — в масонстве до 1789 года состоял будущий Людовик XVIII².)

Восторжествовав сперва в Англии, потом во Франции, буржуазия продолжила штурм власти в других странах Европы. Но делала она это не очень решительно. Практически перекраивал карту Европы уже Наполеон. Что касается масонов, то в немецких землях и княжествах те из них, кто принадлежал к королевским и иным знатым семьям, настолько доминировали над буржуа, что те старались не проявлять особой активности. И если во Франции и Англии, несмотря на обилие символики и мистики, главенствовало «вольтерьянство» и пробивался призыв к разуму, то «братья» из немецких лож за небольшим исключением относились к этим призывам весьма враждебно.

У них царила оккультная вера в «панацеи», «озарения», общение с потусторонними силами. Как писал один русский историк, «маленьким фаустам XVIII века не хватало очень многого, чтобы стать подлинными Фаустами — и прежде всего способности к самостоятельной мысли и энергии». Они

¹ L'Histoire. Octobre 1982. N 49. P. 27.

² Ibid. P. 30.

тешили себя миражами о принадлежности к тамплиерам, мечтали о тевтонском рыцарстве. Мечтания эти были далеки от прогресса, по сути своей реакционны. Позже мы увидим, какой поворот совершила эта полузадушенная и искаженная общественная мысль, когда от состояния приниженности она сделала скачок к идеям национального высокомерия и расизма.

Пожалуй, лишь в секретном обществе «иллюминатов» Адама Вейсгаупта (1748—1830) в Баварии теплились идеи освобождения от тираний и монархий. Но само общество по организационным принципам было точной копией ненавистной Вейсгаупту организации иезуитов, до этого правившей фактически в Баварии. Идея Вейсгаупта привлечь к делу свержения тирании самих европейских государей и даже римского папу говорила о внутренней слабости «иллюминатов». Да и сами инструкции Вейсгаупта свидетельствовали об иезуитской технике: «Наши люди должны быть предприимчивы, ловки, вкрадчивы... Ищите прежде всего знатных, могущественных, богатых. Иногда необходимо даже унизиться, чтобы лучше овладеть человеком». Но несмотря на все эти предосторожности, на шифрованный язык членов ложи, оформившейся в 1781 году в Ингольштадте, она уже в 1785 году была закрыта, а «Спартак» — Вейсгаупт вынужден был бежать под защиту знатного покровителя в Регенсбург¹.

И хотя «иллюминатам» нередко приписывали большое международное влияние, такое мнение скорее основано на отношении к их тираноборческим идеям, чем соответствует их реальному весу.

Независимо от своей направленности, новоявленные центры европейского масонства соперничали друг с другом, стремились распространить свое влияние на ложи соседних стран, в частности России. Немецкое «тамплиерство» Хунда

¹ См.: Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. С. 114, 115, 121—122.

боролась в Москве и Петербурге с влиянием немецко-шведской системы Иохана Вильгельма Циннендорфа (1731—1782), оспаривая прерогативы «материнской» ложи Англии. Некоторые особенности развития русского масонства заслуживают отдельного внимания.

Шведы и немцы конкурировали между собой, борясь за влияние. Многие из них давно находились на службе у русских царей, образовали своего рода кланы при дворе. Масонские ложи служили теми клубами, через которые они могли лучше наблюдать за внутренними процессами в Петербурге и Москве, продвигать близких им лиц к власти, имея в виду не только интересы своей национальной прослойки, но и более крупные интересы.

Швеция, например, несколько веков боролась с Россией, мешая ей выйти к морям — Балтийскому и Баренцеву. Петр I сумел прорвать шведскую блокаду, утвердив на Неве свою столицу. Карл XII Шведский попытался было оторвать от России западные земли, но после битвы под Полтавой был вынужден ретироваться.

Шведские монархи, вступившие в масонство (они патронируют ему и по сей день), были поклонниками системы «строгочина», разработанной Циннендорфом. Она предусматривала беспрекословное подчинение «братьев» вышестоящим ступеням, а созданных по этой системе лож — «материнской», во главе которой стояли шведские монархи. Такого рода подчинение было навязано работавшим по системе Циннендорфа ложам в России.

В распространении немецких систем особую активность еще в 40-х годах проявляли и прусские масоны во главе с Фридрихом II, являвшимся гроссмейстером ордена. Ему даже удавалось завербовать в свой орден ряд представителей русской знати. От них потребовали выполнять функции, которые мало чем отличались от шпионажа.

Берлинская ложа «К трем глобусам», которой руководил Фридрих II, контролировала работу значительной части русского масонства и даже хранила их архивы. Позже в Пе-

тербурге и Москве немцы стали распространять свой обряд «строгого чина», включавшего «тамплиерские» степени. Он носил имя барона Хунда.

Деятельность немецких орденов не была бескорыстной. Изменения при русском дворе спасли Фридриха II от разгрома в войне. Приход к власти в России Петра III (бывшего голштинского принца), обожавшего прусские порядки, привел к заключению выгодного Пруссии мира, возвращению ее владений. Петр III интересовался масонством и сам взялся руководить работами масонских лож в России. Они заседали в Ораниенбауме, под Петербургом.

Когда в результате заговора Петр III был убит, на престол взошла немецкая принцесса Софья-Августа Ангальт-Цербстская, известная под именем Екатерины II. Императрица стремилась придать либеральный оттенок своему царствованию, зарекомендовать себя в качестве просвещенного монарха. Она переписывалась с Вольтером, пригласила ко двору Дидро, назначив его собственным библиотекарем. Не благоволя особо масонам — императрица не любила мистики, — она и не мешала придворным увлекаться масонскими учениями.

В ложе потянулись представители знатных родов — Трубецкие, Голицыны, Воронцовы. Роман Воронцов являлся отцом княгини Дашковой, участницы заговора, который привел на престол Екатерину II. Императрица поручила ей возглавить Российскую академию. Заметно желание Екатерины II завоевать симпатии русской знати.

Тем временем в масонстве России ощущаются сдвиги к осознанию своих национальных целей. Их связывают обычно с именами Елагина и Новикова.

Иван Перфильевич Елагин, человек незнатного происхождения, вступивший в масоны в 1750 году, в своих записках откровенно писал, что привело его туда «тщеславие, да буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты... Лестная надежда, не могу ли чрез братство достать в вельможах покровителей». Первые

его впечатления от масонства были неблагоприятными. Обряды показались ему «странными», «безрассудными». А что касается надежды «сравняться» в ложах со знатью, то, как он отмечал, «мечтание сие скоро исчезло», ибо высокопоставленное лицо «есть токмо брат в воображении, а в существе вельможа».

Тем не менее он быстро разобрался в масонских премудростях, а главное — увидел возможность через ложи способствовать более высокой цели, чем личное благополучие, — просвещению в России. На этой почве он позже сблизился с не очень знатным дворянином — Николаем Ивановичем Новиковым, который явился родоначальником русской журналистики. Подав в возрасте 25 лет в отставку из армии, Новиков в 1769 году приступил к выпуску своего первого журнала «Трутень». За ним следуют журналы сатирического направления «Пустомеля», «Живописец», «Кощелек». Новиков высказывает симпатии к представителям «третьего сословия», бичует невежество и чванство родовитого дворянства. Осмеливается вступать в полемику с самой императрицей, которая тоже издает свой журнал — «Всякая всячина». Занялся Новиков и книгоиздательством. Он публикует словари, справочники по русской литературе. В 1775 году Новиков вступает в елагинскую ложу «Астрея». 26 февраля 1772 года Елагин, возглавивший русское масонство, добился от Англии утверждения первой русской Великой ложи и стал ее «провинциальным великим магистром». Ему приходилось вести упорную борьбу с «тамплиерской» системой Хунда, которую он невежливо называет «собачьей», буквально переводя фамилию ее создателя. Но раздражающие Елагина пышные «рыцарские» ритуалы нравятся знати. Еще с 1765 года в Петербурге начал действовать рыцарский «Капитул строгого чина», под крылом которого здесь возникли ложи Гора, Латоны, Немезиды, в Москве — Гарпократа, в Ревеле — Изиды, в Риге — Аполлона. В 1776 году в Москве была создана ложа Озириса для лиц исключительно княжеского происхождения.

Вопреки сопротивлению Елагина, в России утверждается весьма аристократический характер масонства. Елагин и сблизившийся с ним Новиков сами колеблются. Им импонируют мистические поиски «высших ступеней», «тайны розенкрейцеров». Вместе с немецким преподавателем, бывшим губернатором из Могилева Шварцем они создают в Москве «весьма скрытую, состоящую из малого числа членов сиентефическую ложу «Гармония», чтобы упражняться в тишине». В нее входят князь Трубецкой, будущий ректор Московского университета Иван Петрович Тургенев, поэт Херасков, историк Татищев.

Отойдя от английской, Елагин и Новиков принимают ту самую «собачью», то есть Хунда, систему, от которой ранее они отрешивались. Шварц был направлен к гротмейстеру ордена «Строгого чина» принцу Фердинанду Брауншвейгскому. Тот берет российских масонов под свое покровительство.

На Вильгельмсбадском конвенте масонства в 1782 году Россия, представленная гротмейстером Фердинандом, была объявлена «8-й провинцией Строгого Наблюдения (Чина)».

Не только подчинение иностранному предводителю ее подданных, объединенных в неприятные своей мистикой масонские ложи, встревожило императрицу. Обличительная, просветительская деятельность Новикова разбудила общественную мысль. А горючего материала в России было предостаточно. Восстание Пугачева (1773—1775) потрясло страну. Крестьянский вождь грозой прошелся по приволжским землям, сокрушив в боях многих екатерининских губернаторов и полководцев. Пылали помещичьи усадьбы, тряслись вековые устои угнетения, под угрозой было крепостное право.

И хотя восстание было подавлено, его влияние на общественные настроения было велико. На глаза Екатерине попала книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», где с огромной силой обличалась система купли-про-

даже крестьян, бесчеловечные расправы с ними помещиков, продажность царских чиновников. Книга была посвящена одному из крупнейших масонов — Александру Кутузову, который был направлен в Берлин для поисков «высших тайн» масонства. И хотя сам Радищев не разделял масонские доктрины, считая их слишком расплывчатыми и далекими от народных нужд, Екатерина связывала появление его книги с тайной деятельностью масонов. «Бунтовщик хуже Пугачева», называла его царица и свое мнение распространяла на «каменщиков». Ей докладывали, что в Московской типографии Новикова печатаются книги, имеющие «опасное» направление. Были произведены обыски. Выяснилось, что Новиков и его товарищество вели большое, даже по современным масштабам, издание просветительской (и в то же время мистической) литературы. Было сожжено 18 тысяч конфискованных книг. А общий их тираж приближался к 100 тысячам! И это при ограниченных типографских возможностях той эпохи.

Екатерина связывала усиление масонской активности с ростом радикальных настроений во Франции, где началась революция.

Была и другая сторона дела, которая особенно тревожила царицу, пришедшую на трон в результате заговора: подозрительные интриги плелись вокруг ее нелюбимого наследника Павла, сына Петра III, убитого офицерами, возведшими Екатерину на престол. Иезуиты, деятельность которых царица разрешила в России, а также и ее собственная полиция докладывали, что масоны обрабатывают Павла. Из Берлина ему привозили какие-то книги и письма. В этом деле были замечены Новиков и архитектор Баженов. Шел слух, что им удалось завлечь цесаревича в масонство. (По некоторым данным, он был принят в масоны в 1778 году в доме Елагина.) В «Магазине свободнокаменщическом» в 1784 году был даже опубликован текст хвалебной песни в адрес Павла, в котором повторялся рефрен: «Украшенный венцом, ты будешь нам отцом!» Царицу не

обманывали лстивые слова песни — «богини русской сын». Ей мерещился дворцовый переворот.

Сведения о разразившейся в Париже революции довершили дело. Велев приговорить Радищева к ссылке, императрица распорядилась арестовать Новикова.

В указе от 1 августа 1792 года Екатерина II перечисляла обвинения, которые предъявлялись главным образом Новикову: «1) Они делали тайные сборища, имели в оных храмы, престолы, жертвенники; ужасные совершались там клятвы с целованием креста и Евангелия, которыми обязывались и обманщики и обманутые вечною верности и повиновением ордену Златорозового креста с тем, чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпевать мучение и казни... 2) Мимо законной, Богом учрежденной власти, дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдав себя в его покровительство и зависимость... 3) Имели они тайную переписку с принцем Гессенкассельским и с прусским министром Вёльнером изобретенными ими шифрами и в такое еще время, когда Берлинский двор оказывал нам в полной мере свое недоброхотство... 4) Они употребляли разные способы... к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы*»; в сем уловлении... Новиков сам признал себя преступником. 5) Издавали печатные у себя, непозволенные, развращенные и противные закону православному книги...»¹ Явив «милость», императрица заменила смертную казнь Новикову заключением в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет.

Остальные руководители масонства отделались испугом, некоторые были вынуждены выехать в свои имения и во всяком случае на несколько лет прекратить свою деятельность. Баженов попал в опалу. Выстроенный им дворцовый

* Павел, сын Екатерины II.

¹ Цит. по: *Незеленов А.* Цит. соч. С. 360.

комплекс в Царицыно, под Москвой, был раскритикован императрицей, обречен на длительное забвение.

В 1796 году Екатерина умерла, и Павел вступил на престол. Новиков был освобожден и даже приглашен ко двору, но предпочел после пережитого выехать в родовое имение под Москвой. Одной из причин была неуверенность в том, как Павел поведет себя в дальнейшем. Пережив из-за контактов с масонами унижения, он мог перенести часть вины за них на «братьев», особенно учитывая психическую неустойчивость, припадки необузданной злобы, характерные для нового императора.

Некоторые историки приписывают Павлу отрицательное в целом отношение к масонству. Было ли так на самом деле? В окружении нового императора по-прежнему находились близкие ему масоны. Сохранились его «масонские» портреты на фоне статуи богини Астреи. Позировал на них Павел в одеянии гроссмейстера Мальтийского ордена, главой которого он согласился стать. Православного императора не смущало, что орден этот — католический. Он всерьез воспринял свои задачи по защите ордена против Наполеона, покусившегося на Мальту.

Масонское «тамплиерство», которое увлекало его, как известно, считало, что ведет свое происхождение от Мальтийского ордена*, и Павел рассматривал свое «гроссмейстерство» как по существу масонское. Такое совмещение представлений отразилось и на упоминавшихся его портретах. Масонские представления, связывающие источники премудрости и могущества «каменщиков» с Востоком, видимо, побудили его отдать сумасбродный приказ о походе на Индию.

* Масонство, объединяющее первые три степени «каменщиков» — учеников, подмастерьев и мастеров, называется «иоаннитским» в честь ордена рыцарей Св. Иоанна (Крестителя), обосновавшегося в Иерусалиме в годы крестовых походов (впоследствии стал Мальтийским орденом). По масонским учениям, масоны слились с орденом в эпоху крестовых походов.

Этой авантюре был положен конец его смертью. В 1801 году заговорщики убили Павла и возвели на престол его сына Александра I.

Новый император благоволил масонам. Масонство, в свою очередь, приняло еще более консервативный, верноподданический характер*. Придворный Жеребцов, мать которого участвовала в организации убийства Павла I, в 1802 году открыл в Петербурге ложу «Соединенные друзья». Она действовала на французском языке (сам Жеребцов был принят в масоны в Париже, будучи там русским консулом). В ложе участвовали брат императора Константин Павлович, герцог Вюртембергский, граф Костка-Потоцкий, граф Остерман-Толстой, граф Нарышкин — церемониймейстер двора, граф Балашов — будущий министр полиции Александра I, и граф Бенкендорф (он стал шефом жандармов при императоре Николае I). Такой состав не очень-то соответствовал провозглашенным в ложе целям «стереть между человеком обличья рас, сословий, верований, воззрений... объединив все человечество узами любви и знания». Позже к ложе примкнул уроженец Венгрии Игнац Аурелиус Фесслер (1756—1839), известный международный масон, основатель ритуала, носящего его имя. Он был приглашен в Россию государственным деятелем М. М. Сперан-

* Эволюцию от просвещения к мистике и консервативным взглядам отмечал у Новикова Г. В. Плеханов. «Это была целая трагедия,— писал Плеханов в «Истории русской общественной мысли» (кн. 3-я, часть III, гл. XII).— Найдя нравственное успокоение в мистике, Новиков вложил всю свою редкую энергию в проповедь «философии», ставившей смерть выше жизни... Он громко и восторженно пел замогильную песню, а более или менее образованные разночинцы с удовольствием слушали ее и дружным хором подхватывали ее кладбищенский припев. Трагедия, которую мы видим здесь, была трагедией не отдельных лиц, а целого общественного строя. Настроение, овладевшее Новиковым, оказалось соответствующим настроению весьма значительной части европеизованного «мещанства». Выступление нашего разночинца на арену общественной деятельности совершалось теперь под знаменем духовной реакции против передовых идей XVIII столетия».— Плеханов Г. В. Соч. М.—Л., 1925. Т. XXII. С. 326, 327.

ским, масоном, описанным Л. Н. Толстым, для преподавания еврейского языка в духовной академии Петербурга.

В 1803 году в Петербурге была открыта аристократическая ложа «Нептун» под руководством сенатора Голенищева-Кутузова. Полагают, что в том же году был принят в масонство и сам император (позже он был принят и в польское масонство). Это объясняет, почему в 1805 году он дал согласие открыть на базе бывшей ложи шведского обряда «Пеликан к благотворительности» ложу, носившую уже его имя — «Александра благотворительности к коронованному Пеликану». Состояла она преимущественно из немцев.

В июне 1809 года в честь его жены была образована ложа «Елисаветы к добродетели».

Ложи плодились одна за другой, реформировывались. В этом процессе участвовали и «новиковцы», которые в доме Позднеева (выведенного в романе Толстого «Война и мир» под именем Баздеева) собирались в Москве в «теоретической», то есть высшего градуса, ложе «К мертвой голове». Один из «новиковцев» — Лабзин стал выпускать журналы «Сионский вестник», «Друг юношества». Граф Виельгорский (изображенный Толстым как граф Вилларский) руководил «ложей Палестины».

Эту солидную сеть лож возглавила созданная с разрешения императора в 1810 году «Великая директориальная ложа Владимира к порядку».

Все это происходило накануне нашествия Наполеона на Россию, начала войны, имевшей глубокое историческое значение для развития национального самосознания России, ее общественной мысли. Несомненно, что огромные усилия, предпринятые для защиты страны русским народом, ускорили вызревание демократических, антикрепостнических идей. Эти веяния коснулись масонских лож, представители которых во время похода через Европу за отступающими войсками Наполеона вступили в контакт с масонами, пережившими французскую революцию, разделяющи-

ми ее идеи. Многие офицеры-дворяне были приняты в масоны в парижских ложах.

После войны в рядах российского дворянства создались очаги свободомыслия, движения, которое по дате вооруженного выступления против монархии 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге было названо декабристским.

По мере вызревания замысла декабристов те основные их руководители, которые были связаны с масонством, покинули ложи, где ранее состояли. Но идеи «Свободы, Равенства, Братства» многие из них восприняли вместе с масонскими воззрениями, инстинктивно встав на руссоистские позиции, которые привели к Марату, Робеспьеру, якобинцам.

Один из главных руководителей, Павел Пестель, вступил в масонство в 1812 году, когда началось наполеоновское нашествие. Он был принят в привилегированную ложу «Соединенные друзья» в Петербурге, которая работала по французской системе. В 1816 году он перешел в ложу «Трех добродетелей», имея пятую степень «шотландского» масонства. Здесь же оказались его будущие соратники по выступлению — Трубецкой, Волконский, Муравьев-Апостол. Ряд декабристов состоял в ложе «Соединенные славяне» в Киеве, которая объединяла русских и поляков. Масонами были декабристы Лунин, Якушкин, Глинка, Бестужев, Кюхельбекер, Долгорукий. К ним примыкали Александр и Николай Тургеневы, дети соратника Новикова — Ивана Тургенева, ректора Московского университета.

Пестель прервал связи с масонством в 1817 году, но сохранил все масонские бумаги — «Законы, прерогативы и привилегии шотландского мастера» и другие, которые были обнаружены в момент его ареста. Остальные лидеры декабристов стали выходить из лож на рубеже 1820 года. Они знали, что ложи засорены доносчиками царской полиции. В них нельзя было проводить работу по подготовке выступления без угрозы провала. А в 1822 году Александр I, опа-

саясь направления, которое приобрело кое-где масонское движение, сбросил маску либерала и постановил прекратить деятельность масонских обществ. К тому времени декабристы организовали свои собственные тайные политические общества. Они, правда, принесли туда часть прежнего багажа — символы, знаки и т. д. Отдельные масонские положения были запечатлены в уставах обществ, их проектах.

Тем не менее нужно признать, что когорта борцов за освобождение России от абсолютизма, крепостничества, за республику и свободы, выступившая под ядрами царских пушек в Петербурге, руководствовалась куда более радикальными и демократическими мотивами, чем можно было почерпнуть из «шотландских» и иных уставов.

И разрыв с ложами был обусловлен не столько соображениями конспирации, сколько сознанием узости рамок масонства для достижения тех целей, которые ставили перед собой декабристы, — разбудить нацию, народ.

Декабристское восстание — одна из самых славных ранних дат развития демократии в России, ее революционного движения. Вряд ли масонские условности могут заслонить от нас величие людей, опередивших эпоху и зажегших факел свободы, когда казалось, для него еще не хватало воздуха. Резонанс открытого выступления против деспотизма был исключительно велик.

И чем более он выявлялся, тем очевиднее становилась узость привносимых извне постулатов масонства.

Мы упоминали об интригах Фридриха II Прусского, который сохранял свою палочную деспотию, демонстрируя дружбу с Вольтером, что делала и Екатерина. (Кстати, Вольтер бережно хранил портреты обоих монархов-друзей у себя в Фернейском замке.) При Александре I особую роль играл немецкий масон высоких степеней Штейн, назначенный полномочным российскому монарха в немецких областях, освобожденных от Наполеона. Он был властителем дум ряда русских розенкрейцеров, которых нередко ставят в один ряд с декабристами. В их числе был Николай Тур-

гениев, который выехал в 1824 году в Европу. После расстрела на Сенатской площади, он, проживая во Франции, а затем в Англии, доказывал там, что ничего общего с «бунтовщиками» не имел¹.

Н. Тургенев был принят в русское, французское и немецкое масонство (писатель-исследователь А. К. Виноградов в «Повести о братьях Тургеневых», написанной на основании семейного архива Тургеневых, описывает «рыцарскую» церемонию посвящения, которой руководил Гёте). Его задачей было разработать для Александра I законодательные уложения, которые облегчали бы предпринимательство в России.

Виноградов считал, что русское масонство было связано с объединением западноевропейских масонов — «большой европейской Карбонадой». Освободительное движение в России нужно было Карбонаде в основном для усиления своего влияния в России. А оба брата Тургеневы, Николай и друг Пушкина Александр, по его убеждению, «были и оставались «поздними розенкрейцерами» — масонами высоких степеней»². «Николай Тургенев,— утверждал А. Виноградов,— в сущности, не был декабристом в историческом значении этого термина», а его «идеи и практика, сущность и ритуалы тургеневской конспирации были и оставались *импортными моментами*».

Н. Тургенев, по словам А. Виноградова, «видел, что вместе с течениями легкомысленными и пустыми есть глубокая подземная река, течением которой управляют ему не известные, но большие, вне России находящиеся силы»³.

Элементы заданности, обусловленности ряда действий русских масонов, их связь с зарубежными организациями масонов нередко отталкивали русских интеллигентов, которые доверчиво примыкали к «братству» в поисках необхо-

¹ См.: Тургенев Н. И. Записки изгнанника. СПб, 1907.

² Виноградов А. Избранные произведения. В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 9.

³ Там же. С. 114.

димых для смысла жизни «истин». Русским «братьям» внушалось, что их страна невежественна, что у нее не может быть собственной истории, нет и будущего, что Россию можно лишь «использовать», «цивилизовать», если поставить в зависимость от Запада.

Многочисленная придворная знать иностранного происхождения пропагандировала подобного рода космополитические воззрения и сумела до известной степени заразить пренебрежением к своей стране какую-то часть русского дворянства. Драматург Грибоедов в своей комедии «Горе от ума» изобразил подобные настроения. Две княжны — персонажи комедии — постоянно повторяют: «Ах, Франция, нет в мире лучше края», вслед за французом из Бордо, который из гувернера стремится стать наставником московского общества. (Гувернером был и Шварц, идеолог елагинско-новиковского масонства.)

Любопытную эволюцию взглядов пережил один из виднейших русских просветителей писатель Николай Михайлович Карамзин (1766—1826). Захваченный идеями «будущего братства людей», поклонник и переводчик Руссо и Лессинга, редактор новиковского журнала «Детское чтение», он был одним из крупных масонов России. Вслед за Лоуренсом Стерном, написавшим «Сентиментальное путешествие», он ввел в русскую литературу темы сентиментализма, идеи личности, которые восторжествовали над господствовавшим ранее классицизмом.

Убежденный, что «всякие насильственные потрясения губельны», что крепостное право, как и самодержавие, должно быть сохранено, Карамзин следовал умеренным образцам масонства. Ему был дан весьма обязывающий псевдоним — «Рамзей», имя англичанина, который обосновал привилегированные «шотландские» этажи в масонстве. По поручению русских масонов, весьма обеспокоенных начавшимися при Екатерине преследованиями, Карамзин в 1790 году направился в путешествие по Европе. Он совершил паломничества в Фернейский замок Вольтера, на мо-

гилу Руссо, в имение Фридриха II, посетил тех, кто считался идеологами масонства.

В его «Письмах русского путешественника» немало дани отрицанию национального, чему учили русских зарубежные масоны («все народное ничто перед человеческим,— отмечал он.— Главное дело быть людьми, а не славянами»). Но беседы с мэтрами, смотревшими на русского путешественника свысока и совершенно равнодушными к действительности, культуре его страны, оставили свой след. «Письма» заканчиваются на такой ноте: «Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России... Всех останавливаю, спрашиваю единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей»¹.

Вопреки внушенным ему прежним убеждениям, что у России не может быть самостоятельной истории, Карамзин с 1804 года начал писать многотомную «Историю государства Российского». Великий Пушкин замечал, увлеченно читая Карамзина: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». Карамзин порвал с масонством.

Судьба Пушкина носит сходные черты. Поэт вступил в ложу «Овидий-2» в Кишиневе 4 мая 1821 года, будучи в ссылке. Руководителем ложи был один из будущих декабристов — М. Ф. Орлов. Пушкин сблизился с декабристами настолько, что, по некоторым свидетельствам, хотел примкнуть к их выступлению. А после казни руководителей восстания нарисовал на страницах рукописи их профили, тела на виселицах и шифром записал стихи, из которых было ясно, что и он мог оказаться среди казненных.

Позже он писал В. А. Жуковскому (20 января 1826 г.): «...положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня...

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1980. С. 528.

В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пушным и Орловым.

Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я, наконец, был в связи с большою частью нынешних заговорщиков...

Письмо это неблагоприятно, конечно, но должно же доверять иногда и счастью...

Прежде, чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним...»¹

К декабристам Пушкина влекли идеи свободы и братства. Но уже в Кишиневе, в той же ложе, он столкнулся с иностранными «братьями» (французами), которые с презрением смотрели на все русское. Одного из них Пушкин вызвал на дуэль, а когда тот отказался, поэт написал ему резкое письмо.

И если Карамзин, выйдя из масонства, завершил труд своей жизни томом «Истории государства Российского», посвященным Борису Годунову, то Пушкин, переставший, по свидетельству друзей, посещать Английский клуб,— место встреч петербургских масонов, в качестве одной из вершин своего творчества оставил драму, посвященную тому же периоду, на котором ломалась столь богатая событиями история государства. Оставил Пушкин и глубокие произведения, посвященные личности, которая ознаменовала великие перемены в России,— Петру I.

Пожалуй, наиболее ярко отразил двойственное впечатление русской интеллигенции от масонства Лев Толстой. Писатель основательно интересовался доктринами «братства». Его, в частности, привлекала теория совершенствования личности, полемика масонов с религиозными догмами. В романе «Война и мир» с исторической скрупулезностью отражены проблемы русского масонства накануне и в момент наполеоновского нашествия. Недаром главным героем

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10. С. 154.

романа избран мятущийся, ищущий смысл жизни, доверчивый и добрый Пьер Безухов, вступивший в ряды масонства. Устами Пьера излагаются, например, новые инструкции, полученные после его поездки за границу, о том, что «недостаточно блюсти в тиши ложи наши таинства», «надобно учредить всеобщий владычествующий образ правления, который распространялся бы над целым светом», «принять на себя воспитание юношества», объединить людей, «связанных между собой единством цели и имеющих власть и силу», установки, носящие весьма политический характер. Характерны и такие рассуждения Пьера: «Благоприятствовать ли революциям, все ниспровергнуть, изгнать силу силой?.. Нет, мы весьма далеки от того. Всякая насильственная реформа достойна порицания...»¹

Толстой отмечал духовную пустоту и цинизм многих из тех, кто примыкал к масонству: «самое большое число» входящих в него лиц не видели в нем «ничего, кроме внешней формы и обрядности». К ним «причислялось тоже большое количество братьев... Это были люди... ни во что не верующие, ничего не желающие и поступавшие в масонство только для сближения с молодыми, богатыми и сильными по связям и знатности братьями...»²

Но полнее всего ощущение от соприкосновения с масонством передано в следующем отрывке: «Пьер... по прошествии года начал чувствовать, как та почва масонства, на которой он стоял, тем более уходила из-под его ног, чем тверже он старался стать на ней. Вместе с тем он чувствовал, что, чем глубже уходила под его ногами почва, на которой он стоял, тем невольнее он был связан с ней. Когда он приступал к масонству, он испытывал чувство человека, доверчиво становящего ногу на ровную поверхность болота. Поставив ногу, он провалился. Чтобы вполне увериться в твердости почвы, на которой он стоял, он поставил дру-

¹ Толстой Л. Собр. соч. В 12 т. М., 1974. Т. 5. С. 178.

² Там же. С. 177.

гую ногу и провалился еще больше, завяз и уже невольно ходил по колено в болоте»¹.

Другой большой русский писатель — Ф. М. Достоевский — не раз касался темы масонства, главным образом ее религиозно-этической стороны. В «Братьях Карамазовых» видное место занимает легенда о Великом инквизиторе, которую рассказывает Иван Карамазов своему брату. По сути дела, в ней отражены элементы мифа масонства о Великом Архитекторе, строителе Иерусалимского храма, соединенные с христианской подосновой. Стремление воспользоваться именем Христа, чтобы не отпугнуть верующих и привлечь их к поддержке масонских воззрений, характерно для начальных ступеней масонства.

В «Опросе английского масона», фрагменты которого приводит И. Г. Финдель в «Истории франкмасонства от возникновения его и до настоящего времени», записаны такие вопросы и ответы:

«— От кого вы производите свою главу?

— От того, кто выше вас.

— Кто на земле выше вольного каменщика?

— Он, который был поставлен на самый высокий зубец иерусалимского храма»².

Любопытный анализ «поэмы Ивана» дает В. Е. Ветловская в своей статье «Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей». Имя Христа используется масонами для подмены одного другим. На деле имеется в виду завоевать доверие людей, чтобы заставить поклоняться дьяволу. В самом деле, Великий инквизитор говорит Христу: «...мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их (людей.— В. В.) обманем опять, ибо тебя уже не пустим к себе».

«В поэме Ивана,— пишет В. Ветловская,— Великий инквизитор говорит Христу: «И я ли скрою от тебя тайну

¹ Толстой Л. Собр. соч. В 12 т. Т. 5. С. 176.

² Цит. по: Миф — фольклор — литература. М., 1978. С. 98.

нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с *ним*, вот наша тайна!». «Тайный начальник»...— продолжает Ветловская,— не тот, «который был поставлен» (то есть Христос), но тот, который, искушая Христа соблазном власти, его «поставил...»¹

«Отрицая Христа и указывая на дьявола, как на своего истинного наставника,— отмечает автор,— Великий инквизитор не слишком далеко ушел от некоторых сокровенных тайн масонов»². Действительно, ряд исследователей задолго до Найта указывали на сатанические аспекты легенды об Адонираме и Соломоне. А. Н. Веселовский, например, утверждал, что храм Соломона был построен с помощью Асмодея, демона гнева и похоти. В течение семи лет строительства тот и был главным зодчим³.

Отношение Ф. М. Достоевского к теориям Ивана Карамазова угадывается в реплике, вложенной в уста брата Алеши. После того как он услышал поэму, Алеша назвал Ивана масоном.

Отметим еще одну подробность в оценках масонства, на этот раз снова у Л. Толстого. Не сказывалось ли разочарование в характере масонства и на эволюции толстовских взглядов по отношению к декабристам? Одно время он ездил в Петербург собирать материал для романа о декабристах, но потом охладел к замыслу. С. А. Берс (брат жены) писал, что «Лев Николаевич разочаровался и в этой эпохе. Он утверждал, что декабрьский бунт есть результат влияния французской аристократии, большая часть которой эмигрировала в Россию после французской революции... Если все это было привитое и не создано на чисто русской почве, Лев Николаевич не мог этому симпатизировать»⁴.

¹ Цит. по: Миф — фольклор — литература. С. 95, 98.

² Там же. С. 98.

³ См. там же. С. 99.

⁴ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, М., 1978. Т. 1, С. 191.

Думается, что между охлаждением Толстого к теме после поездки в Петербург, где он смог выяснить также и связи ряда декабристов с французскими ложами, и теми выводами, которые сформировались у него в процессе описания русского общества в эпоху борьбы с Наполеоном, есть нечто общее.

Это чувствовали и наши розенкрейцеры, описанные А. Виноградовым. «После июльской революции в Париже, когда мэр департамента Сены Одилон Барро открывал своей речью буржуазный клуб «Атенеум», — пишет Виноградов в предисловии к «Повести о братьях Тургеневых», — с какой едкой иронией Александр Тургенев передает в дневнике речь оратора, захлебывающегося от восторга по случаю того, что французские купцы и банкиры — «соль земли», стали у власти»!¹

Александр Тургенев, как известно, проводил гроб с телом Пушкина к Святогорскому монастырю, у которого поэт был похоронен. Выезжать из Петербурга пришлось тайком: те, про кого другой поэт России Михаил Лермонтов сказал «вы, жалкою толпою стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи», боялись поэта и после смерти. Пушкина волновала судьба Моцарта, отравленного, согласно легенде, Сальери. Есть предположение, что Моцарта убили «братья» в отместку за то, что в «Волшебной флейте» он высмеял некоторые тайны масонства. У Пушкина Моцарт отвергает слух о том, будто Бомарше мог кого-то отравить. «Гений и злодейство две вещи несовместные», — говорил он. Увы, «братство» и злодейства, или просто низость, нередко совместимы, причем в отношении и собственных «братьев». Их лучшие качества используются, когда это выгодно, а потом от них стараются «освободиться».

Так случилось и с лучшими представителями масонства, поднимавшимися до героики. Вспомним: в 60-х годах прошлого века «тысяча» Гарибальди, пламенная привержен-

¹ Виноградов А. Цит. соч. С. 11.

ность другого члена братства — Мадзини — идеям республики помогли сломить вековое сопротивление иностранцев и папства, объединить Италию, воссоздать ее национальное единство. Масоны помогали финансировать карбонариев, «Молодую Италию» Мадзини, но в 1820 году в Турине уже родилась «Треугольная ложа», в которую вошли представители Савойской династии. Гарибальди, с молодых лет сражавшийся повсюду против несправедливости, иностранного угнетения, был вынужден смириться с сохранением в Италии монархии. Развитие Италии было заторможено в угоду интересам аристократии, землевладельцев.

Самому Гарибальди предложили даже возглавить масонство, но лишь на краткий миг. После чего уволили в почетную отставку. Победившей буржуазии, союзной с ней аристократии не нужны гении. Им нужны деньги, банки, прибыль. И вслед за Гарибальди на сцену выходят те, кто из-за кулис наблюдал, как искренне верящие в доблести «каменщичество» люди проливали свою кровь, шли на смерть. Великим магистром «Великого Востока Италии» становится банкир из Ливорно Адриано Лемми. Тот самый, который более века назад создал в Италии тайную ложу «Пропаганда-2». При нем открылось так называемое «золотое двадцатилетие», когда масонский симбиоз буржуа, банкиров и монархов мог беспрепятственно развиваться и укреплять свое влияние, под аккомпанемент бесчисленных финансовых скандалов и спекуляций.

Героика сменилась буднями. Идеалы «вечного разума» реализовались как образ мыслей капиталиста. А «братство», провозглашенное в революционном девизе, — констатировал Фридрих Энгельс, — нашло свое осуществление в плутнях и зависти, порождаемых конкурентной борьбой¹.

Хотелось бы добавить следующее. Нельзя, на наш взгляд, ставить знак равенства между масонами и масонством. Многие из этих лиц были порождением великих эпох.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. С. 268.

Их самоотверженность, героизм, талант, гениальность отнюдь не могут быть отнесены на текущий счет масонства. Робеспьер и Боливар, Мадзини и Гарибальди, Моцарт и Бетховен, Байрон и Пушкин, декабристы могли отдавать дань, притом большую, своему участию в масонских обществах. Их привлекали освободительные идеи, воодушевлявшие и рядовых «каменщиков». Но ставить их в один ряд с масонской верхушкой того и особенно нынешнего времени невозможно. Это противоестественно и унижительно для человечества.

Лучшее из того, что они создали, отдали человечеству, предназначено всему роду людскому. Оно не вмещается в «Капитулы», «ложи», «Королевские арки», стандартизированный фольклор масонских мифов. Потому эти имена и живут в сердцах народов, что деяния и творчество этих людей обращены к каждому человеку, полны доверия к его здравому смыслу, широко демократичны, а не вдохновлялись кастовыми интересами «избранных», их безудержной жадой богатств и власти.

Они жили в гуще народа, выразили его глубинные чаяния, были детьми лучших сил своих классов и времени. Не масонству они обязаны своим величием, а, наоборот, масонство стремится жить за счет отблеска их благородства и достоинства, не знавших двуличия, двойных мерок, корысти, свойственных «магистрам», которым удалось войти в первые вагоны поезда буржуазной власти.

Постскриптум

Поднявшись на гребень исторических волн, масоны не раз захлестывались пеной реставраций, монархо-клерикальных контрударов. Но они уже никогда не исчезали полностью, снова и снова взлетая на удобные позиции. Во Франции, где политические бури были более частыми, «каменщикам» нередко приходилось дислоцироваться из одного лагеря в другой.

Калейдоскоп событий приучал к быстрым поворотам,

смене доктрин и флангов. До свержения монархии масонами были сами члены королевской семьи — будущие Людовик XVIII и Карл X. Когда термидор притушил революционные огни, масоны от якобинства перекочевали к бонапартизму. Вернувшись на престол, Бурбоны уживались с масонами. Министр Июльской монархии (1830—1848) Тьер, хотя и преследовал республиканцев, где было немало «каменщиков», тем не менее велел префектам исключить логи из объектов своих расследований. А после переворота 2 декабря 1851 года «Великий Восток» предложил пост Великого магистра кузену новоявленного императора Люсьену Бонапарту. В 1862 году Наполеон III уже собственноручно жалует званием Великого магистра маршала Маньяна.

Если левое крыло масонства поддержало рождение Парижской коммуны (1871 г.), то остальные «братья» усердно помогали душить и расстреливать рабочую Коммуну. Большинство французских руководителей, занявших высшие посты, являлись членами «братства» — премьер-министры Гамбетта, Ферри, Комб, президенты Гастон Думерг, Поль Думер.

Общее число масонов во Франции также росло. К 1889 году оно достигло 20 тысяч, в 1908 году — 32 и в 1936 году — 60 тысяч. Много масонов было в республиканской партии. Созданием партии радикал-социалистов занимались масоны Бриссон и Буржуа, а председателем являлся масон Мезюрер. Более 40 процентов партии в начале века входило в «братство». Значительно было их присутствие и в созданной в 1905 году социалистической партии.

Еще более бурно проявляло себя масонство на своей официальной родине — в Великобритании. Здесь, как мы отмечали, оно процветало под крылышком монархии. Царствующие особы регулярно предоставляли свое покровительство масонской организации, которую английская буржуазия стала использовать как средство усиления своего влияния, залог успехов в бизнесе. Главной питательной средой для масонства, как отмечал Стивен Найт, являются

представители профессий, не занятые прямо в производстве. Причем наивысшая их концентрация наблюдается на ключевых постах британского общества — среди светил юриспруденции, в высших слоях администрации, менеджеров и банкиров. «Для последних вообще немислимо оставаться вне масонства: не быть включенными в закрытые «клубы» масонства, в такие привилегированные аудитории, как общества «Лайонз», «Ротари» — слишком большой риск для деловых людей»¹.

В отличие от Франции, где кривая роста масонства знавала трудные времена, в Англии ряды «братьев» ширились беспрепятственно. Тут приходилось считать тысячами уже не самих масонов, а число их лож. Если в 1864 году была одна тысяча, то в 1883 году — две, а в 1903 году — три тысячи (в этом году, кстати, был принят в «каменщики» Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, член парламента от Олдема, сыгравший видную роль в имперской политике страны). После первой мировой войны число лож достигло четырех тысяч, в 1926 году — пяти, в 1944 году — шести, в 1950 году — семи. В 1981 году в Великобритании была создана ложа № 9003². В 1984 году их было уже более десяти тысяч³.

Интерес к масонству возрос в Италии в период Рисорджименто, особенно после воссоединения в 1870 году со всей страной Рима и Папской области. Виктор-Эммануил II и Виктор-Эммануил III были «почтенными свободными каменщиками» 30 степени. Масонами высоких ступеней были премьер-министры Кавур и Криспи, целая плеяда государственных, военных, банковских деятелей.

И повсюду сразу или несколько погодя вслед за «героическими» эпизодами европейской истории масонов последовали менее славные деяния: взяточничество, коррупция. Они охватили почти все страны Старого Света. Но не ми-

¹ Knight S. Op. cit. P. 35—36.

² Ibid. P. 36.

³ Masonic World Guide. P. 115—148.

новали они и страны Нового Света, где в качестве символа были избраны доллар и Библия.

Итальянский историк Спинетти замечает, что пакт масонской взаимопомощи, объединявший их организации, «во многих случаях приводил к созданию больших караванов в общественной администрации, помогал глушить грандиозные скандалы, обеспечивать безнаказанность «джентльменам», лучшее место для которых — на каторге, и спастись от неминуемых увольнений тех или иных генералов»¹.

Собственно, утвердившись, буржуазия, а с ней и «каменщицкая» организация не скрывают, что именно прибыль является воплощением ее высших жизненных принципов. Если вначале буржуа, подобно персонажу Мольера удивлялись, что говорят «прозой», то затем они все менее нуждаются в фетишах. Родившись из деизма, учения, признающего первоначальную роль бога в появлении жизни, но отрицающего его дальнейшее активное участие в жизни общества, масонская «религия» эту роль бога взяла на себя, максимально приспособив свои догмы к нуждам класса, живущего за счет рабочих, трудящихся вообще*.

Иллюзии и слова о высоких идеалах масонству, конечно, нужны. Нужны буржуазии, чтобы представлять перед обществом в лучшем свете. Нужны и для того, чтобы специфические цели буржуазии подавать обществу как его собственные, освященные магией Великого Архитектора.

Алехо Карпентьер, большой кубинский писатель, в ряде своих вещей, особенно в романе «Век просвещения», хорошо показал перемены в мировоззрении масонских вождей французских колоний на Карибах, от высоких слов и лозунгов перешедших к беззастенчивому обогащению, за-

¹ *Spinetti S. Op. cit. P. 46—47.*

* «Для общества товаропроизводителей... — отмечал в «Капитале» Карл Маркс, — наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях. каковы протестантизм, деизм и т. д.» — *Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 89.*

хвату рынков, земель, чужих богатств. Его герои — масоны, от идей равноправия переходят без угрызения совести к практике расовой дискриминации, от теорий «равных возможностей» к флибустьерству. Нечто похожее совершалось и в более широких масштабах.

Весь мир представлялся победившей буржуазии как заповедник. Она устремилась к колониальным захватам, не забывая при этом привезти на новые земли свои масонские фартуки и молотки. С помощью новых лож стремились привязать колонии к метрополиям, узы колониальной зависимости дополнить духовными. И если в случаях с США и Канадой, рядом стран Латинской Америки замысел удался не до конца — «добыча» оказалась слишком крупной для охотника, то для покорения афро-азиатских, океанических просторов «Великие ложи» и «Великие Востоки» оказались большим подспорьем. Как отмечал Найт, к британским подданным в ходе создания империи, «где не заходит солнце», масонство проникало вместе с имперским флагом¹.

Для закрепления результатов завоеваний к белым ложам добавили «цветные», а затем и смешанные. «Объединяя местные высшие и средние классы на особо выгодной и тайной основе с белыми руководителями,— писал Найт,— масонство сделало немало, чтобы смягчить неприятие господства империи. Несмотря на цвет кожи, любой житель,

¹ Р. Киплинг, «певец империализма» и видный идеолог масонства, создавший ряд специальных ритуальных поэтических текстов для «братьев», включал «масонские» куски и в некоторые стихотворения обычного для него плана, как, например, «Вдова из Виндзора»:

«Мы истинно Дети Вдовицы!

От тропиков до полюсов

Нашей ложи размах. На штыках и клинках

Ритуал отбрыцаем и зов...» (Имеется в виду «пароль». — Л. З.)

Служение имперским интересам Великобритании, возглавляемой вдовствующей королевой Викторией, слиты здесь восдино с гимном масонству — «нашей ложи размах». А «дети вдовицы» тем более с больших букв и есть слегка замаскированное название братства, называющего себя на заседаниях лож «детьми Вдовы». — Киплинг Р. Рассказы и стихотворения. М., 1989. С. 301. Пер. А. Щербакова.

будучи масоном, чувствовал, что он, хотя и скромным образом, но примкнул к «истеблишменту»¹. (Даже на одной лишь Ямайке возникло 12 лож!)

В метрополиях под видом масонских организаций формировались штабы буржуазной власти в лице ведущих политических партий. Пример тому Франция. По данным французского журнала «Пуэн» (9—15 декабря 1985 г.), с 1879 по 1931 год пять президентов Франции, а с 1875 по 1967 год — 22 премьер-министра были масонами. В 1985 году в обеих палатах Национального собрания заседало 120 масонов, десять из них входили в правительство социалистов. Случайно ли это?

Характерный эпизод. На рубеже 1987 года Елисейский дворец посетили пять видных масонов, включая Великого магистра «Великого Востока Франции» Роже Лерэя *, чтобы обсудить острейшую проблему — надвигались всеобщие выборы. Соотношение сил складывалось в пользу консервативного блока. Социалисты-масоны решили высказаться по вопросу о том, кого следует выдвинуть кандидатом в премьер-министры, если победит оппозиция. Об этом посещении сообщал весьма информированный журнал «Нувель обсерватёр» (30 января — 5 февраля 1987) в обзоре «Власть франкмасонов». Журнал вспоминал о заверениях масонов, будто они не занимаются политикой, и резюмировал: занимаются, да еще как!

«Нувель обсерватёр» сделал такие выводы:

«Сожительство (разумеется, в политическом смысле.— Л. З.) естественно для масонов.

¹ Knight S Op. cit. P. 34.

* Позже Лерэя на посту Великого магистра сменил Рагаш, а с 10 сентября 1988 года — Поццо ди Борго (франкмасон с 1975 года), уроженец Алжира, врач по профессии. Он призвал ложи «Великого Востока» активно участвовать в празднованиях в 1989 году 200-летия Французской революции совместно с западногерманскими и бельгийскими «каменщиками» под девизом: «За масонскую Европу сердец». — Le Monde. 1988. 14 septembre.

Их самым непосредственным образом интересуется политика, а отнюдь не только возведение «идеального храма человечества».

Журнал привел слова Лерэя о влиянии масонов на политику страны: «Оно не настолько велико, как нам бы хотелось. Но оно больше, чем предполагают некоторые». По мнению журнала, Великий магистр мог бы добавить: «Его влияние столь важно, что им нельзя пренебрегать»¹.

Роже Лерэй принадлежит к радикальному крылу французского масонства. В отличие от «братьев» более консервативного толка он считает бесполезным скрывать политическую роль «каменщиков».

— В моем понимании франкмасонство является в высшей степени политическим институтом... Именно потому, что оно отвергало такую характеристику десятилетиями, если не в течение столетий, масонство подставило себя под огонь самой безумной критики,— отмечал Лерэй в интервью журналу «Пуэн».

— Масонство,— продолжал он,— это микрокосм. Оно отражает общество, внутри которого развивается.

И тут же, спохватываясь, спешит загнать джинна своих признаний в традиционный сосуд масонских толкований:

— Было бы безумием фантазировать о способности масонов затевать всемирные заговоры, быть подлинными хозяевами мира. Масонство — это ложа.

Далее Лерэй говорил о том, что в 650 ложах Франции сосуществуют и терпят друг друга как адепты спиритизма, так и «рационалисты». Себя он относит к материалистам. Отмечая, что в ложах состоят как люди левых убеждений, так, «безусловно, и явные консерваторы», бывший Великий магистр утверждал, что термины «правый» и «левый» ему представляются устаревшими. Лерэй хотел продемонстрировать, что для масонов разница в политических взглядах не имеет особого значения.

¹ Nouvel Observateur. 1987. 30 janvier — 3 février.

Приведем ту часть интервью, где Лерэй стремится показать логику, по которой соединяются в единую цепочку масонское и политическое звенья.

— Не масонство подняло восстание американцев против английского империализма. Но именно масоны были самыми решительными его участниками. Вашингтон стал Вашингтоном также и потому, что был франкмасоном. Как Франклин, как Лафайет. Именно масон О'Хиггинс сформировал Чили. Именно масон Сан-Мартин создал Аргентину, тогда как Боливар основал Великую Колумбию, а Хуарес — современную Мексику. Все они — франкмасоны. Эти люди сумели выразить дух масонства в своих политических и военных действиях.

Такое толкование процесса выдвижения масонов на ведущие роли истории, как своего рода следствие эманации «масонского духа», однако, не столько опровергает наличие политических амбиций у общества «вольных каменщиков», сколько подтверждает. Что здесь первично, а что вторично, пусть решают схоласты, спорившие, курица ли породила яйцо или яйцо курицу. И то и другое связано неразрывно. Это, по существу, признают и Лерэй, и «Нувель обсерватёр», и большая часть французских историков. Это подтверждает и живая история последних лет¹.

Показательным является пример Великобритании: случайно ли масонами были, например, заместитель секретаря лейбористов с 1935 года Гринвуд, премьер-министр Эттли,

¹ Le Point. N 832. 29 août 1988. P. 75—78 (см. также: За рубежом. 1989. № 19. С. 19). Откровения бывшего Великого магистра, несмотря на сделанные им оговорки, навлекли на него неприятности. Вот какое сообщение появилось в «Пуэн» в декабре 1988 года, спустя четыре месяца после интервью:

«Великий Восток: закон молчания

Вслед за публикацией интервью Роже Лерэя в «Пуэн» в ложах «Великого Востока» было распространено внутреннее распоряжение, категорически требующее от бывших Великих магистров воздерживаться от публичных высказываний». — Le Point. N 848. 19 decembre 1988. P. 36.

занимавший этот пост в 1945—1951 годах? «Братство» остается буржуазной организацией, для которой партийная вывеска имеет лишь относительное значение. Главное — обеспечить власть, не допустить разрастания недовольства общества, классов до опасных размеров. А там, где по каким-то причинам создание партий задержалось, на масонство возлагались их функции.

В «Лекциях о фашизме» Пальмиро Тольятти, руководитель Итальянской коммунистической партии, в 1935 году отмечал эту цементирующую роль «каменщиков».

«Итальянская буржуазия имела одну объединенную политическую организацию в лице масонства, которая, однако, не была политической партией. До войны (имеется в виду первая мировая война.— Л. З.) масонство представляло собой единственную унитарную организацию буржуазии политического характера. Она сыграла выдающуюся роль не только в борьбе за объединение Итальянского государства, не только в борьбе за национальное освобождение Италии, но также и в процессе политического объединения различных групп итальянской буржуазии, в усилении влияния крупной буржуазии на слои мелкой и средней буржуазии»¹.

Характерна эта роль знаменателя крупных буржуазных интересов для масонства, которое использовалось все более крупными и влиятельными объединениями буржуазии — национальными, а затем и транснациональными монополиями, трестами, концернами.

Но в период имперских захватов, раздела мира на колонии, сферы влияния, безудержной конкуренции на мировых рынках масонство выступает пока еще в рамках отдельных капиталистических государств, идентифицируя свои интересы с целями национальной буржуазии.

Оно, конечно, сохраняет и международные связи, даже приумножает их, но драка за рынки, прибыли приводит к

¹ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974. С. 57.

тому, что ритуалы и обряды, утвердившиеся в крупнейших западных странах, оттенки всемирного движения «строителей храма Соломонова» становятся своего рода оружием против иноязычных «братьев». В англоязычной Африке, например, устанавливаются ложи, подчиненные Лондону. Франкоязычные колонии ориентируются на Париж. Немцы устремляются в Южную Африку. Итальянцы — в Северную. Голландцы прибирают к рукам Индонезию, США — Филиппины, все вместе лезут в Китай. Испанцы и португальцы держатся за влияние в латиноамериканских странах. И повсюду множатся масонские ложи, налаживается симбиоз колониальной администрации с подобранными из местных привилегированных слоев проводниками идей зависимости от той или иной метрополии.

Первая мировая война, этот чудовищный, кровавый конфликт был подготовлен и развязан в интересах группировок осатаневшей от жадности империалистической буржуазии. Десятки миллионов людей оторвали от родных очагов, погнали на убой, под газы, калечили, заставляли убивать друг друга с единственной целью — обеспечить финансовой верхушке своей страны максимальные прибыли, возможность грабить другие народы.

До сих пор мало кто пытался проанализировать постыднейшую страницу мировой истории под углом зрения ответственности оккультных, тайных штабов и сил крупной буржуазии. Если кто-либо когда-нибудь постарается приоткрыть секретные покровы этой стороны дела, он обнаружит значительную долю вины этих сил за трагическое развитие международных событий*.

* Не составляет исключения ключевой эпизод убийства наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги в Сараево, послуживший предлогом для развязывания войны. Покушение готовила нелегальная организация «Объединение или смерть», созданная в 1911 году сербским масоном Йовановичем-Чупой. Подготовку покушавшихся осуществлял его друг, масон Танкосич. Исполнители акции Принцип и Чабринович контролировались вождями нацио-

Сказанное одинаково верно как в отношении Антанты, так и противостоящих им Германии, Италии и Австро-Венгрии, с той, может быть, разницей, что Германия и Италия пришли к дележу колоний последними и потому были настроены особенно агрессивно. Но и старые колониальные империи были полны жажды преподать урок тем, кто, опираясь на свой более динамичный потенциал, начинал причинять им на мировых рынках все более серьезный урон.

Мы упоминаем на первых местах Германию, а также Италию еще и потому, что именно в этих странах в обстановке тяжелейшего мирового кризиса зародилось явление, которое в Италии получило название фашизма, а в Германии — нацизма. Это явление ярко обнажило, какие дьявольские бедствия могут быть выпущены наиболее реакционными и милитаристскими кругами империалистической буржуазии из ящика Пандоры — уничтожение целых народов, идеи всемирного господства, насилия, рабства.

Мы подошли к черной странице истории, к явлениям и событиям, возникшим в капиталистических государствах, считавшихся моделью капиталистического общества, и безусловно вписавших значительные главы в историю мировой культуры, философии, цивилизации. И может быть, поэтому их возврат к средневековью, культу кулака, провозглашению одних расой господ, а других рабами, выглядит еще более немыслимым и диким.

налистического движения Боснии и Герцеговины Митриновичем и Гачиновичем, которые также исповедовали масонские взгляды. В убийстве были заинтересованы, по ряду сведений, французские масонские круги, а также венгерские масоны. Такой клубок интересов опутывает шаг, который лишь на поверхностный взгляд может быть воспринят как «освободительная» акция. Эти данные приводят югославские историки, в частности И. Мужич в своей книге «Масоны и Югославия», изданной в Сплите в 1983 году (с. 107—110, 158).

Глава 5

ОТ „ИЗБРАННОСТИ“ К „СВЕРХЧЕЛОВЕКУ“

Цель оправдывает средства — «Туле» помогает Гитлеру — Черные птицы из одного гнезда — Фюрер перенимает магию доктрин — Полет Гесса к «братьям» — Итальянский дубль

Общезвестно утверждение, что фашизм и Гитлер были враждебны масонству. Кто не помнит их обвинений по поводу «еврейско-масонского заговора западных плутократий»? Антимасонство нацистов считается почти аксиомой, как и их антисемитизм. В связи с этим вспоминают, как еще на заре рождения гитлеровских доктрин Адольфу Гитлеру подсунули так называемые «протоколы сионских мудрецов», в которых обосновывалась идея всемирного «еврей-

ского заговора». Эта фальшивка, к которой, по общему убеждению, приложила руку царская полиция, появилась в Петербурге в самом начале этого века. Она была привезена Гитлеру будущим теоретиком расизма Розенбергом.

Розенберг знал, что «протоколы» являются фальшивкой, сфабрикованной при участии охраны. Они были приведены в книге С. Нилуса «Великое в малом» и приписывались первому конгрессу сионистов в Базеле (1897 г.). Дело кончилось скандалом. Выяснилось, что в «протоколах» приводятся выдержки из книги Мориса Жоли, изданной в 1864 году в Бельгии, «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или же Политика Макиавелли в XIX веке глазами современника». Книга подавалась как сатира на амбиции Наполеона III и была запрещена во Франции.

Сходство несомненно. Вот отрывки из «сионских протоколов»:

«Мы посеем такое к ним (администрации государств «гоев»-неевреев) отвращение, что народы предпочтут покой в крепостном состоянии правам пресловутой свободы... Все государства замучены; они взывают к покою. Но мы не дадим им мира, пока они не признают открыто нашего интернационального сверхправительства...»

«Мы одурачили, одурманили и развратили гоевскую молодежь»...

«Наш пароль — сила и лицемерие... Насилие должно быть принципом, а хитрость и лицемерие — правилом для правительств... Поэтому мы не должны останавливаться перед подкупом, обманом и предательством, когда они должны послужить нашей цели».

«В разнице способности мышления между гоями и нашими можно ясно узреть печать избранничества и человечности, в отличие от инстинктивного, животного ума гоев. Они зрят, но не предвидят...»

А вот как звучит «диалог» Жоли:

«Распространяя зависть и ненависть, борьбой и войной, даже напуская голод, нищету и бедствия, мы доведем лю-

дей до такого состояния, что единственным выходом для них будет полное подчинение нашему господству.

Мы оболваним, соблазним и погубим молодежь.

Мы не остановимся перед подкупом, вероломством, предательством, если это послужит осуществлению наших планов. Наш пароль: сила и лицемерие!

В своем арсенале мы несем необузданную амбицию, жгучую жадность, беспощадную жажду мести, неутолимую ненависть. От нас исходит эманация страха, всеохватывающего ужаса».

Но дело не только во внешнем сходстве отрывков книги Жоли и «протоколов». Дело в существовании текста Жоли. Сатира ли это? Или циничный, наглый манифест, от которого пахнет серой? Что за фигура — сам Жоли?

Морис Жоли, насколько известно, был членом ордена розенкрейцеров, откуда вышли, как мы видели, сатанинские ложи, включая «Золотой рассвет» и другие оккультные общества.

Известно, что Розенберг вчитывался в текст «протоколов» прямо-таки с болезненным интересом. В его книге «Миф двадцатого века» целые страницы синхронно совпадают с текстами Жоли и «Протоколов Сиона». Вот характерный отрывок:

«Мы, избранные, мы единственные люди. Наши умы выдают подлинную власть духа; ум остальной части мира чисто инстинктивен и животен...

Мы так рисуем несправедливости чужих правительств, создадим такую к ним неприязнь, что народы тысячу раз согласятся на рабство, которое гарантирует им мир и порядок, чем станут довольствоваться своей хвальной свободой»¹.

О чем говорят эти совпадения? О том, что теория избранности, избранных рас, народов, теория сверхлюдей име-

¹ *Ravenscroft T. The Spear of Destiny. Jork Beach. Maine. USA. 1982. P. 110.*

ют сходные корни. Они вошли составной частью и в масонские доктрины, а пользоваться ими могут разные отряды расистов.

Французские исследователи утверждают, что Гитлер «не вел в отношении масонов политику планомерной ликвидации, проводившуюся в отношении евреев»¹.

Резиденция «Великого Востока» французских масонов на улице Кадэ в Париже стала резиденцией «Зихерхайтдинст», контрразведки, где делами против масонов ведал лейтенант Мориц.

Контроль над масонами имел, однако, любопытную направленность. Гитлеровцы постоянно были заняты поисками «спрятанных сокровищ». Даже в момент военного крушения они собирались направить на подводной лодке специальную экспедицию к берегам Южной Франции, чтобы попытаться найти какие-то особые масонские ценности, представлявшие для верхушки нацизма, по-видимому, не только материальное, но и культовое значение. «Что они искали? — спрашивает французский автор. — Действительно ли они верили в существование легендарных сокровищ храмовников, в гипотетическое богатство теософических обществ, наследников «катаров» из Монсежюра, в котором находят прообраз сказочного дворца, где помещался Грааль?»²

Гитлер и Священный Грааль древних рыцарей-храмовников, воспетый Эшенбахом в XII веке? Параллель выглядит неуместной. Но мы уже говорили, что у иных явлений древние корни.

В мире существуют самые парадоксальные связи. Попробуем в них разобраться. И тогда, может быть, станет яснее, откуда у нацистов взялся древний буддийский знак «солнечного колеса» — свастика, откуда у эсэсовцев появился их зловещий череп с костями и была ли какая-нибудь

¹ L'Histoire. Octobre 1982. N 49. P. 38.

² Ibid. P. 40.

связь между нацистами и тем явлением, которое мы прослеживаем в этой книге.

Вопрос о связи нацизма с оккультными силами Европы, самой Германии, с масонскими культовыми традициями различного толка возник не сегодня. На Нюрнбергском процессе среди военных преступников фигурировал полковник СС Вольфрам фон Зиверс. Он возглавлял «Аненэрбе», оккультное бюро нацистов, над которым шефствовал Гиммлер, руководитель эсэсовцев. В недрах этого учреждения совершались неслыханные зверства — здесь мучили людей особенно садистскими способами, вырывали им внутренности, проводили зловещие обряды, похожие на шаманские. Для кадровых эсэсовцев бюро разрабатывало особые обряды принесения клятв, вроде «Ритуала удушающего воздуха». Отборных палачей из организации учили «мужеству» — выстоять минуту голым по пояс перед разъяренными овчарками; взорвать гранату на своей каске, снять шкуру с живой кошки, не повредив ей глаза, и т. п., после чего тот или иной кандидат считался «приобщенным».

Упоминались на процессе мало понятные журналистам названия Агарты и Шамбалы, мистических центров буддизма. В зале они воспринимались скорее иронически, чем серьезно. Картина гитлеровских зверств не укладывалась в один ряд с такой терпимой и спокойной религией, как буддизм, и вообще с какой-либо верой. Фон Зиверс был казнен. Тому же, чем занималась «Аненэрбе», не было дано большой огласки. А ведь на Западе были люди, которые могли многое рассказать об использовании атрибутов масонской мистики. Легче было сослаться на параноический характер Гитлера и тем объяснить засилье медиумов, астрологов и гадалок при его ставке. Культивирование языческих культов Вотана — Одина объяснить как атрибуты, присущие группе шовинистов с неуравновешенной психикой.

На деле замалчивание использования нацистами оккультной стороны было вызвано прежде всего боязнью разоблачения ее роли в подготовке безумия нацизма.

Еще до событий, ознаменовавших приход Гитлера к власти, масонолог и романист Джон Бьюкэн, он же лорд Твидс-миур, предупреждал об опасности воцарения в Германии сатанинской религии, выступающей в сплаве с современной технологией и восточным мистицизмом. Говоря о замешательстве ряда видных масонских авторитетов Англии, других западных стран перед показаниями душегубов из «Анен-эрбе» в Нюрнберге, масонский писатель Тревор Равенскрофт писал: «Те, кто знал, хранил молчание. Лидеры оккультных лож и секретных обществ, связанных с формированием мировой политики в Западном полушарии, понимали, что они отнюдь ничего не выиграют от разоблачения сатанинской природы нацистской партии»¹.

По протекции генерала Людендорфа к Гитлеру в 20-х годах были приставлены сбежавшие от русской революции немцы, большей частью выходцы из Прибалтики — полковник белогвардейской армии Колчака, выходец из семьи тевтонских рыцарей Тальберг, полковник Винберг, бывший адъютант кайзера Вильгельма II генерал фон дер Гольц, а также белогвардейские генералы Бискупский, Авалов, Скоропадский, Шаберский-Борк. Все они входили в организованное фон дер Гольцем общество «Балтикум» (позже «Консул»), опознавательным тайным знаком которого являлась свастика. Одним из неудавшихся мероприятий «Балтикума» — «Консула» была попытка вместе с колчаковцами выкрасть из-под Тобольска арестованную царскую семью. Особенно интересовала их царица. Она была дочерью Людвига IV, великого герцога Гессенского. Ее генеалогия уходила к принцу Карлу Гессен-Кассельскому и Фридриху II Прусскому. Принц Карл брал уроки «тайнств» у так называемого графа Сен-Жермена, масона-авантюриста, настоящее имя которого в отличие от его коллеги Калиостро (Бальзамо) так и осталось неизвестным. Карл являлся заместителем гроссмейстера ордена храмовников «строогого

¹ *Ravenscroft T. Op. cit. P. 258.*

чина». Выступая под именем «Возродившегося Льва», он требовал от ордена ни больше ни меньше, как вновь покорить Восток. А под именем Мельхиседек он принадлежал уже к ордену «Посвященные братья Азии», став его гротмейстером в 1790 году. «Братья» руководствовались буддистскими догмами (в собственной интерпретации), верили в переселение душ, «Ротацию», символом которой являлась все та же свастика. Во время сборищ члены общества ложились на пол, изображая свастику.

Стоит ли удивляться, что и Аликс, она же русская царица Александра Федоровна, считала свастику своим священным знаком? Она ставила ее на тайной переписке с членами «Балтикума» — «Консула», с кругом придворных, а также с лекарем Бадмаевым, лечившим наследника. Она исписала ею и стены дома, в котором содержалась царская семья.

Мы говорили, что в германских землях, особенно в Пруссии, масонство с самого начала носило особенно аристократический и чопорный характер. Начиная с Фридриха II руководили им в основном представители прусской монархии.

Они считали себя духовными наследниками Тевтонского ордена, а масонские доктрины соединяли с завоевательными целями ордена, направленными на захват Востока, главным образом русских земель. В оправдание выдвигали «право» вернуться на земли древней Арианы, из которой когда-то вышли.

По мере роста военного и промышленного потенциала германских земель пангерманские идеологи все более активно извлекали на свет любые мифы и сказания, легенды и мистические доктрины, чтобы обосновать претензии на всемирное господство.

Толчком к соединению идеи избранности рас с арийской «миссией» стала и деятельность Елены Блаватской (1831—1891), урожденной Ган-Роттенштерн, дочери обрусевшего немецкого военного. В 17 лет она вышла замуж за 60-летнего генерала Блаватского, вице-губернатора Эриваня, и де-

сять лет странствовала по странам Востока. Затем провозгласила себя «ясновидящей» и стала толковать восточную мистику, как ей заблагорассудится. С 1873 года она осела в США, приняла американское гражданство и с головой окунулась в столь модное в то время оккультное, «магическое» масонство. Вместе с английским полковником Олкоттом образовала теософическое общество. Ссылаясь на свои прямые связи с загробным миром и космическими «силами», Блаватская написала двухтомный труд «Тайная доктрина» (The secret doctrine. L., 1888. V. 1—2), легший в основу многих разработок о мистическом предназначении «ариев», «озаренных», которым предстоит разбудить «боголюдей», дремлющих во льдах Гималаев. От них будто и произошли древние немцы. Идея высшей расы, «сверхлюдей» с божественными задатками, была заложена.

По этой теории арийцы, появившиеся на крайнем севере (назывались либо древняя Атлантида, либо остров Туле), а затем переместившиеся в окрестности Гималаев, ближе всего стоят к исчезнувшим расам боголюдей, «космическим» нациям, наделенным сверхъестественными качествами. Они будто бы способны по своему усмотрению формировать человеческие расы. Таким образом, им предлагалось мировое лидерство и подчинение остального человечества, не отмеченного подобными благодатями.

Вторая половина прошлого века знаменуется декадансом. Идея «заката» цивилизации, «падения богов», предстоящего упадка Запада, угрозы цивилизации, якобы надвигающейся с Востока, охватывает весьма широкие круги. Увлечение месмеризмом, спиритизмом, оккультизмом всех родов, «проповедями мрачного кладбищенства», как называл упражнения масонов Г. В. Плеханов, становится все более интенсивным. Похоже, что, добившись утверждения у власти, обогатившись, буржуазия расставалась со своими либеральными мечтаниями, идеалами юности. Проза чистогана не могла вызвать былого энтузиазма, объединить общество, в котором все более обнажались классовые противоре-

чия. В новой обстановке буржуа были способны множить лишь банальность, посредственность*.

Набаты новых революций, пришествие пролетариата на арену истории звучали похоронным звоном для капиталистических классов. Отсюда упадочничество, мистика, уход в средневековье, мечты о «золотом веке». Но наряду с данью мечтам идут лихорадочные поиски новых решений. Все меньше панегириков демократизму, все чаще провозглашаются концепции «сильной власти», «железной пяты», как панацеи, которая может вывести мир капитала из кризисов, укрепить его устои. Приобретает все более широкое распространение пропаганда милитаризма, расизма.

Идеи гуманизма, в том числе и облеченные в христианские формы, уступают место надеждам на «сильную личность», «сверхчеловека».

Наиболее ярко этот разрыв с прежней идеологией выразил Фридрих Ницше (1844—1900) в своих работах «Так говорил Заратустра», «Человеческое, слишком человеческое», «Антихрист».

В 1883 году, когда Ницше выпустил свой наиболее известный труд «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого», умер Рихард Вагнер, только что завершив цикл эпических произведений, основанных на древнегерманской героике. Последним его произведением явилась опера «Парсифаль».

«Парсифаль», самая длинная, пожалуй, опера Вагнера, была в то же время посвящена и самой долгоиграющей для

* Александр Герцен замечал в своих «Письмах издалека»: «...мещанство — окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие — *état adulte*; им замыкается длинный ряд его сновидений, оканчивается эпопея роста, роман юности...» Он же был встревожен стремлением реакционеров приспособить мистику к современности, так сказать, поставить ее на рельсы науки, соединить молитвы о дожде с барометрами, телеграфы — с четками. «Честный союз науки с религией невозможен, — писал Герцен, — а союз есть». — Герцен А. И. Письма издалека, М., 1984. С. 288 и 291.

окультурной Европы теме Святого Грааля, трудноопределимому пределу мечтаний, достижение которого сулило неисповедимое блаженство, несметное богатство и несокрушимое могущество. Миф о Граале и связанном с ним рыцарском братстве — ордене храмовников, был особенно близок «каменщикам», которые стремились произвести свою генеалогию из средневековья и рыцарства.

Легенда о Парсифале, рыцаре, который удостоился стать избранным, войти в «братство Грааля», у масонов не менее почитаема, чем миф о строителе Соломонова храма. В поэме фон Эшенбаха в зашифрованном виде находят чуть ли не все градации масонских степеней, символы могущества «братства».

Предмет высших желаний рыцарей — загадочный Грааль. Его значение различными авторами истолковывается по-разному. Одни считают, что это чаша, в которой была собрана кровь распятого Христа. Чаша (некоторые видят ее изумрудной) и кровь, обладающие магической силой. Фон Эшенбах приписывает эти свойства некоему камню, который обладает широкой гаммой чудодействия — способен кормить и одевать своих владельцев, одарять их богатствами, исполнять их желания, отдалять смерть, возвращать молодость. В его волшебном огне умирает и возрождается птица Феникс.

Короче, в Граале слились мотивы как христианских, так и языческих сказаний, понятия талисмана и философского камня алхимиков. Кое-кто сравнивает его с волшебным камнем библейского пророка Даниила, другие — со сказочными камнями индийских, кельтских, скандинавских и древнерусских мифов и былин. Ради обладания феноменом рыцари идут на любые жертвы, принимают обет безбрачия. Исключения делаются для тех, кому уготована судьба стать королем и продолжать свой род: «Тем из братьев, — говоря словами фон Эшенбаха, — коим дан приказ в какой-нибудь из стран, где нет монарха, по закону, державную надеть корону». Нетрудно здесь найти связи и с рыцарскими леген-

дами Англии, поскольку многие из персонажей связаны со двором короля Артура. Поэма восхваляет силу и влияние братства храмовников. Войны их, причем, имели особый смысл, поскольку «им запрещалось воевать, чтоб *просто славу* добывать...». Грааль, который давал знать, кого можно включить в его братство (на камне появлялись и исчезали имена «достойных»), был как бы центром особой власти и могущества избранных, моделью огромной и законспирированной власти.

А символом, выражавшим его исключительное могущество, было мистическое копьё, которое вносили вместе с Граалем в замок короля Анфортаса, когда там принимали Парсифаля:

Оруженосец в зал вбегает,
И крови красная струя
С копья струится, с остря
По рукаву его стекая.
И, не смолкая, не стихая,
Разносится со всех сторон

Истощный вопль, протяжный стон.
А это вот что означало:
Все человечество кричало
И в исступлении звало
Избыть содеянное зло,
Все беды, горести, потери!..¹

Копьё с постоянно струящейся кровью, символ содеянного зла и необходимости искупления, в данном случае имело определенный адрес. Считают, что речь идет о копье, которым римский центурион (сотник) Лонгин пронзил грудь Христа, распятого на кресте. Пролитая кровь затем будто бы и была собрана в чашу-Грааль. А сам сотник обратился к христианству и чудодейственно излечился от катаракты.

Волшебные и заколдованные копьё присутствуют в легендах разных племен и народов. Например, волшебное копьё избрано символом династии Меровингов. Как объясняют авторы книги «Священная кровь и Святой Грааль» Бейджент, Ли и Линкольн, сокровенной тайной масонов, ведущих свое происхождение от рыцарей-храмовников и рыцарей-катаров, является тайна происхождения Меровингов.

¹ Средневековый роман и повесть. М., 1974 (БВЛ). С. 373 и 478. Пер. Л. Гинзбурга.

Создатели ордена храмовников, представители малоизвестного, но влиятельного Сионского ордена считали Меровингов прямыми наследниками Христа, а того, в свою очередь, называли продолжателем рода царя Давида. В программе ордена — восстановление свергнутых Каролингами Меровингов на европейских тронах. (Правда, Каролинги женились в основном на женских представительницах дома Меровингов.) По этим теориям на роль современных продолжателей рода царя Давида могут претендовать довольно многочисленные представители европейских монархий и аристократии. Авторы ссылались на документы, по которым прослеживали генеалогию магистров Сионского ордена, и на беседы с современными его руководителями, живущими во Франции. Они поместили фотографию г-на Анри Плантара, руководителя Сионского ордена-аббатства, снятую в 1982 году.

Запомним эту, кажущуюся парадоксальной, теорию возвращения Меровингов на высшие посты объединенной Западной Европы. Дело в том, что у нее возникла антитеза, которая иудейский компонент заменила германским.

Вагнер и Ницше в период создания «Парсифаля» совместно совершили паломничество в Вену. Там среди реликвий Габсбургов в Хофбургском дворце выставлено «копье Лонгина», воспетое Эшенбахом. Речь идет о его сломанном наконечнике, соединенном медными, серебряными и золотыми нитями. В середину наконечника вплетен гвоздь, которым будто бы был прибит к кресту Христос.

На звание копья Лонгина вообще-то претендует не менее 13 сходных реликвий. Но та, что находится в Хофбургском дворце, считают наиболее достоверной.

Согласно легенде, копье было изготовлено приблизительно за пять веков до нашей эры. Процедура его изготовления (вспомним, как описывается в легендах сотворение древними кузнецами различных магических мечей и щитов) была обставлена таинственными ритуалами. Оружие должно было символизировать магическую силу крови «богоизбран-

ного» народа, поскольку заказ на него поступил от иудейских царей.

После завоевания Иудеи римлянами копьё перекочевало к завоевателям. На Голгофе оно в руках Лонгина, как считается, сыграло историческую роль в судьбах христианства. Удар центуриона сократил мучения Иисуса на кресте. И главное — помешал намерениям врагов Христа перебить ему ноги. Удалось сохранить облик мессии (кости мессии по пророчеству не могут быть сломаны). А копьё Лонгина было сочтено священным и стало предметом почитания. Копьё затем приписали свойство содействовать удачам всех, кто им владел, причем как в добрых, так и жестоких предприятиях.

Тревор Равенскрофт в книге «Копьё судьбы» перечисляет владельцев копья: римский император Константин, узаконивший в 313 году христианство, византийский император Юстиниан, Карл Мартелл, разбивший арабов при Пуатье (732 г.), Карл Великий, коронованный в 800 году императором, семь представителей династии Гогенштауфенов.

Карл Великий (Каролинг) избрал копьё своим символом. Владея им, он считал, что правил Европой, ее народами по «божественному праву».

Копьем владела вереница германских монархов от Генриха I Птицелова и Оттона Саксонского до Фридриха I Барбароссы. Фон Эшенбах — певец «копья судьбы» — тоже был немцем. Целые ветви «братства «Грааля», особенно тевтонская и ордена меченосцев-балтийцев, были германскими. И не случайно Вагнер избрал «Парсифаль» с копьём — символом для завершения «кольца» своих опер.

Ницше, однако, разгневался на Вагнера за «христианские нотки» в «Парсифале». Подобно тому как масоны препариовали Библию, приспособивая христианство под свои цели и ритуалы, так и немецкая ветвь масонства, одержимая идеями германского величия, не преминула дехристианизировать мифы масонства, заставить их работать на «арийскую» тему.

Копье Лонгина магически притягивало многих. Лет через двадцать после того как Вагнер и Ницше совершили паломничество в Вену, чтобы лично увидеть «копье судьбы», Хофбург посетил молодой австриец и испытал около копья состояние, близкое к трансу. Он стал рисовать его на картинках, которые продавал туристам, читал все, что попадалось о его истории, о «Парсифале», читал Ницше и Шопенгауэра, «Фауста» Гёте, «Воспитание человеческой расы» Лессинга, книги о восточных религиях. Все эти книги ютившийся в ночлежках художник получал в лавке некоего Прецше.

Прецше подпитывал молодого человека мистической литературой неспроста. Он занимался оккультизмом и был другом Гуидо фон Листа, основателя местной оккультной масонской ложи, которая своими порочными обрядами вызвала шок в Вене. Ложа объединяла мистиков-пангерманистов, практиковала сексуальные обряды. Обычный для обрядов масонов крест друга фон Листа заменили свастикой.

Вернувшись в конце XIX века из Мексики, Прецше привез с собой наркотические вещества, вызывающие галлюцинации, наподобие тех, которые проповедовал среди хиппи в США в 70-е годы Тимоти Лиар, «поэт ЛСД»*.

Прецше внушал собеседнику, а им был не кто иной, как Адольф Гитлер, что, принимая наркотические средства и через особые ритуалы, можно развить в себе «трансцендентальное сознание», присоединиться к «универсальным потокам мысли в космосе».

Наиболее полные свидетельства о венском периоде Гитлера дал мистик и масон Вальтер Штайн, выходец из Вены, где он получил степень доктора философии. Штайн сблизился в австрийской столице с Гитлером на базе общего интереса к копью Лонгина, «Парсифалю», событиям и легендам IX века, которыми был навеян труд фон Эшенбаха. Оба узрели в «Парсифале» учение о посвящении в «избранные».

* ЦРУ использовало ЛСД для влияния на психику в ходе программы «майнд контрол» («контроля над разумом»). Тимоти Лиар был причастен к этим «опытам» на живых людях.

Гитлер попытался систематизировать символику ступеней посвящения, заложенную в «Парсифале». Так, на первую ступень он поместил ворона, являвшегося постоянным спутником Парсифаля (и Фридриха Барбароссы). Ворон олицетворял «перст судьбы». На вторую ступень претендовал павлин, потом шли лебедь, пеликан, лев. А на высшей, шестой ступени, Гитлер водрузил орла, птицу, аналогичную имперскому орлу Германии. Орел означал «всемирную судьбу», мировое владычество.

Позже пути Штайна и Гитлера разошлись. По мнению доктора философии Штайна, написавшего ряд работ о «Парсифале» и об отраженных в нем событиях IX века, Гитлер стал «воплощением злых мировых начал», адептом люцифериянства, современным Антихристом. Восприняв масонскую схему мифов, Гитлер перетолковал ее в арийском ключе. Так, Христос, по его утверждению, был в основном «арийцем», так же как и Гай Кассий Лонгин — носитель магического копья.

Штайн бежал в Англию, где в годы второй мировой войны являлся личным советником Уинстона Черчилля и агентом британской секретной службы. Он консультировал британского премьер-министра в той области, которую знал как никто другой, — мистических взглядов в нацистской верхушке.

Мы уже рассказывали, как те или иные мистики, вроде Блаватской, подпитывали пангерманские круги. Теперь очередь сказать «о черномаргическом» направлении английского «братства». Возрождением средневековой практики черной и иной магии в викторианском обществе Англия, как отмечал Равенскрофт, обязана Роберту Вентуорту Литтлу. Ему пришла в голову мысль теснее соединить масонство с магией, и в 1865 году он создал «Розенкрейцеровское общество», от которого позже отпочковалось масонское направление «Золотой рассвет». Оно не ограничивалось рамками своей страны, делилось на пять «храмов», включая парижские и германские ложи. В его рядах находились, между прочим,

нобелевский лауреат В. Б. Иейтс, близкий друг Бернарда Шоу Флоренс Фарр, президент английской Королевской академии Джеральд Келли, королевский астроном Пек, автор «Дракулы» Брэм Стоукер¹.

Как не вспомнить в связи с этим, что само зарождение «братства» в Англии связано с великим магистром, входившим в ложу «Адского пламени»?

В 1892 году Самуэль Лиддел Мазерс порадовал членов «Золотого рассвета» тем, что, пользуясь «техникой» Блаватской, вступил, как он утверждал, в контакт с «иерархией сверхлюдей», «секретными лидерами», которые невидимо меняют ход истории.

Невидимые властители мира будто бы находились в «Великой белой ложе высших адептов». С 1898 года к «адептам» подключился другой английский мистик — Кроули, выпускник Кембриджа. Основную практику он проходил в Берлине, в местной ложе «Ордо Темпли Ориентис», где практиковались садизм, сексуальные извращения, принесение в жертву животных. Кроули на «сеансах» взывал к Антихристу, Люциферу.

Кроули с энтузиазмом примкнул в Германии к пангерманским мистикам, а затем приветствовал нацистов, приход Гитлера к власти. У себя в Англии он симпатизировал фашисту Мосли. Перед смертью (он отравился наркотиками в 1947 году) Кроули любил говорить: «Перед тем как появился Гитлер, был я».

Другим англичанином, который немало содействовал силам пангерманизма, был человек, которого считали наследником Ницше, — Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855—1926).

Сын английского адмирала, с 1882 года он обосновался в Дрездене. Воспитанный прусским гувернером, Чемберлен симпатизировал милитаристскому духу пруссаков. От Гёте и Фихте он перешел к чтению Ницше, работ Вагнера. А в 1899 году опубликовал свою главную работу — «Основы XIX века».

¹ *Ravenscroft T. Op. cit. P. 164—165.*

В ней он соединил ницшеанские идеи о возможности выведения высшей расы с вагнерианскими положениями об арийской расе господ. Такого рода расу Чемберлен предлагал воспитывать, внушая ей мысль о ее мировом историческом предназначении. Поворотным для истории он считал объединение германского народа после победы над французами вокруг Вильгельма Прусского, Отто Бисмарка и генерал-фельдмаршала Хельмута Карла фон Мольтке. Прусский талант организации, экономические способности Рура и «могущество германского духа» — таковы, по его мнению, были компоненты, позволяющие надеяться вырастить желанный плод — расу новых «сверхлюдей». «Германский ум должен был повести арийские народы к расовому превосходству и мировому господству», синтезировал его идеи Равенскрофт.

Кайзер Вильгельм II прочитал его книгу с восторгом и принял при дворе со словами: «Бог послал вашу книгу германскому народу, а вас — мне». Чемберлен в свою очередь назвал Вильгельма «моим императором и богом». В окружении Вильгельма, его генералитете Чемберлен видел элиту великих героев «новой расы». Он стал духовным наставником обитателя потсдамского дворца. Чемберлен настолько был приближен к императору, что его стал ревновать сам Мольтке, имевший лавры победителя французов. Мольтке, мистик и масон, интересовался историей Грааля, консультируясь с известным специалистом по Гёте, оккультистом-антропософом Рудольфом Штайнером. Мольтке обвинял Чемберлена в том, что тот пишет свои излияния под влиянием «демонов», в состоянии транса, хотя и сам Мольтке нередко «сообщался с космосом», находясь в прострации.

Чемберлен постоянно посещал (с 1889 по 1909 год) Хофбург, часами рассматривал копье Лонгина и «ощущал дух Времени». Он внушал Вильгельму необходимость овладеть копьем. Тот собирался убедить австрийского императора прислать копье якобы для демонстрации реликвии, чтобы присвоить ее. Но Франц-Иосиф I (с помощью Мольтке) обнаружил подвох и отказал Вильгельму.

Чемберлен подогревал мечты Вильгельма о мировом господстве. Он не изменил своих воззрений даже после разгрома Германии. А с первых шагов Гитлера он почувствовал в нем «новую расу». Будучи уже полупарализованным, Чемберлен увиделся с ним в 1923 году в Байройте, городке, где жил Вагнер. На следующий день Чемберлен писал будущему фюреру: «Одним касанием вы преобразили состояние моей души. То, что в час глубочайшей необходимости Германия способна породить таких, как Гитлер, доказывает ее жизнеспособность»¹.

И наконец, назовем имя еще одного англичанина, внесшего свою лепту, может быть, невольную, в генерирование нацизма. Это весьма известный писатель Булвер-Литтон, автор романа «Последние дни Помпеи». В последние годы своей жизни он написал роман «Грядущая раса», где в фантастической форме описывалось появление «сверхлюдей». По свидетельству Равенскрофта, Булвер-Литтон являлся франкмасоном, членом английского «общества розенкрейцеров». Позже его работы легли в основу «изысканий» нацистской масонской «Светящейся ложи», которая в недрах «Аненэрбе» колдовала над тем, как «воскресить» магические свойства арийской крови.

Раздуванию милитаристских амбиций германского империализма способствовала деятельность общества «Туле гезельшафт», имевшего своей основной резиденцией Баварию и ее столицу — Мюнхен. Туле было масонской ложей антисемитского направления, принадлежавшей к созданному в 1912 году «Германскому ордену» («Germanen Orden»). Его основатель, именовавший себя графом Хайнрихом фон Зеботтендорфом, на самом деле был сыном машиниста из Дрездена. Звали его Рудольф Глауэр. Занявшись торговлей, в начале века он осел в Турции, сколотил там состояние. Там же стал изучать восточную философию, медитацию. Из «Тайной доктрины» Блаватской выудил идею Туле-Атлантиды. И стал страстным сторонником идеи создания

¹ *Ravenscroft T. Op. cit. P. 147.*

сверхрасы. Вернувшись в Германию и обзаведясь графским титулом, он вошел в элитные круги Баварии. Еще в XVIII веке здесь существовало общество «мистики Баварии», которым руководила аристократическая семья Турн унд Таксис.

В Туле входили высшие слои аристократии, судейская и полицейская верхушка Баварии, профессура, промышленники, владельцы отелей. Их объединяла животная ненависть к «красным», особенно после революции в Баварии, в ходе которой были казнены князь Турн унд Таксис и граф фон Вестарп. Член общества Туле Дитрих Эккерт зверски расправился с руководителем Баварской республики Куртом Эйснером. На счету общества с 1919 по 1923 год насчитывалось не менее 300 политических убийств. Все они оставались нераскрытыми. Удивляться не приходилось: в Туле входили министр юстиции Баварии Франц Гюртнер, полицей-президент Мюнхена Понер, его заместитель Вильгельм Фрик, другие полицейские и судейские чины. За услуги, оказанные нацистам, Фрик позже был назначен министром внутренних дел «третьего рейха», а Гюртнер — министром юстиции.

Туле имело солидное внешнее прикрытие: Институт геополитики, издававший журнал «Цайтшрифт фюр геополитик». Одним из главных его теоретиков и руководителей был профессор и генерал Карл Хаусхофер. Хаусхофер, родившийся в Баварии в 1869 году, был профессиональным военным. Многие годы работал в германской разведке в Индии и Японии. Овладел санскритом, «священным» языком высших каст, переводил буддийские тексты. В 1904 году посетил Тибет, Монголию, Синьцзян и Маньчжурию. Принял посвящение в буддизм в монастыре под Лхасой, где «учился» ясновидению. Перед первой мировой войной советовал кайзеру заключить союз с Японией, но Вильгельм был одержим идеей «желтой опасности».

В первой мировой войне Хаусхофер дослужился до генеральского звания, а в сорок пять лет стал доктором, возглавив при Мюнхенском университете Институт геополитики. Идею родоначальника «геополитики» Ратцеля о связи судь-

бы наций с «лебенсраум» (жизненным пространством) он сделал альфой и омегой своего учения. Открыто повторял тевтонский лозунг наступления на Восток, славянские земли — «Драуг нах Остен», возрожденный шведским ученым Келленом, а затем и Ратцелем.

Хаусхофер призывал «молодых германцев» направиться в земли Азии, где сформировалась «арийская раса». Каждому было ясно, что речь идет в первую очередь о завоевании Восточной Европы, России.

Среди «молодых германцев» наиболее прилежным учеником был Рудольф Гесс. Гесс был вскоре привлечен к деятельности оккультных кружков при Туле, где Хаусхофер и Дитрих Эккерт были высшими авторитетами.

Гесс, в свою очередь, познакомил Хаусхофера с Гитлером. За несколько месяцев отсидки Гесса и Гитлера в тюрьме Ландсберг после провалившегося путча профессор неоднократно посещал их обоих. Хаусхофер удивлялся, с какой быстротой и жадностью Гитлер заглатывал его идеи завоевания «жизненного пространства» для немцев, а также мистические «арийские» построения. «Лекции», прочитанные Хаусхофером Гитлеру в тюрьме, легли в основу агрессивных концепций «Майн кампф», писать которую лидер нацистов начал в Ландсберге.

Организация Туле, грезившая «Великой Германией», искала трибуна, способного зажечь широкую публику, говорить с ней языком, понятным «низшим слоям». Гитлер как оратор, яростный шовинист, демагог крайне заинтересовал Туле. К нему приставили специалистов по актерскому искусству, чтобы смягчить вульгарные жесты, научить многозначительным паузам, тонкостям влияния на толпу. Гитлер стал завсегдатаем тайных кружков, спиритических сеансов.

На одном из них вдова Мольтке, общаясь с духом покойного мужа, заявила, что фельдмаршал открыл ей имя будущего диктатора Германии — Гитлер.

Финансовые олигархии и оккультизм, масонские атрибуты и нацизм шагали рядом. Когда по приказанию своих ру-

ководителей из контрразведки рейхсвера Гитлер вступил в «рабочую» партию, вместе с ним туда последовало до сорока членов Туле во главе с Дитрихом Эккертом. Этот специалист по Граалю, переводчик Ибсена, поэт, историк, убийца Эйснера, наркоман, подточивший свое здоровье, изощренный мракобес, умирая в 1923 году, внушал окружающим: «Следуйте за Гитлером. Он будет танцевать, но это я создал ему музыку. Я посвятил его в «Тайную доктрину», дал средства общаться с высшими силами»¹.

Равенскрофт приводит слова, сказанные Эккертом членам Туле, будто он лично получил «сатаническое оповещение» о том, что ему надлежит приготовить место для прихода Антихриста, слуги Люцифера, которому предстоит завоевать мир и «повести арийскую расу к славе»².

Гитлер, Гесс, Гиммлер, Геринг, Геббельс, Гейдрих — все они окружали себя свитой кликуш, медиумов, астрологов, ведьм обоего пола. Их наличие придавало нацизму средневековый, патологический облик. На службу нацизму был поставлен, например, известный берлинский «ясновидец» Хануссен, издававший специальную оккультную газету «Иной мир» с предсказаниями в пользу Гитлера и его группы. Это он со сцены берлинского театра 24 февраля 1933 года вещал, как бы в состоянии транса:

— Вижу... толпа, огромная толпа на улицах... Весь народ приветствует парад СС. Ночь разорвана пламенем. Я вижу огни радости. Это пламя германского освобождения. Огонь, в котором горят наложенные на Германию репарации. Вот огонь достиг большого дома, дворца. Огонь вырывается из окон, ширится. Купол того и гляди рухнет...

Хануссен явно был оповещен нацистами о подготовленном ими провокационном поджоге рейхстага. Геббельс с ревностью относился к влиянию Хануссена на Гитлера и стал интересоваться темными пятнами в биографии «предсказателя СС». Хануссен много, слишком много знал о на-

¹ *Ravenscroft T. Op. cit. P. 91.*

² *Ibid. P. 92.*

цизме и его лидерах. Но и о нем нацистам удалось выяснить нечто новое. Настоящим его именем было Харшель Стайншнайдер, женился он в чехословацкой синагоге. «Мага» было решено убить. Что и было сделано.

Отношения нацистов и масонов были не однозначными. В польской прессе писалось: «Говорят, что Гитлер преследовал в Германии масонов, только каких?» Автор утверждал, что еще в 1919 году Гитлер был посвящен в масоны священником Бернардом Штемпфле. Позже тот правил текст «Майн кампф», исправляя стилистику «фюрера»¹.

Югославский исследователь З. Ненезич в книге «Масоны в Югославии» также поднимает этот вопрос. «Известно,— пишет он,— о влиянии на Гитлера «Протоколов сионских мудрецов» в смысле выработки им антисемитских взглядов. Однако менее известно, что некоторые немецкие «свободные каменщики» оказывали Гитлеру решительную поддержку в то время, когда германская «рабочая» партия представляла собой лишь горстку «безумных сторонников еще более безумных вождей». За спиной партии Гитлера стояло объединение Туле, самая мощная тайная организация в Германии, корни которой кроются в «Германском ордене», в отделения которого по всей стране проникали масоны»².

Среди иностранных масонов-антисемитов, финансировавших Гитлера, Ненезич отметил Генри Форда, который передавал нацистам сотни тысяч долларов на их антисемитскую деятельность. При этом Генри Форд, основатель автомобильной династии, ухитрился слыть «своим» в ложах, наиболее близких по профилю к сионистским. В 1894 году он получил степень мастера в ложе Палестины № 357, а затем до самой смерти (1947 г.) состоял в ложе Сион № 1 (!). (Данные из книги Юргена Холторфа «Молчаливое братство», Мюнхен, 1984³.) Кстати, Генри Форд говорил об упо-

¹ Жечивистость. 1985. 2. 06.

² *Nenezic Z. Masoni u Jugoslaviji (1764—1980)*. Beograd, 1984. P. 73, S. 174—175.

³ *Holtorf J. Die verschwiegene Bruderschaft*. München, 1984.

мянутых выше «протоколах» как подлинных и утверждал, что их текст «обнаруживает слишком глубокое знание тайных пружин жизни, чтобы быть простым обманом». Отмечая, что Гитлер запретил в конечном счете масонство, Ненеич подчеркивал: «В то же время часть немецких масонов находилась у вершин власти «третьего рейха». Военная контрразведка Канариса была местом их наибольшей концентрации. Гитлер особо активно использовал масонские каналы в политической игре с Англией и Францией»¹.

Экономическое проникновение Германии в Югославию, добавляет югославский автор, тоже шло с использованием масонских путей «братской солидарности». Благодаря этому многие «свободные каменщики» спасли свои головы, когда немецкие войска оккупировали европейские страны².

Укрепившись у власти, Гитлер не торопился ликвидировать структуры каменщиков. Он отдавал себе отчет в том, что среди них были его союзники. Западногерманский историк Нойбергер в своей работе «Масонство и национал-социализм» подмечал, что «антимасонская позиция Гитлера никогда не была столь серьезной, как его антисемитизм. В масонах он видел просто конкурентов». Была и другая причина: «Старопрусские ложи открыто выступали в поддержку правых радикалов»³. Так автор стыдливо назвал гитлеровцев.

Вот почему, несмотря на крики об «иудейско-масонском заговоре», гитлеровцы терпели масонов более двух лет после прихода к власти. И лишь затем Гитлер настоял на «добровольном» самороспуске масонских лож. Так, старопрусские ложи самораспустились 21 июля 1935 года. Ложи с особым статусом — «Великая земельная ложа Саксонии» в Дрездене и Великая ложа «Германская братская цепь» за-

¹ Nenezic Z. Op. cit. P. 73.

² Ibidem.

³ Neuberger H. Freimaurerei und Nationalsozialismus. Hamburg, 1980. S. 162, 166, 250.

вершили «самороспуск» к 10 августа того же года. А престижная гамбургская ложа, первая немецкая ложа, в которую были приняты Фридрих II, герцог Брауншвейгский, барон Штейн, основатель рейха кайзер Вильгельм I и его сын Фридрих III, была закрыта в «установленном порядке», в присутствии «господ из гестапо», причем протокол закрытия и речь великого магистра ложи Рихарда Брёзе были опубликованы в газете «Гамбург тагеблатт».

Гитлеровцы конфисковывали ритуальные предметы лож, в том числе черепа и кости, устраивали пропагандистские выставки, показывая, какими «страшными вещами» там занимались. Но до последнего момента не трогали наиболее дружественные им ложи храмовников «строгочина» и другие центры, с которыми сами были теснейшим образом связаны. Основной удар наносился по масонам левых и либеральных убеждений. О масштабах репрессий можно судить по официальным данным масонов ФРГ, опубликованным западногерманским автором Холторфом*.

Из 80 тысяч германских масонов в период с 1933 по 1945 год пострадали 4800, то есть 6 процентов. Стоит привести список, уточняющий, в чем состояли репрессии. Вот как дает его Холторф:

«1750 умерли естественной смертью (?!). 62 убиты. 238 изгнаны из страны. 133 пропали без вести. 254 потерпели материальные убытки. 377 лишились мест работы. 285 были вынуждены сменить профессии. 53 попали в концлагеря»¹.

Вряд ли можно сравнивать эти потери масонов с тем, что выпало на долю активных антифашистов (среди масонов,

* Свою книгу «Молчаливое братство» он написал как журналистское исследование. На самом деле — это труд, имеющий целью подправить авторитет масонства, подорванный скандалом с ложей «П-2» в Италии, разоблачениями Стивена Найта в Англии и другими публикациями. Холторф не раскрывает свой титул — он один из гроссмейстеров западногерманского масонства. Тем любопытнее данные, которые он приводит.

¹ *Holtorf J. Op. cit. S. 93—94.*

по данным Холторфа, «активное сопротивление оказали 44 человека»). Вместе с тем гитлеровцы очень внимательно изучали архивы масонов, их библиотеки, с целью, как говорилось в приказе «фюрера» от 1 марта 1942 года, «выявления интересующего материала», причем эта задача была возложена на специальный штаб, которым руководил «рейхс-министр оккупированных Восточных территорий» Альфред Розенберг.

Интерес, который проявляли Гитлер, Розенберг и другие к масонским материалам, был весьма своеобразен. Главный теоретик расизма нацистов, порицая масонство, тем не менее, по словам историка Нойбергера, видел в нем «продукт благородного движения, которое в силу расплывчатости идейных концепций превратилось в орудие «интриганов». Нойбергер отмечал стремление Розенберга «подобрать ценности масонства и поставить их на службу собственной идеологии»¹.

Известно, как, оккупировав в 1940 году Францию, гитлеровцы рьяно стали регистрировать тех, кто был связан с масонством. Они поставили под контроль 170 тысяч французских граждан. Им помогало вишистское правительство Петэна. 13 августа 1940 года оно объявило масонство распущенным. 6 тысяч человек было допрошено, около тысячи — вывезено в концентрационные лагеря. Из них умерло и было расстреляно, по данным французских историков, 540 человек.

Бывший гауляйтер Раушнинг так излагал точку зрения Гитлера на масонство: они опустили «до почти безвредного союза по взаимной защите интересов». «Но есть один опасный элемент, который я позаимствовал от них. Они развили эзотерическую доктрину, и не только сформулировали ее, но передали ее через посредство символов и таинственных обрядов... То есть не напрягая свои мозги, а работая непосредственно над воображением через символы

¹ *Neuberger H. Op. cit. S. 62—63.*

магического культа. Таков этот опасный элемент, который я перенял». Гитлер добавил: «Не кажется ли вам, что наша партия должна иметь именно такой характер? Она должна быть орденом, вот что. Орденом, иерархическим орденом гражданского духовенства»¹.

Многие масонские функционеры чувствовали себя неплохо в условиях «третьего рейха». В оккультном бюро СС «Аненэрбе» работали руководители Туле, а также берлинского ордена, которым руководил садист и извращенец Кроули. Сюда подключилась и особая группа, работавшая под непосредственным руководством профессора Хаусхофера. Она изучала, если так можно выразиться, возможность создать мутацию арийской расы, которая могла бы выделять из своего тела «гигантские излучения энергии». Группа носила масонский характер и имела название «Светящейся ложи». Она вдохновлялась уже упоминавшейся книгой Булвер-Литтона «Грядущая раса».

Для того чтобы оправдать маниакальные установки Гитлера, в которых угадывается смесь ницшеанских идей о «сверхчеловеке» с восточными понятиями о «повторяющемся существовании» и которые вдохновлены основным тезисом о мировой власти «избранных», его оккультные центры усердно бились над проблемой создания расы «сверхлюдей». И эсэсовцы пользовались при этом атрибутами масонской мистики.

Для краткости «Светящуюся ложу» переименовали во «Вриль». Этим словом у индусских мистиков (и в книге Булвер-Литтона) именуются гипотетические источники энергии в организме человека.

Члены «Вриль» часами сидели над семенами растений и разрезанными яблоками, «проникаясь» их энергией. Своих знахарей нацистам казалось мало, и они обратились за помощью к средневековым обществам ряда стран Востока. Хаусхофер пригласил на помощь членов «Общества Зеле-

¹ *Ravenscroft T. Op. cit. P. 175.*

ного дракона» из Японии, в котором состоял, когда жил в этой стране. Были мобилизованы секты буддистов из Тибета, которые, по утверждению Хаусхофера, ориентировались на нечистую силу. Профессор организовал несколько экспедиций в Тибет, чтобы отыскать адептов секты, поклоняющейся силам зла, так называемой Агартти, имя которой называлось на Нюрнбергском процессе. Другая школа Тибета — Шамбала не дала согласия сотрудничать с нацистами. А ламы секты Агартти прибыли в Берлин, чтобы мобилизовать «космические силы зла» в помощь Гитлеру в войне против Советского Союза.

«Вриль» и секту Агартти, известную среди эсэсовцев как «Общество зеленых людей», включили в «Аненэрбе». Все вместе они образовали эсэсовский «Черный орден». Ведущие кадры его имели своим символом «Мертвую голову» («Тотенкопф»). Их и руководителей гестапо обязали посещать курсы медитации, трансцендентализма и магии.

Исследовательской частью ордена руководил близкий друг Хаусхофера профессор Вирст, эксперт по восточной философии, преподаватель санскрита в Мюнхенском университете. Вирст и его люди, в частности, изучали локализацию «индо-германской расы», ее характеристики. Не забудем — ведь нацистам предстояло вернуться на «прародину», чтобы оттуда владеть миром!

Традиционные масонские каналы не были забыты даже в самый разгар второй мировой войны. Вспомним, что ведущих германских мистиков, включая Хаусхофера, связывали нити «братства» с «матерью всех лож» — Англией.

Хаусхофер считал, что не стоит сжигать мосты отношений с англичанами. С Англией и Францией нужно вести лишь показную, «странную войну», тогда как настоящую войну, на истребление и уничтожение, необходимо вести с Советской Россией, с «большевизмом». Поэтому перед самым броском на Советский Союз почитатель Хаусхофера — Рудольф Гесс совершил на первый взгляд весьма экстравагантный шаг. 10 мая 1941 года на личном самолете он пе-

релетел в Англию. Гесс приземлился на юге Шотландии, вблизи имения лорда Гамильтона, и отрекомендовался как капитан Хорн. Но затем был опознан и арестован англичанами.

Гесс считал себя потенциальным, вторым после Гитлера, вождем Германии, а в будущем — всего западного мира. Как и его учитель Хаусхофер, он считал возможным раздел мира между немцами и англо-саксами. Вряд ли он мог предпринять свою поездку без молчаливого согласия другого столпа режима — Гимmlера, да и самого Гитлера.

Сын Гамильтона, Джеймс Дуглас, к которому направился Гесс, отмечал: «Еще во время западного похода в июне 1940 года Гитлер и Гесс имели однажды длительную беседу, и последний сказал позже лорду Саймону, что идея полета в Англию возникла именно в то время... С Англией должен быть заключен мир, с тем чтобы обе нации могли повернуться против России, которую Гесс называл «врагом Европы»¹.

Джеймс Дуглас Гамильтон так излагает условия сделки, разработанные при участии идеолога «Туле» Хаусхофера и привезенные Гессом его отцу:

«Он (Хаусхофер) стремился добиться соглашения с Англией, прежде чем будет атакована Россия. Но Англия должна признать немецкие интересы в Центральной Европе... Учитывая тот факт, что для Великобритании путь в Индию должен быть, безусловно, сохранен, необходимо признать особую заинтересованность Англии в восточной части Средиземноморья и Ближнем Востоке. С другой стороны, Германия должна сохранить свои особые интересы в юго-восточном европейском пространстве. Урегулирование восточной границы будет рассматриваться Германией как чрезвычайная проблема, которую необходимо решить прямо заинтересованными государствами, без участия других наций. Не должно быть никаких сомнений, что следует ис-

¹ *Hamilton J. D. Geheimflug nach England. Dusseldorf, 1973. S. 100.*

пользовать возможность мирной конференции о реорганизации Европы...»¹

Гесс фактически предлагал Англии союз для расчленения СССР и раздела мира. К сделке предполагалось подключить и США. Вот как излагал со слов Гиммлера общие черты такого сговора сподвижник рейхсфюрера СС Керстен. Пространства России «должны быть расчленены и поставлены под руководство Германии, а также Великобритании и США после того, как эти нации объединятся с Гитлером. Германия тогда будет контролировать районы до Оби. Англия должна получить район между Обью и Леной. Американцы — области восточнее Лены, включая Камчатку и Охотское море». Как говорил Гиммлер Керстену, «Германия не собирается лишать Англию статуса великой державы. Англия должна быть одним из краеугольных камней новой германской Европы»².

Таковы были широко идущие планы, связанные с полетом Гесса в Англию. Сам он был убежденным сторонником сговора.

Сын «геополитика» Хаусхофера Альберт так излагал кредо Гесса: «Должно быть ясно, что дальнейшее ведение войны будет самоубийственно для белой расы... Только при тесном германо-английском сотрудничестве можно гарантировать мировые позиции и безопасность против советской Евразии»³.

Гесс должен был убедить англичан не реагировать слишком сильно на начало войны на Восточном фронте. Перелет ближайшего сотрудника Гитлера был предназначен показать англичанам, что продолжение «Мюнхена», попустительство гитлеровской агрессии по-прежнему в их интересах. А в качестве одного из способов убеждения рассматривались и масонские каналы. По поручению Хаусхофера швейцарский дипломат и писатель Карл-Якоб Буркхардт до это-

¹ *Hamilton J. D. Op. cit. S. 168.*

² *Fraenke H., Manvell R. Himmler. Berlin, 1965. S. 159.*

³ *Hamilton J. D. Op. cit. S. 170.*

го проводил встречи с лордом Гамильтоном*, и тот поощрял намерение нацистов «продолжить разговор». Впрочем, сам Гесс познакомился с Гамильтоном во время Олимпийских игр в Берлине в 1936 году.

На Нюрнбергском процессе было сделано все, чтобы не допустить огласки содержания переговоров. А самому Гессу обеспечили версию о невменяемости. И в тюрьме Шпандау он пережил многих из своих покровителей.

Несмотря на то что англичане были вынуждены заключить посланца Гитлера под стражу, нельзя сказать, что его зондаж остался без последствий. Он, кстати, не был первым (еще в феврале того же года фон Хассель предпринял зондирующие шаги в отношении британского дипломата, затем германский посол в Мадриде Штамер провел беседу с послом Великобритании Самуэлем Хором).

Перечень розыгрышей гитлеровцами масонской карты был бы, однако, неполным, если не упомянуть об одной, исключительно острой, авантюрной операции, в центре которой был человек, имевший высший масонский титул Великобритании,— герцог Виндзорский.

Речь идет о бывшем короле Эдуарде VIII (1894—1972), Великом магистре британского масонства. Брак с дважды разведенной американкой заставил его покинуть трон, продолжить свой жизненный путь уже в качестве герцога.

* Упомянутый К. Буркхардт с начала 30-х годов — активный деятель Международного Комитета Красного Креста (МККК). В 1935 году он возглавил группу МККК по политзаключенным. С разрешения гестапо совершил во главе комиссии МККК поездку по Германии, посетив ее концентрационные лагеря, включая Дахау. Вскоре стал вице-президентом Красного Креста. Фигура эта недостаточно изучена. Сохранились сведения о том, что Буркхардт осенью 1942 года просил Гимmlера о личной встрече. Он же помогал скрывать от мировой общественности факты массового истребления евреев и других национальных групп в лагерях гитлеровского уничтожения. После войны изъясил из архивов МККК документы (видимо, они могли бросить на него тень).— Guardian. 1988. August 27.

Считал ли Эдуард свое удаление с престола справедливым? Мечтал ли о возвращении на престол? Есть некоторые основания полагать, что такие мысли могли приходиться ему в голову. Личность герцога была весьма причудливой. Ему нравились авторитарные методы, сильные режимы, расовая иерархия. Он не скрывал, например, своих симпатий к нацистам, совершал визиты в фашистскую Германию. Одна из фотографий запечатлела его рядом с Гитлером.

Гитлеровские агенты организовали подходы к герцогу и герцогине в Испании и Португалии, рекомендуя им «продолжить отдых» на Пиренейском полуострове и подождать с возвращением на родину, которого добивались британские власти, заподозрившие недоброе. Разведки Германии и Англии обменивались ударами, пока строптивого герцога не удалось вернуть на родину. Но и там он оставался запасным козырем нацистов, оставленным для «лучших времен».

Вот как обрисовал Гитлер в секретных заметках свои планы использования герцога Виндзорского:

«Окончательная победа» Германии положит начало политике длительного примирения с Англией. Королем будет немецкий ставленник герцог Виндзорский. С ним заключат договор о дружбе на все времена. Риббентроп, освобожденный от должности министра иностранных дел рейха, станет «генеральным уполномоченным и советником» английского короля и получит титул английского герцога»¹.

Остается сказать несколько слов и об «историческом» союзнике гитлеровской Германии — Италии, в которой фашизм утвердился на десятилетие раньше, чем в Германии. О контактах Муссолини с правым крылом итальянского масонства — «площадью Иисуса» — мы уже упоминали. Фашистский диктатор был удостоен «почетной», 30-й степени масонства, то есть той же, какой пользовались савойские монархи.

¹ Toland J. Adolf Hitler. Gladbach, 1977, S. 571—588.

Что касается либерального крыла масонства — «дворца Джустиниани», то, запретив его деятельность, Муссолини, кроме всего, мстил и за отказ в оскорбительной форме со стороны «дворца» удовлетворить его просьбу быть принятым в ложу «Андреа Ринончини» в Луго-ди-Романья в годы его молодости.

По данным итальянских масонов, иерархи итальянского фашизма — Бальбо, Гранди, Боттаи, зять Муссолини Чиаино, всего 45 высших руководителей режима, состояли в масонских ложах, несмотря на официальное запрещение движения в 1925 году.

Как и у нацистов, здесь существовало свое «эзотерическое» ядро. Базируясь на «восточных» концепциях, оно колдовало над тем, чтобы причислить итальянцев «к избранным» и «озаренным», объявить их «детьми солнца». Главным теоретиком в области романской эзотерики и неофициальным советником Муссолини по проблемам расизма был барон Юлиус Эвола.

Перу Эволы принадлежали книги, названия которых говорят сами за себя, — «Миф крови», «Теория абсолютной личности», «Языческий империализм», «Доктрина расы». Ряд книг отражает влияние масонских идей, например «Герметическая традиция в ее символах, доктрине и «королевском искусстве» или же «Введение в магию как науку вашего «Я». Как и германцы, он занимался Граалем и толкованием буддизма на «арийский» манер. Этим вопросам посвящены его книги «Тайна Грааля» и «Доктрина пробуждения». Буддистская доктрина трактуется им, как, впрочем, и гитлеровцами, по существу, абстрагированно от действительных положений буддизма. Он видит в учении Будды лишь пособие по тренировке духа и дисциплины, средство попасть в число «достойных», которые могут быть причислены к лику «пробужденных» (от корня Будх — пробужденный, озаренный истиной. Отсюда имя Будды, которое принял индо-арийский принц Сиддхартха).

Эвола надолго пережил Гитлера и Муссолини. Еще в 70-е годы, в период разгула терроризма в Италии, он оставался идолом неофашистских «эзотерических» боевиков.

Так обстоит дело. Лишь на внешний взгляд «братство» выглядит антитезой тоталитарным и расистским теориям. На деле между ними протянута весьма прочная нить. От «избранности» она ведет к «сверхчеловеку» и «расе господ». Их роднит логика антикоммунизма, поклонение золоту, боязнь народа.

Мистик Равенскрофт, хорошо знающий доктринарные точки соприкосновения «белой» и «черной» магии каменищчества, в своей характерной манере признает:

«Космическое христианство Грааля... имеет одно общее свойство с нацистским поклонением антихристу». И добрые, и злые адепты должны пройти «сквозь тот же занавес» и «разделять видения и участие в тех же надчувственных мирах»¹.

Если так, то сохрани людей судьба от таких «надчувственных миров»!

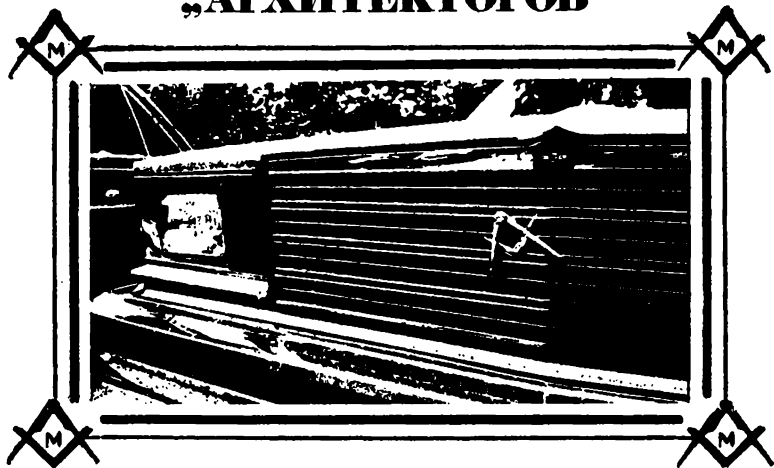
А теперь вспомним о «слугах дьявола», ламах, приглашенных поворачивать «силы космоса» против русских, Советского Союза. Что с ними было дальше? По мере того как «расу господ» стали громить под Москвой и Сталинградом, Курском и Белгородом, отношение гитлеровцев к «зеленым людям Агарты» становилось все хуже. Подобно тому как дикари наказывают плетью фигурки своих идолов, когда те не исполняют их молитвы, так и нацисты стали относиться к «дружественным посланцам темных сил» с нескрываемой злобой и презрением, они морили их голодом, посадили на паек концлагерей, и перед вступлением в Берлин советских войск мистические союзники Гитлера кончили с собой.

В этом был свой драматизм. Понимали ли они, в каком деле участвовали?

¹ *Ravenscroft T. Op. cit. P. 261.*

Глава 6

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ЗАБОТЫ „АРХИТЕКТОРОВ“

Заокеанский «большой брат» — «Демократическая монархия» — Доктрина «неограниченного вмешательства» — Тактика меняется, суть остается.

Наступила агония гитлеровского режима. В состоянии депрессии, перемежающейся моментами истерического подъема, фюрер сидел в подземном бункере под имперской канцелярией в Берлине, утешаемый Геббельсом, одним из немногих нацистских главарей, который сохранял ему верность.

В один из вечеров Геббельс напомнил Гитлеру о «чуде», которое позволило Фридриху II избежать последствий

поражения и сохранить престол в Пруссии. Министр пропаганды отыскал сходство в гороскопах Фридриха и Адольфа Гитлера. На некоторое время Гитлер пришел в неестественно приподнятое состояние духа, повторяя: «Судьба Фридриха... судьба Фридриха... Чудо... Чудо» Сообщение о смерти американского президента Рузвельта вызвало в бункере нацистов надежды на возможные раздоры между членами антигитлеровской коалиции.

Но Красная Армия с боями вступала в Берлин. Западные союзники СССР, до лета 1944 года выжидавшие хода событий, теперь, боясь, что Советский Союз один довершит разгром «рейха» и освобождение Европы, стремились наверстать упущенное.

Подвергались жестоким бомбардировкам города, куда должна была прийти Красная Армия. В частности, был опустошен лишенный крупных военных объектов Дрезден. Зато тщательно оберегалась военная кузница Гитлера — Рур. Еще в начале нападения Гитлера на СССР один американский сенатор заявил, что в случае, если будут одерживать верх немцы, надо помогать русским, а если дела обернутся иначе, то надо помогать немцам. «И пусть они убивают друг друга как можно больше». Теперь этот сенатор стал президентом США. Гарри Трумэн стремился пожать плоды семян, которые были посеяны им и его единомышленниками еще в начале войны. США должны были стать гегемоном, непререкаемым лидером всего мира. Ослабленные Англия и Франция не могли выступать конкурентами. Германия лежала в руинах. Единственным соперником могла считаться Россия, но потери ее были большими, победа Советам давалась исключительно высокой ценой. А теперь США могли рассчитывать и на сверхоружие — атомную бомбу. И не успели остыть угли военных пожаров, как началась перестройка политики Запада, в первую очередь США, против Советского Союза.

В конечном итоге не исключалась и война против недавнего союзника. Еще в августе 1943 года, при жизни Руз-

вельта, Управление стратегических служб США передало на рассмотрение высшего руководства страны «меморандум 121» о возможных «направлениях стратегии и политики в отношении Германии и России». Третьим пунктом значилось: «Попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, все еще управляемой нацистами или генералами».

Далее пояснялось: «Это, вероятно, приведет к завоеванию Советского Союза той самой могущественной и агрессивной Германией, которая объявила войну против России и против нас в 1941 году». Но выражались и сомнения: «Чтобы не допустить последующего господства Германии над всей мощью Европы, мы вместе с Великобританией будем обязаны после завоевания России Германией взяться еще раз и без помощи России за трудную, а может быть, невыполнимую задачу нанести поражение Германии».

Учитывалось, что в США и Великобритании «общественное мнение решительно мобилизовано против Германии». Наиболее реальным поэтому было сочтено добиваться поражения Германии, но вместе с тем «некоего урегулирования, враждебного интересам России».

«Меморандум 121» был подписан директором УСС генералом Уильямом Дж. Доннованом, утвержден Объединенным комитетом начальников штабов, высшим военным руководством США, и представлен на рассмотрение руководителей США и Англии. (Документ рассекретили только в 1978 году.)

Подготовлен документ был не случайно. Предстояла встреча Рузвельта и Черчилля в Квебеке, где решался вопрос о втором фронте. Три года подряд, вопреки обещаниям, союзники срывали его открытие. Советский Союз один нес главную тяжесть сражения с нацистской военной машиной, вобравшей в себя мощь индустрии завоеванных Гитлером европейских государств. Он не только не дрогнул, а нанес гитлеризму тяжелые, решающие поражения. Победа под Сталинградом была поворотным пунктом мирового

конфликта. Надежды генерала Доннована на «третий вариант» выглядели беспочвенными. Вот почему, вопреки сопротивлению англичан, на встрече было, наконец, решено начать в 1944 году операцию «Оверлорд» — высадку массового десанта в Северной Франции. Принятие решения об открытии второго фронта не означало, однако, отказа от сепаратных контактов с гитлеровцами, которые продолжались чуть ли не до самого последнего момента.

Характерно, что даже когда Муссолини был казнен партизанами, а фюрер думал о самоубийстве, его подчиненные продолжали возню с «копьем Лонгина» и реликвиями германских императоров. В Нюрнберге, где для хранения «мистического талисмана» были оборудованы специальные подземные убежища, эмиссары Берлина перетаскивали реликвии с места на место. Операции эти были засекречены до абсурда, исполнители действовали разрозненно, пока совсем не перепутали, что куда нести. «Копье Лонгина» из-за своего не очень внушительного вида оказалось на виду, тогда как более роскошные предметы из ограбленного гитлеровцами Хофбургского музея были запакованы в ящики и приготовлены к отправке в тайники.

Картина была фантазмагоричной: кругом все рушилось, дымилось. В Берлине шли бои. Немцы вывешивали белые флаги. Страна освобождалась от кошмара, в который погрузили ее гитлеровцы. А где-то в подземельях бегали посланцы фюрера, перепрятывали обломки копья, около которых он некогда задумал покорить мир.

И все же Гитлер и Геббельс строили свои отчаянные расчеты на определенном знании психологии влиятельных сил на Западе: те, действительно, пытались спасти гибнущий режим, использовать остатки германских армий против страны социализма. Старая логика побуждала их перенять у нацистов антикоммунистическую эстафету, попытаться довершить то, на чем гитлеровцы надорвались.

Для этого, как им казалось, они располагали монопо-

лий на невиданное оружие, оружие апокалипсиса. 6 и 9 августа 1945 года две американские атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Они, собственно, адресовались уже не столько японцам, сколько Советскому Союзу. Для Трумэна и его окружения бомба была символом могущества, которое казалось им безмерным, пьянило, кружило голову. Имея такое средство массового уничтожения, можно было надеяться и на скорое уничтожение Москвы, «красных», готовиться к расправе над миром социализма*.

Соображения морали, годы коалиции, совместной борьбы против гитлеризма, жизни сотен тысяч мирных жителей Японии, погибших от «показательных бомб», — все это отходило на задний план перед нетерпеливой дрожью новых «конкистадоров», современных крестоносцев. С приходом Трумэна к власти все страны Западной Европы почувствовали особый металл в тоне Вашингтона. Новые отношения, которые Вашингтон навязывал союзникам, были отношениями командования и подчинения. Перемены коснулись и масонских организаций.

Европейские «братья» становились «малыми», не исключая и самих законодателей «шотландского ритуала», группировавшихся в Лондоне. Роль «большого брата» окончательно переходила к американскому масонству в лице Северного и Южного округов США, которые действовали рука об руку. Ослабленные в результате наци-фашистской оккупации европейские «каменщики» должны были стать более покладистыми, расстаться с либеральными иллюзиями.

Масонский механизм оказался, таким образом, незамеченным для использования его в качестве одного из каналов для манипуляций общественным мнением, для координации

* Любопытная деталь: «копье Лонгина» в это время находилось в руках Трумэна, его доставил в США Эйзенхауэр. Позже реликвию вернули Австрии.

действий различных, внешне несовместимых отрядов в общей борьбе с «противником» — партиями трудящихся внутри страны, Советским Союзом и его союзниками — в международном плане.

Мы далеки от мысли, что те или иные действия империалистических держав диктовались постулатами масонства, что те или иные руководители этих стран поступали соответствующим образом только потому, что были «каменщиками». В то же время стоит ли забывать, что Трумэн, Черчилль, Маршалл и ряд других видных деятелей действительно по большей части состояли в масонстве? Что их воззрения «каменщиков» не мешали творить то, что они творили? *

Поворот к распространению власти США в глобальном масштабе сопровождался повсеместной перегруппировкой масонских колонн, их чисткой от «либеральных» элементов, созданием «штурманских», потаенных лож типа «Пропаганда-2» и других невидимых образований. Процесс этот не был безболезненным. «Европейскую карбонаду» надо было заменить объединенной армадой, послушной сигналам из США. Необходимо было повернуть к новым целям большие отряды и там, где сильны были антиамериканские чувства, особенно в Латинской Америке, во многих развивающихся странах. Причем американские установки надлежало

* Любопытно привести список наиболее ценных «заслуг» Трумэна так, как они изложены в статье органа масонов США журнале «Эмпайр стейт мейсон» к 100-летию со дня рождения президента:

«Обожаемый Мастер, Брат Трумэн стал 33-м президентом США и 13-м членом Братства на этом посту.

За этим последовали волнующие годы, завершение второй мировой войны, включая атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки... объявление доктрины Трумэна для Греции и Турции, за которой последовал план Маршалла, признание нового государства Израиль, берлинский авиамост, заключение Североатлантического договора... корейская война, а также холодная война, которая отбросила свои ледяные угрозы на события, происходившие в большую часть пребывания его во главе администрации США»,

довести до «масонского народа» в той форме и кодах, к которым масонство было приучено за ряд столетий.

Вот как объяснял мне эти цели латиноамериканский журналист, весьма преданный идеалам масонства. Беседа происходила в конце 70-х годов, но вряд ли с той поры что-либо радикально изменилось.

«В настоящее время «Большая масонская ложа», стоящая во главе масонского движения стран Латинской Америки и включающая многих ее президентов, министров, руководителей ведущих партий, проповедует включение в «земную ось Восток — Запад».

На просьбу изложить эту идею более понятным языком мой собеседник объяснил: «Восток» — это, так сказать, первая историческая земля обетованная, а точнее — Израиль. А «Запад» — вторая земля обетованная, современная, а именно — Соединенные Штаты.

Каковы задачи включения в «земную ось»?

— Борьба с влиянием Зла, которое угрожает великой земной оси.— Увидев мое выражение лица, журналист улыбнулся и продолжал: — Видите ли, земная ось, то есть Восток — Запад, а еще точнее — Израиль — США, это, так сказать, олицетворение Добра. А то, что этому мешает, а сюда входит многое, но прежде всего то, что в ложах называют «опасностью неистинного влияния», то есть влияния материалистических, коммунистических идей, подлежит устранению. Наше движение под руководством «земной оси» стремится «вселить людям новую душу», «очистить Землю от Зла».

Я обратил внимание собеседника на то, что пытаться все подчинить влиянию Соединенных Штатов в условиях Латинской Америки вряд ли реально. Есть традиции национально-освободительного движения, такие примеры, как Боливар, Хосе Марти, Сандино, Альенде, традиции революционного, антиимпериалистического движения, в котором участвовали и масонские авторитеты. Если даже кто-то в Вашингтоне оценивает убийство Альенде и уста-

новление фашистской диктатуры Пиночета как победу Добра над Злом, то можно ли в этом убедить тех, кто испытывает на себе последствия диктатуры? *

Собеседник был заметно взволнован. Я подумал, что мои аргументы как-то повлияли на его точку зрения. Оказывается, причина была в ином. Он объяснил, что я просто не понимаю саму сущность масонства.

— Вы привыкли к политическим меркам. Альенде — левый, Пиночет — правый. А важнее другое — в нашем движении каждый, независимо от ориентации, стремится к максимальному совершенству в своей области. Если левый — то он может быть революционером, добивающимся успеха, а если, как вы говорите, правый, то он — выдающийся диктатор. И то и другое может быть важно для движения. Важно оставаться верным движению, даже там, где ощущается враждебность к нашим целям.

Значит, заметил я, возможны случаи, когда вы работаете в противоположном вам лагере?

— Почему бы и нет? Важно контролировать любое движение, которое имеет будущность, чтобы потом исправить неистинное влияние на истинное. Более того, братья могут пойти на подвиг любым путем, даже формально изменяя себе и своему пути.

Можно предположить, что нечто похожее происходит в ряде стран, скинувших путы колониализма, где масоны-руководители сохраняют связь со структурами неоколониализма. Можно распространить мысль и на ряд явлений в национально-освободительных движениях, когда на сце-

* Как выясняется, Сальвадор Альенде недооценил опасность переворота, который готовил Пиночет, полагая, что масонская этика (оба они были «каменщиками») не позволит генералу покушаться на власть (и жизнь) законно избранного президента Чили. «Мне рассказывали, — свидетельствует в интервью журналу «Пуэн» бывший Великий магистр «Великого Востока Франции» Роже Лерэй, — что Альенде перед путем повторял, что может доверять Пиночету, поскольку оба принадлежат к одной, масонской организации». — *Le Point*. № 832. 29 août 1988. P. 77.

ну выходят умеренные, реформистские или откровенно прозападные тенденции.

Вполне возможно, даже определенно, что среди масонов есть лица, придерживающиеся искренних левых убеждений. Дисциплина движения, видимо, ставит людей перед глубоким кризисом, порождает в их душах двойственность. И тех, кто проявляет колебания совершить «подвиг любым путем», могут и устранять, как помеху «движению», в том числе и физически.

Проблема отношений между масонством и левыми движениями, в том числе социалистическим и коммунистическим, возникла, конечно, не сегодня. Далее мы остановимся на ней особо. А пока продолжим разговор о противоречии, которое возникает между постулатами масонства либерально-радикального толка, его «освободительными» тезисами и той практикой, когда большие его отряды (США, Западная Европа, Латинская Америка, Австралия и т. д.) обречены на слепое следование в фарватере империалистической политики. Такая практика не могла не породить брожения в рядах масонов.

Европейское масонское движение она лишала значительной части ореола, окружавшего его в прошлом. Еще более она обедняла внутреннюю жизнь, снижала его притягательность для деятелей культуры. Все больше людей стали смотреть на «братство» главным образом как на инструмент карьеры, служения могущественным интересам ради денег.

Это наложило отпечаток и на область, которую масонство особенно ставит себе в заслугу — область борьбы за права человека. Если довоенная Лига защиты прав человека и гражданина при всех своих колебаниях была организацией буржуазного радикализма, то масонские лиги послевоенного времени приобрели настолько прикладной характер служанок при крупнейших олигархиях в их борьбе против идей социализма, что даже не возникает каких-либо подозрений относительно того, кто их содержит, оп-

лачивает, направляет. А когда их при этом возглавляют, как это имело место в Италии, ближайше сподвижники фашиста Джелли, то моральная их роль сводится к нулю, если вообще не к отрицательной величине.

Неискренность их особенно заметна, если посмотреть, что они делают для обличения действительных нарушений прав человека, ежедневно, ежечасно совершаемых в разных частях земного шара империализмом и его наемниками. Напрасно ожидать от них осуждения «черного масона» Пиночета, деяний Шарона и Бегина, зверств военных хунт в Латинской Америке. В лучшем случае они ограничатся легкими порицаниями тем, кто проводит в ЮАР политику апартеида.

Идеологи масонства не затрудняются поисками преодоления социальной несправедливости. Наоборот, они внушают мысль о плодотворности деления мира на богатых и бедных, «элиты» и человечества «второго сорта». В центр общества, во главу угла они ставят крупного собственника, утверждая своего рода теократию богатства. В лучшем случае, предпочитают слегка упомянуть о необходимости для «элиты» быть «лучше подготовленной», отвечать своим задачам, а не просто развлекаться за рулеткой и на модных пляжах. Каждый автор придумывает свою «модель», которая оправдывала бы имущественные и управленческие, политические и социальные привилегии правящих кругов.

Мишель Понятовский в труде «История свободна» стремится, например, обрадовать капиталистов тем, что «исторического детерминизма нет» и что «история свободна», но не в смысле своей самостоятельности, а, наоборот, в смысле зависимости от тех, кто правит: «она находится в сфере действия нашей воли», ею, стало быть, можно вертеть. Бывший французский министр, отпрыск знатной польской семьи, требует пересмотреть вопрос об «элите», но как? «Понятию элиты следует придать прежнее значение (?!), то есть понимать под ней прослойку «лучших из

лучших», отобранных действием конкуренции во всех областях человеческой деятельности»¹.

И хотя знатный автор утешает читателя, что речь не пойдет о возвращении к палеокапитализму или раннему феодализму в том, что касается «прежнего значения» слова «элита» (наоборот, «сложность общества и его структур обусловит формирование большого количества элит»), но итог таков, что все они будут обслуживать его величество капитал. «Центральное место в экономических структурах должны занимать транснациональные корпорации — ТНК»².

Другой автор, Ив Каннак, в книге «Справедливая власть: очерк о двух путях развития демократии» на примере Франции приходит к малоутешительному выводу о весьма монархической концепции «демократии» в своей стране. Здесь, по его словам, господствует «модель, характеризующаяся засильем политической и политико-административной элиты», своего рода «гегемонистская демократия». У этой модели есть «тенденция рассматривать себя как высшее проявление демократии, и в конечном счете поступать по принципу — «противодействовать мне значит противодействовать самой демократии»³.

Если освободить здание, которое пропагандируют «строители храма Соломона», от лишних декораций и лозунгов, то перед нами предстанет перевязанный фартуком «каменщиков» клубок монополий (как ТНК, так и менее крупных), допущенных в храм мировой финансовой олигархии.

Денежные мешки здесь нередко соударяются. Их владельцы хватают друг друга за горло и застывают в смертельных объятиях. Но главное мерило, основной бог и

¹ *Poniatowski M.* L'Histoire est libre. Paris, 1982. P. 65.

² *Ibid.* P. 199.

³ *Cannac I.* Le juste pouvoir. Essai sur les deux chemins de la démocratie. Paris, 1983. P. 10.

царь, автократ — один. Это — богатство. Богатые — вот сверхэлита, освященная «отбором естественной конкуренции». Той самой, которая ведет сейчас борьбу против идей, подразумевающих уважение к достоинству человека труда.

В масонстве лидируют представители высшего слоя современной буржуазии. И оттого в нем отражены многие процессы, которым подвержено развитие капиталистического класса и его правящих структур за последние десятилетия.

Это прежде всего физическое сращивание монополий и государственной власти. Наиболее разительный пример дает миграция одних и тех же людей, будь то Маккоун, Кейси, Уайнбергер, Хейг и иные деятели, с постов руководителей той или иной, чаще всего связанной с военным бизнесом, монополии на натовские вершины, либо в руководство ЦРУ, или же во внешнеполитический аппарат США.

Однако основные свои дела они решают вдали от прожекторов гласности. Все эти финансовые колоссы, капитаны крупнейших монополий предпочитают встречаться в закрытых клубах типа «Боэмиен» в США, «Сёркль» в Западной Европе, модных клубах «Лайонз» и «Ротари» (в последний входит около миллиона человек). Они, надвинув капюшоны, торжественно восседают на недоступных для профанов собраниях масонской верхушки. Если того требует дело, стекаются в аристократические отели, расположенные в экзотических местах. Вряд ли кто заподозрит, что там они решают исключительно проблемы своего духовного «совершенствования», проводят обмен мнениями об истории обрядов «каменщиков».

Но именно там, в удалении от шумливого внешнего мира, предрешаются многие события на международной арене, закладываются основы шагов, которые имеют целью расширить и далее их могущество, меняются те или иные лидеры и тактика, вырабатывается смена стратегии.

В США фундаментальную роль в определении внешней политики играет могущественный Совет по международным отношениям (СМО). Он появился в 1921 году по инициативе дельцов Нью-Йорка и университетских экспертов, участвовавших в Парижской мирной конференции. Совет финансируется крупнейшими монополиями. С 1970 года его возглавил Дэвид Рокфеллер. В 1980 году он насчитывал 1948 человек. В его составе — Фрэнк Кари, президент ИБМ, Марк Шепард, президент «Тексас инструментс», Клифтон Говин, президент «Экссон», Ирвинг Шапиро, президент химического колосса «Дюпон де Немур», Кэтрин Грэм, президент газеты «Вашингтон пост», Лейн Киркланд, президент профсоюзного объединения АФТ — КПП. Пополняется Совет лишь по рекомендациям двух его членов и решению директора. Например, президент Картер не был сочтен достаточно весомой фигурой и не был включен в СМО.

Под патронажем СМО родились и действуют многочисленные комитеты, нацеленные на «неограниченное вмешательство» в международные дела. Совет сыграл решающую роль в рождении и трансформации крупнейших международных клубов богачей-политиков, таких, как Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия.

При всей пестроте и разноплановости комитетов, клубов, комиссий и других организаций, созданных по инициативе американского Совета по международным отношениям, ведущее их ядро, как правило, составлено из одних и тех же лиц, а ряд из них принадлежит к высшим категориям масонов-«шотландцев».

Эту особенность подметил в своей книге «Подлинные властелины мира» (советское название «Невидимые властители», издательство «Прогресс», 1983 год) Гонсалес-Мата, бывший работник ЦРУ. Он привел список лиц, которые после войны или в более позднее время играли ведущую роль в руководстве международной масонской сетью. Вот он:

«Аллен Даллес, основатель ЦРУ, директором которого он являлся с 1953 по 1961 год, адвокат руководителей американской мафии — Мейера Ланского и Лакки Лучано, франкмасон шотландского обряда.

Джозеф Ретингер, дипломатический советник польского эмигрантского правительства в Лондоне в годы второй мировой войны, секретарь «европейского движения», затем генеральный секретарь Бильдербергского клуба, франкмасон шотландского обряда.

Томас Брейден, руководитель внешнеполитического сектора ЦРУ, франкмасон шотландского обряда.

Уильям Доннован, бывший директор УСС — ЦРУ, франкмасон шотландского обряда.

Манлио Брозио, итальянец. Генеральный секретарь НАТО, франкмасон шотландского обряда.

Грэм Мартин, посол США в Италии, франкмасон шотландского обряда.

Фьорелло Ла Гуардиа, мэр Нью-Йорка, франкмасон шотландского обряда.

Гарри Трумэн, президент США, франкмасон шотландского обряда.

Джеральд Форд, президент США, франкмасон шотландского обряда.

Личо Джелли, руководитель ложи «Пропаганда-2» «Великого Востока» Италии, франкмасон шотландского обряда»¹.

Конечно, список этот можно было бы продолжать и далее, включив в него многих из тех, о ком упоминалось на наших страницах. Но отдадим должное автору книги «Подлинные властелины мира» — о роли Личо Джелли и связи его ложи с международным, главным образом американским, масонством он сигнализировал за три с лишним года до того, как вокруг «Пропаганда-2» разразился известный всем скандал.

¹ *Gonzalez-Mata L. Les vrais maitres du monde. Paris, 1979. P. 68.*

Какую мысль развивает в своей книге испанский автор, которому приходилось выполнять подрывные задания ЦРУ, в частности действуя «на стороне» левых экстремистов во время майских событий в Париже в 1968 году? Гонсалес-Мата считает, что созданные под прикрытием масонства некоторые международные «неправительственные» организации фактически явились и являются центрами разработки важных политических акций в интересах главным образом американского капитала, в том числе и самых острых, подрывных. К их числу он относит Бильдербергский клуб и Трехстороннюю комиссию.

Но мы не претендуем на «демонизацию» тех или иных институтов Запада. К масонству и всему с ним связанному мы относимся с постоянным учетом его исторического, политического, идеологического контекста. В том его живучесть и влияние, что оно меняет отдельные свои установки, по мере того как лица, определяющие дальнейшие шаги «каменщиков», констатируют окончание одного этапа истории и начало иного, требующего новых средств и аргументов. Неизменными остаются глубинные устремления, тогда как одежды, тактика могут меняться.

Эксплицитную, провокационную роль, аналогичную той, которую гитлеровцы придавали обвинению болгарских коммунистов в поджоге рейхстага, империалистические силы отводили фабрикации обвинений в адрес Болгарии (и Советского Союза) в покушении на папу польского происхождения, совершенного турецким неонацистом Агджой 13 мая 1981 года.

ЦРУ и его фабрика дезинформации, куда входили журналистка Клер Стерлинг, бывший резидент ЦРУ в Турции и опекун организации «серые волки», к которой принадлежал Агджа, Пол Хенци, «советник» Хейга, близкий к ЦРУ Майкл Ледин и другие, активно подключили к антиболгарской провокации свою агентуру и через масонские ложи в Италии как на правительственном уровне, так и в секретных службах, где, как мы указали, был

создан специальный отдел, непосредственно подчинявшийся американцам. Там, в частности, подвизался заменивший Личо Джелли во главе американского сектора итальянского масонства Франческо Пацвенца. Будучи арестованным в США за жульнические операции, Пацвенца стремился отвести от себя обвинения в обработке Агджи, выступить «обвинителем». Однако он тем не менее признал, что «дело Сергея Антонова» состряпано Вашингтоном и в начале 1986 года перед самым бесславным концом римского процесса заявил, что агент ЦРУ Майкл Ледин был одним из дирижеров антиболгарского концерта*.

В 1986 году Пацвенца, бежавший в США от правосудия, был выслан в Италию, где вместе с сообщниками проходил по процессу о взрыве вокзала в Болонье (2 августа 1980 г.). Он и его друзья из СИСМИ, чтобы выгородить подлинных организаторов взрыва, подбросили чемоданчик со взрывчаткой в один из поездов, оповестив сыск. В чемодан были подложены иностранные журналы, с тем чтобы следователи взяли ложный след и искали преступников за границей.

Болонский суд разобрался в механике преступления и роли в нем «братьев». В заключении суда говорится: «В Италии создалась невидимая власть. Благодаря связям с организованной преступностью, терроризмом, военно-политическими кругами, некоторыми секторами секретных служб и франкмасонством, а также благодаря умению использовать эти связи во всей совокупности, она смогла контролировать механизмы власти до такой степени, что превратилась в государство внутри государства».

Вспомним, что тот же Пацвенца являлся консультантом банкира Кальви. Причем представил его директору

* Позднее Ледин стал одной из ведущих фигур в скандале со спекуляцией оружием, предназначенным для Ирана, и финансированием отрядов «контрас», разбойничающих на границах Никарагуа («иран-контрасгейт»),

«Банко Амброзиано» не кто иной, как Скальоне, вице-президент «Чейз Манхаттан банк».

Чем кончились «консультации» Пацены, известно. Разоренный спекуляциями по продаже оружия банкир пригрязил разоблачениями бывшим друзьям-масонам и был убит. Убит и повешен в Лондоне под мостом «Черные братья». Вот ведь совпадение! Название «Черные братья» носила одна из престижных масонских лож Великобритании (№ 188), позже переименованная в ложу Кадоган (опять совпадение). Ведь это титул высшего (после герцога Кентского) руководителя британского масонства графа Кадогана. Начало его титула звучит так: «Истинный Почтенный Уильям Джеральд Чарльз, 7-й граф Кадоган, виконт Челси, барон Кадоган из Оукли и барон Оукли Квершем в Беркшире»*...

(За подписью Кадогана был разослан циркуляр о запрещении сообщать сведения о масонстве посторонним, особенно журналистам, когда Стивен Найт начал сбор материалов для книги «Братство».)

В США среди двух тысяч «богемцев» можно отыскать бывших президентов — Никсона, Форда, Рейгана, а также Киссинджера, Хейга, Рокфеллера, большое число руководящих лиц Пентагона и ЦРУ. Особо следует отметить Барри Голдуотера, кумира американских правых (при нынешнем поправении он уже не на самом крайнем фланге), а также Уильяма Бакли, идеолога «наступления на марксистов», главного редактора консервативного журнала «Нэшнл ревью», взявшего в свои руки одно время также и радиопропаганду на социалистические страны. К ним примыкает «отец водородной бомбы» Эдвард Теллер, ученый, вошедший в военный бизнес и повторяющий клич милитаристов «лучше быть мертвым, чем красным».

* В 1982 году его сменил на этом посту Файннес Нейл Уайкхэм, 3-й лорд Корнуоллиса.— См.: *Hamill T. The Craft, a History of English Freemasonry. London, 1986. P. 16.*

К «Боэмиен», которую называют «фабрикой американских президентов и государственных секретарей», примыкает питтсбургский клуб «Дукесне», где представлены крупнейшие корпорации типа «Дженерал моторс», «Рокуэлл интернэшнл», «Форд», «Гудийр», «Юнайтед стейтс стил», Рокфеллеры, Морганы, Меллоны *.

Правда, «богемцы» избрали себе изящное название «ассоциации мужчин, склонных к литературе, искусству, музыке и драме», но драматическое, даже катастрофическое направление до последнего времени преобладало. А девиз «богемцев» — «паукам здесь не место» прямо противоположен действительности. Именно здесь собралось паучье семейство, наживающееся на военных поставках, международной напряженности, конфликтах.

И хотя в созданных при их участии Трехсторонней комиссии и «Бильдерберге» сохранились умеренные представители капиталистического класса, голоса здравомыслящих в «Боэмиен» в последние годы часто заглушались во ем касс военных монополий, не успевающих подсчитывать дивиденды.

Что же касается Англии, то в связи с рассматриваемой нами темой интересен скандал с отставкой с поста министра обороны Майкла Хезлтайна в 1985 году, который во многом был вызван борьбой на рынке оружия, в частности на рынке военных вертолетов. Хезлтайн, в отношении которого конкуренты организовали утечку сведений, обиженно вернулся в масонские ложи и свой клуб «Карлтон», где рядом с ним заседают его заместитель по военным поставкам Джон Ли, председатель фирмы «Уэстланд», производящей вертолеты, лорд Олдингтон, директор банков «Нэшнл Вестминстер» и «Ллойдс». По своему влиянию на рынок сделок по вооружениям «Карлтон» может сравниваться лишь с расположенным в соседнем здании клубом

* К ним можно прибавить фешенебельные клубы «Никкербоккер» (Нью-Йорк), «Соммерсет» (Бостон), «Риттенхауз» (Филадельфия), «Метрополитен» (Вашингтон), «Сант-Сесилия сэсайэти» (Чарлстон).

«Атинэум», в котором заседают 14 директоров военно-промышленных компаний.

Небольшой постскриптум

Путь в элиту у многих известных американцев начинается со студенческих лет. Университеты США — кузница кадров олигархии. Юношей из «хороших семей» тщательно изучают, вводят в круг, подвергают многоступенчатым испытаниям, нередко весьма бьющим по психике, которые и решают выбор — будут ли они «под» или «над».

Воротами в мир богатых и преуспевающих являются и студенческие масонские братства. В своей книге «Апостолы двуликого Януса» А. Манаков рассказывает о методике отбора, общей для высших учебных заведений, особенно тех, которые считаются наиболее престижными, таких, как Гарвард, Массачусетс или Йель. Из их стен вышла едва ли не половина тех, кто составляет высшую часть «истеблишмента» США.

«В ложах, — пишет Манаков, — овладевают волей и разумом человека, изучают его привычки, наклонности, слабости, вкусы, способности, и лишь после того как он зарекомендовал себя абсолютным послушанием и выдающимися успехами в бизнесе и политике, перед ним открывают дверь из «плохо освещенной передней», как когда-то называл масонство один из его магистров, в «главный зал», куда допускают уже только самых избранных»¹.

В Йеле привилегированной кастой являются «костяшники», те, кто прошел особый обряд посвящения, когда испытуемого помещают в гробницу голым, причем насыпают туда золу и грязь, добавляют кости мертвецов. Юноша должен исповедоваться в своих грехах, сексуальных наклонностях, отрешиться от прежней жизни во имя той новой и блестящей, которую ему обещают. Генри Стимсон,

¹ Манаков А. М. Апостолы двуликого Януса. М., 1986. С. 23.

военный министр в правительстве Ф. Д. Рузвельта, утверждал, по свидетельству журналиста Р. Розенбаума, что опыт, полученный им в «гробнице», был самым впечатляющим его жизненным опытом. Через «гробницу» прошли упоминавшиеся нами У. Бакли и У. Банди¹.

Через «Череп и кости» (так называется тайная ложа Йельского университета) прошел Генри Люс, владелец крупнейших изданий США, а если взять и другие ложи университета — «Свисток и ключ», «Книга и змея», «Волчья голова», «Берцелиус» (всего их семь), то мы увидим среди их адептов таких известных политиков, как Дин Ачесон, Сайрус Вэнс и многие другие.

Если бы выстроить имена всех, кто был крещен подобным «костяшным» и иным способом для руководства духовной, политической, финансовой и иной жизнью Америки со времени 1776 года, когда в Вильямберге (Виргиния) родилось первое тайное студенческое братство «Фи-бета-каппа» — «Мудрость — руководительница в жизни», получился бы очень определенный круг, внутри которого формировалась и формируется верхушка современных Соединенных Штатов.

¹ Esquire. September 1977. Перепечатано в сб.: Дорога в никуда, М., 1986, С. 47.

азных революций и сводился к тому, чтобы не допустить самостоятельного выхода пролетариата, его организаций и партий на арену истории, подобно тому, как не позволялось, согласно инструкции высших лож Франции, вхождение в них тех, «кто занимал бы низкое и подлое положение». В инструкции четко оговаривалось — «рабочих принимать нельзя».

Но рабочие не ждали приглашения. Они действовали, организовывались, вырабатывали сперва стихийно, потом сознательно, на научной основе свое понимание мира и свои программы действий. «Коммунистический манифест», созданное Марксом и Энгельсом Международное Товарищество Рабочих — Интернационал знаменовали огромное продвижение пролетариата к своим политическим целям. Неудивительно, что против Интернационала были брошены объединенные силы правящих классов, идеологи и социологи буржуазии. Для отвлечения рабочих от главных целей в ход шли все средства воздействия — от реформистских идей социального сотрудничества, подчинения интересов трудящихся воле хозяев до утопических и анархических идей, от космополитизма до удушающего шовинизма.

Масонство играло в буржуазных революциях значительную роль. В его рядах, не будем забывать, в годы, предшествовавшие Великой французской революции, насчитывалось немало выдающихся умов, «властителей дум». Они расшатывали устои феодализма, критиковали религиозный догматизм, высвобождали общественную мысль, чтобы утвердить ее на новых, прогрессивных в то время, но в целом буржуазных позициях. Вольтер, Дидро и Руссо, «энциклопедисты», вожди французского «братства» закладывали фундамент общества, основанного на капиталистической собственности. Им помогали менее радикальные, более «благонамеренные» немецкие «каменщики». Каноны масонства, внушающего, что миром могут править лишь те, кому открылась истина, личности, стоящие «выше» толпы, требования «терпимости», «постепенности» как нельзя

лучше подходили для строительства «всемирного храма» частной собственности.

Последующие поколения правоверных буржуазных философов брали от своих более смелых предшественников только то, что не могло навести на мысль о революционном движении, поколебать устои. Им, например, подходили многие постулаты из философских произведений Готхольда Эфраима Лессинга (1729—1781), известного немецкого драматурга, теоретика искусства и литературы, критика-просветителя. В своем «Воспитании рода человеческого» (1780 г.) Лессинг подчеркивает приоритет поступательности, медлительности всякого прогресса: «Следуй своим незаметным путем, о вечное Провидение!.. Не дай мне усомниться в тебе, даже если мне на мгновение и покажется, что движение твое направлено вспять! Ведь кратчайший путь вовсе не всегда самый прямой!»

Цитируя этот отрывок, выдающийся французский мыслитель и деятель Жан Жорес не без иронии комментирует: «Так, кривыми, извилистыми путями по бесконечным кругам движется немецкая мысль к своей величественной цели — овладению вселенной высшей силой разума. Но как же геометрия кривых мало благоприятна для прямого порыва революции!»¹

В труде «Эрнст и Фальк. Диалоги о масонах», опубликованном в 1778 году, Лессинг высказывается за всемирное «гуманистическое» государство, где будут уничтожены границы, принуждение, «различия, вызывающие отчуждение между людьми». Такое государство, «где патриотизм перестает быть добродетелью», он мыслит создать с помощью франкмасонства (сам Лессинг вступил в 1771 году в гамбургскую ложу «Трех золотых роз»). Он писал о необходимости создать «невидимую ложу», призывал к «вечному франкмасонству», хотя в практическом плане был

¹ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1981. Т. IV. Революция и Европа. С. 92—93.

весьма разочарован увлечениями масонов магией, их «игрой в микрокосм». Однако Лессингу не хватило смелости бросить вызов узости «братьев», как не смел он и свою критику раздробленных немецких государств, унижающих человека, своих граждан, довести до недвусмысленных выводов. «Из этой критики,— замечал Жорес,— он не делает никакого заключения в демократическом духе: он далек от мысли противопоставить патриархальному абсолютизму концепцию государства, покоящегося на суверенитете народа... Он определяет форму человеческого сообщества, которое будет осуществимо лишь благодаря немногим возвышенным умам»¹.

Как мы уже упоминали, для воззрений масонства характерен деизм, вера в вечный, неизменный закон природы, который и определяет общественное развитие. Его дано постигать немногим, «озаренным», «избранным». Свой философский подход масоны называли еще «религией разума».

К. Маркс и Ф. Энгельс язвительно бичевали подобные взгляды на общественное развитие, исторические процессы. Они указывали и на масонские корни таких позиций. В рецензии на «Современные памфлеты» Т. Карлейля (английский философ, историк, литератор, 1795—1881), выводящего тезис о том, что историю могут творить лишь великие люди, герои, К. Маркс доказывает буржуазность подобного взгляда, несмотря на критику автором буржуазного общества. И типичность такого взгляда для мировоззрения масонов. «Исторически создавшиеся классовые различия,— писал К. Маркс,— сводятся, таким образом, к естественным различиям, которые приходится признать за часть вечного закона природы и которые должно почитать, склонившись перед благородными и мудрыми от природы: одним словом — культ гения. Все понимание исторического процесса развития упрощается, таким образом,

¹ Жорес Ж. Цит. соч. С. 95.

до плоской банальной мудрости иллюминатов и франкмасонов прошлого столетия, до простой морали из «Волшебной флейты» и до бесконечно опошленного и выродившегося сен-симонизма»¹.

К. Маркс поднимает центральный вопрос — кто должен управлять обществом. По Карлейлю, «управлять должны благородные, мудрые и знающие... Благородный благороден, потому что он мудр, всезнающ. Его, следовательно, надо искать среди классов, которые пользуются монополией образования — среди привилегированных классов; и эти же самые классы найдут его в своей среде и будут выносить решение по поводу его притязаний на ранг благородного и мудрого. Благодаря этому привилегированные классы становятся сейчас же если не прямо благородными и мудрыми, то все же «членораздельно» говорящими классами; угнетенные классы остаются, разумеется, «немыми, говорящими нечленораздельно», и таким образом заново санкционируется классовое господство... За всеми нападками Карлейля на буржуазные отношения и идеи скрывается апофеоз буржуа как личности»².

Анализ буржуазной сущности «плоских мудростей» масонов преподносится К. Марксом с уничтожающим сарказмом. Их идеология избранности, апология капиталиста как личности, творящей историю, способны привести к самой злейшей тирании над трудящимися — таков вывод, который напрашивался сам собой.

В подтверждение К. Маркс приводил на редкость циничное обращение Карлейля к безработным:

«Вам нужны командиры промышленности, фабричные мастера, надсмотрщики, господа над вашей жизнью и смертью... подчинитесь методам, которые я диктую здесь, — и тогда вам будет легко получить плату... Если вы начнете упираться... то я попытаюсь уговорить вас... если это ока-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 274.

² Там же, С. 274—275, 276.

жется тщетным, то я буду стегать вас плетью; если и это не поможет, то я, наконец, расстреляю вас»¹.

Те же «плоские мудрости», «нищету философии» (хотя и в иных вариациях) обнажали основоположники марксизма в работах Прудона², масонов и не масонов, стремившихся дать ложные цели, отвлечь трудящихся от задач классовой борьбы. Им приходилось бороться с псевдореволюционностью анархистов, скрывавшей то же презрение к массе, «толпе», что и у Карлейля, только приправленное экстремизмом формулировок. И здесь роль двигателей истории отводилась избранным, «героям».

Особенно острый характер приняло столкновение с провокационным по сути и раскольническим направлением, внедрившимся в рабочее движение, в связи с попыткой М. Бакунина и Дж. Гильома в сентябре 1869 года на Базельском конгрессе Международного Товарищества Рабочих захватить руководство Интернационалом.

Подробности этой авантюры содержатся в брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», написанной К. Марксом и Ф. Энгельсом в июле 1873 года и напечатанной в том же году в Лондоне и Гамбурге. Написана она была по следам сентябрьского конгресса Генерального Совета, на котором М. Бакунин и Дж. Гильом были исключены из рядов Интернационала.

Расследование деятельности М. Бакунина показало, что он создал тайную организацию «Альянс интернациональных братьев». Члены Альянса делились на три степени. Верхушку составили «интернациональные братья», своего рода, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, «священная коллегия кардиналов». Им подчинялись «национальные братья». А ниже, на поверхности, полутайно, полуот-

¹ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 277.

² «Нувель обсерватёр» от 30 января — 5 февраля 1987 года называет (с. 69) Прудона среди «знаменитых масонов», характеризуя его как «теоретика социализма»,

крыто действовала организация «Международный альянс социалистической демократии».

Этот Альянс был отпрыском буржуазно-масонской организации «Лига мира и свободы», в которую вступил в 1867 году М. Бакунин.

Масонский Альянс, филиалы которого имелись в ряде европейских стран, подобно ордену «иллюминатов» Вайсгаупта, соединял в себе черты «каменщиков» и иезуитов.

Формально он провозглашал служение «всемирной революции», разрушение «института государства» и считал «реакционным всякое политическое движение», которое не имеет непосредственной и прямой целью торжество «принципов» «братьев».

Но борьба с неким абстрактным государством не означала для «братьев» необходимости бороться с тем или иным конкретным реакционным государством. Наоборот, многие из них, с разрешения Бакунина, занимали в этих государствах те или иные посты, были чиновниками, депутатами, пользовались, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «всеми преимуществами, предоставляемыми этими реальными буржуазными государствами», избегая «полицейских дубинок, тюрем и пуль, которые реальные государства применяют по отношению к простым революционерам...»¹.

Причем на местах приверженцы Бакунина формировали группы из «наихудших буржуазных и рабочих элементов, навербованных в рядах франкмасонов»².

«Опираясь на эту франкмасонскую организацию, о существовании которой ни рядовые члены Интернационала, ни их руководящие центры даже не подозревали,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— Бакунин рассчитывал, что ему удастся на Базельском конгрессе в сентябре 1869 г. захватить в свои руки руководство Интернационалом»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 338.

² Там же. С. 359.

³ Там же. С. 345.

Деятельность Альянса тем самым направлялась не против буржуазии, а против самого Интернационала. Основатели Международного Товарищества Рабочих дали Альянсу убийственную характеристику: «Перед нами общество, под маской самого крайнего анархизма направляющее свои удары не против существующих правительств, а против тех революционеров, которые не приемлют его догм и руководства. Основанное меньшинством некоего буржуазного конгресса, оно втирается в ряды международной организации рабочего класса и пытается сначала захватить руководство ею, а когда этот план не удастся, стремится ее дезорганизовать. Это общество нагло подменяет своей сектантской программой и своими ограниченными идеями широкую программу и великие стремления нашего Товарищества... Для достижения своих целей это общество не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере»¹.

В этой работе глубокий анализ классовой сущности явления сочетается с острым моральным осуждением. Анархо-масонство в издании Бакунина ложно по посылкам и лживо по человеческим проявлениям. Бакунин и его сообщники сознательно избрали для себя вседозволенность при достижении целей. Отсюда двоякая мораль, а точнее — аморальность. Отсюда выбор формы — масонская организация. Отсюда союз (беспринципный, но возможный, как и показала последующая история) масонства и экстремистских направлений, как слева, так и справа. Крайности сходятся.

И они сойдутся потом не раз — и в масонских связях внутри «красных бригад», и в союзе «П-2» с фашистскими боевиками, и в участии масонов-леваков в эксцессах 1969 года (Рим — Париж — Западный Берлин). Мы еще коснемся этих событий, а сейчас заключим — первая круп-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 329.

ная попытка раскола коммунистического движения была связана с использованием масонских форм движения. История станет свидетелем многих аналогичных попыток. Коснутся они и ряда революционных событий, где «братья» захотят вновь оказаться на гребне, попытаться подменить революционную музыку своей партитурой.

Тут мы подходим к повороту темы — масонство и революции. Не только прошлого, но и нынешнего века.

Вопрос о степени участия масонов в революционном движении, особенно в современный период, об их влиянии на события сравнительно недавнего прошлого вызывает, в том числе в советской исторической науке, значительные, порой полярные расхождения. Они распространяются на вопрос о том, целесообразно ли вообще исследовать масонское влияние на наши дни, не является ли это ложной, тупиковой ветвью, отвлекающей от серьезных проблем, которыми должны заниматься историки, публицисты, социологи.

Тем, кто следит за повествованием в этой книге, такая постановка вопроса покажется, видимо, малообоснованной. Тем не менее постараемся взвесить «за» и «против». Наиболее авторитетный голос «против» подал академик И. И. Минц, сперва в своей статье «Метаморфозы масонской легенды» (История СССР, 1980, № 4), затем в двух интервью — «Правде» 3 февраля 1986 года и журналу «Огонек» (1987, № 1).

Критикуя выпущенный в 1984 году издательством «Молодая гвардия» сборник «За кулисами видимой власти», И. И. Минц утверждает, что авторы «даже не замечают, как мимоходом извратили наш стратегический лозунг: надо бороться с империализмом, разоблачать его правительства; но нет — заняты версией о масонах, поисками «за кулисами видимой власти» какой-то невидимой надклассовой организации».

Читатель, по-видимому, имел возможность убедиться, что тайное общество «вольных каменщиков» по-разному

проявляло себя в «героический период», когда было причастно к ломке феодальных устоев, освобождению ряда стран от иноземного или клерикального гнета (например, Италия). И, во всяком случае, никогда не являлось бесплотным призраком, плодом злонамеренных фантазий, «скверным анекдотом».

Мы против «закрытия» масонской темы и отрицания роли масонов в истории России, в том числе и в ее революционном движении, в частности их влияния на события, связанные с Февральской революцией.

Можно согласиться: с масонами связаны и легенды, причем далеко не безобидные. Мы имеем в виду не те только мифы, которые «каменщики» создали для возвеличения собственных традиций, нравоучений, воспитания адептов. Есть легенды и вокруг масонства, его роли. Сюда относятся клерикальные памфлеты, призывавшие за каждым шагом революционного свойства, за всеми политическими бурями в радикальном направлении видеть масона. Родились они отнюдь не в полицейских канцеляриях Петербурга или писаниях английского историка (русского эмигранта) Каткова, а еще во времена папских булл, клеймивших масонов. С легкой руки контрреволюционных аббатов, во всем видевших козни конкурентов и противников из буржуазных лож, боровшихся с «догматизмом», они подхватывались и распространялись правыми кругами, даже когда само масонское движение утратило либеральные замашки, «освободительный пыл».

Немало было вылито желчи против масонов частью белой эмиграции, отдельные представители которой пытались все «беды» России, особенно свержение самодержавия, представить не как результат борьбы народных масс против правящих классов, а как верхушечные интриги обмасонившихся либеральных кругов, заигрывавших со «свободами». Полиция действительно стремилась скомпрометировать революционеров, изображая их марионетками масонских заговорщиков, стремящихся «погубить здорового про-

столюдина». «Губительную тенденцию» они выводили чуть ли не от Петра I. В годы проживания в Париже мне приходилось слышать, как некоторые «пострадавшие» от Октябрьской революции бывшие соотечественники обзывали Петра Великого «большевиком». Отзвуки теории, согласно которой революция в нашей стране явилась звеном «масонского заговора», нетрудно отыскать в ряде книг белоэмигрантов, таких, как, например, «От Петра Первого до наших дней: русская интеллигенция и масонство» В. Ф. Иванова, изданная в 1934 году в Харбине, или «Масонство в своей сущности и проявлениях» Г. Бостунича (Белград, 1928). Но и в книгах подобного рода наряду с тенденциозными измышлениями порой содержится немало фактов и свидетельств, которые при должной проверке могут послужить восстановлению исторической истины.

И если окажется, что да, масоны участвовали в таком-то или еще таком-то событии, то отсюда отнюдь не следует, что это событие вызвано ими или что они играли в нем определяющую роль. Никто не станет отрицать, что члены масонских лож преследуют разные политические цели в разные эпохи. Почему должна удивлять нас их активность и в революционные годы, если она нас не шокировала, скажем, в годы Французской революции или, например, Парижской коммуны?

Сводить все разнообразие социально-экономических, политических факторов к действию одного лишь, хотя и влиятельного буржуазного тайного общества, было бы насильем над исторической правдой. Говоря об опыте Парижской коммуны, Карл Маркс не ставил под сомнение участие франкмасонов в этом выдающемся событии, но это не могло заслонить для него классовый смысл первой попытки установить диктатуру пролетариата. Иронизируя над тенденциозным толкованием восстания, Маркс говорил: «В таком случае это был также и заговор франкмасонов, потому что их индивидуальное участие в деятельности Коммуны было далеко не малым. Я, право, не удивился бы, если бы папа

объявил все восстание делом рук франкмасонов. Но попытайтесь найти иное объяснение. Восстание в Париже было совершено рабочими Парижа»¹.

Думается, что подобное толкование допустимо и в отношении более поздних событий в революционной России. Классовый анализ их причин, четкая характеристика факторов, породивших поворот событий в нашей стране, безусловно, необходимы. Но и выявление того, как вели себя в предреволюционный период различные политические группы, какие цели ставили, какова была между ними связь, какую роль играла масонская организация, отнюдь не означает отказа от классового подхода. Ведь масоны-то организация классовая!

Когда говорят, что их нельзя представлять организацией «надклассовой», с этим можно согласиться, но когда стремятся доказать, что оппоненты стоят за «надклассовость», делают это несколько произвольно, выводя тезис о «надклассовости» из констатации рядом авторов надпартийности масонства. «Они пишут,— отмечал И. Минц в упоминавшемся интервью в «Огоньке»,— что за спиной всех буржуазных и соглашательских партий стояла надклассовая организация, двигавшая всеми этими партиями». Но это разные вещи. Тот факт, что масонство стоит вне и даже над буржуазными партиями, а также «соглашательскими» партиями, не делает его внеклассовым. Оно служит общим интересам буржуазии. Оно даже лучше их блюдет, не ставя в зависимость от сиюминутных соображений той или иной буржуазной партии.

В той полемике, которую приходится читать по данному вопросу, встречается подмена терминов. Особенно когда историкам, доказывающим, к примеру, что определенные влиятельные силы, связанные с масонским движением, активно участвовали в создании Временного правительства, старались обеспечивать ему политическую поддержку

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 17. С. 634.

широкого спектра партий буржуазного толка, работали против революции, стремились не допустить революционных изменений, возвести плотину на пути социалистической революции в нашей стране, хотя и приписать утверждение, будто они считают масонство движущей силой Февральской революции в России.

Одни исследователи пишут о **контрреволюционной сущности**, подрывной деятельности связанных с масонами Маклаковых — Керенских против большевиков, рабочих, об их тесном союзе с буржуазными «братьями» Антанты, с внешней контрреволюцией, а другие хотят убедить читателей, будто речь идет о воспевании масонов как **революционеров**, о распространении зловредных «легенд» черносотенцев и (версия академика И. Минца) руководителя петербургской полиции С. П. Белецкого. Как говорится, одни — о Фоме, другие — о Ереме.

Полицейские документы, разумеется, нельзя скидывать со счетов. Но если уж ссылаешься на них, то следует сначала убедиться, что твое утверждение действительно опирается на полицейские архивы. Как же обстояло дело с тем же Белецким, «истинным автором всей легенды»? Из допроса Белецкого чрезвычайной комиссией Временного правительства следует, что он не только не сочинял «масонские легенды» (этим более интересовался бывший директор департамента полиции Курлов), но обнаружил, что материалы полиции по данному вопросу крайне разрозненны (три записки и выдержки из прессы, отрывочные сведения).

Его вывод: «Рассмотрев внимательно все, что мне дал департамент полиции, я пришел к заключению, что ни о каких масонских ложах, которые могли играть политическую роль в Петрограде, не могло быть речи»¹. «Ложи» показались ему просто «окультурными кружками».

¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л., 1925. Т. III. С. 334 (из допроса С. П. Белецкого),

Вот тебе и автор «всей масонской легенды»! Можно сделать, конечно, скидку на то, что Белецкий мог знать о наличии масонов во Временном правительстве или среди тех, кто его допрашивал, а потому и занял уклончивую позицию. Но это нужно еще доказать. А еще труднее доказывать то, что так безапелляционно было заявлено: будто человек, который не мог отличить оккультные кружки от масонских лож, не осведомленный об исходных данных движения, мог породить «черносотенную легенду». Кстати, среди показаний Белецкого есть его версии о связи масонства с Витте, митрополитом Антонием, самим Столыпиным, с западными ложами, но отнюдь не с революционерами... Кто же родил легенду о том, что Белецкий родил «масонскую легенду»? Ссылаются на работу О. Соловьева «Обреченный альянс». Я искал здесь упоминания о реальных документах, их цитирование, анализ, раскрытие роли С. П. Белецкого. И что же?

О. Соловьев весьма часто затрагивает вопрос о роли масонов и масонства в описываемых им деталях заговора против народов России. Вот как он описывает масонские каналы:

«В Петербурге еще в 1911 г. торжественно открылся специальный Французский институт... Из десяти учредителей института четверо являлись видными руководителями масонского центра «Великий Восток Франции». Среди тех, кто помогал его открывать, называются связанный с французским масонством М. М. Ковалевский и ряд других лиц» (с. 40—41).

На с. 56 говорится, что «немцы предприняли небезуспешные попытки установления связей с пораженчески настроенной частью влиятельной радикал-социалистической партии, в том числе и по масонской линии» (речь идет о Франции).

На с. 58—59 автор пишет: «Масонский центр «Великий Восток Франции» имел тогда в правительстве семерых представителей во главе с премьер-министром Вивiani.

Главкомандующим стал масон Жоффр. Итальянские масоны многое сделали для вступления своей страны в войну на стороне Антанты. К ордену принадлежали и видные члены американской администрации, включая президента Вильсона».

Ясно, что для О. Соловьева масоны отнюдь не выглядят эфемерной легендой. Да он и сам констатирует: «В период капитализма масонство превращается в одно из орудий либеральной буржуазии». И признает: «Подъем рабочего движения под знаменем марксизма сопровождался первыми попытками ордена принять участие в расколе этого движения под прикрытием буржуазных лозунгов свободы, равенства и братства, светского образования, пацифизма» (с. 58). Далее цитируется К. Маркс: «...Капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым»¹.

Ну а царская Россия? Она была, что ли, особо иммунной в смысле масонских организаций? О. Соловьев часто ведет повествование как бы в двух планах. Один, когда следует фактам. Тут он признает, что в России были масонские ложи, в которые входили и руководящие деятели партий кадетов и трудовиков, что в одну из них в 1912 году вступил А. Ф. Керенский, будущий глава Временного правительства, что были масонские организации при Думе. Далее говорится о причастности масона Маклакова и англичан к убийству Распутина. Подчеркивается, что Керенский был по совместительству юрисконсультom немецкой фирмы «Шпан и сыновья» в России. Здесь возникает и фамилия С. П. Белецкого, который осведомлен о том, что «бойкий адвокат располагает значительными средствами», которые он предположительно получил от «внешних врагов» для «организации революционного движения в пределах империи» (с. 106). Даются данные охранки о том, что в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 217.

1915 году Керенский сколотил в ряде городов, в частности в Саратове, «филиалы промасонской организации».

Признает автор и стремление верхушки российских масонов к власти, хотя и обставляет свои признания оговорками. Автор называет среди заговорщиков Гучкова, Коновалова, Ефремова, Некрасова, Терещенко, того же Керенского, «в коих иные исследователи усматривают лишь участников влиятельной масонской организации». (Кто же станет отрицать, что эти масоны играли определенную роль в буржуазных партиях.) «Но это было малочисленное (!) тайное политическое общество, в которое входили и масоны, принятые во французские или английские ложи» (с. 173). Эти оговорки как раз не говорят о том, будто они не имели влияния, хотя, конечно, степень этого влияния была ограничена и его не нужно преувеличивать. Что касается верхушки масонов, то она и не может быть многочисленной. Наличие в ней лиц, связанных с ложами других стран, говорит об их контактах с зарубежными «братьями».

А в другом месте автор ссылается на утверждение масонского историка Тикстоуна, что поскольку упомянутые масоны ставили политические цели, то они были «незаконными» и не представляли «никакого интереса для масонской истории». О. Соловьев считает на этом вопрос исчерпанным и заявляет: «Следовательно, русского масонства в полном смысле этого понятия фактически не существовало» (!) (с. 60). Но можно ли принимать на веру слова масонского историка о том, будто масоны не занимаются политикой?

Эти два плана — признание фактических данных об участии масонов в событиях в России в канун и во время Февральской революции и отрицание их влияния в книге О. Соловьева находятся как бы в постоянном противоборстве.

Воскресим в памяти основные вехи истории российского масонства. В прошлых главах мы прервали рассказ на периоде декабризма, когда будущие участники событий на Сенатской площади решили выйти из масонских лож, пере-

полненных полицейскими осведомителями, и образовали тайные кружки и общества, готовя вооруженное выступление. В 1822 году Александр I официально запретил тайные общества, в первую очередь масонские ложи. Масонство от этого, естественно, не перевелось. Но с уходом декабристов, а затем с казнью и ссылками, обрушившимися на дворянских революционеров, оно лишилось своих самых достойных, живых сил. В лучшем случае отныне «братья» позволяли себе прекраснодушные мечтания, словопрения в «Аглицком» клубе и других местах общения. «Шумим, братец, шумим!» — восклицал грибоедовский Репетиллов. Руководил петербургскими масонами, однако, человек достаточно влиятельный — граф С. С. Ланской. По признанию князя Долгорукова, Ланской, занимавший пост министра внутренних дел, до своей смерти (1862 г.) являлся председателем петербургской масонской ложи. Московское масонство возглавлял С. П. Фонвизин¹. Главные связи русские масоны поддерживали с консервативным шведским масонством, а также английским.

С 60-х годов прошлого столетия интерес к масонству в России возрастает. Сказывалось оживление общественной жизни, развитие либерально-земских настроений. Русская эмиграция стремится завязать контакты с масонскими ложами ряда стран. Интерес был взаимным. Наиболее активно он проявлялся в стране более радикального масонства — во Франции. Именно Франция, отмечает В. И. Старцев, становится той страной, откуда масонское влияние в последние десятилетия XIX века проникает в среду русского освободительного движения².

¹ См.: Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860—1867. М., 1934. С. 326—329. Здесь автор дает характеристику русского масонства после 1822 года, как преследуемого прежде всего карьеристские цели. М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Ланской был, в сущности, человек вполне хороший, гуманный, но это был кисель-человек» (Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 8. С. 405). Под своим именем Ланской был выведен в романе А. Ф. Писемского «Масоны».

² См.: За кулисами видимой власти. М., 1984. С. 88.

Многие страницы развития масонства в России, его связей с Францией раскрыты в книге Н. Берберовой «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия», опубликованной в Нью-Йорке в 1986 году издательством «Руссика». Покинув в 20-х годах Советский Союз, писательница столкнулась в Париже с весьма высокой масонской активностью русских эмигрантов. В 50-х годах Берберова переехала в США, где начала систематизировать материалы о русских масонах, которые легли в основу ее книги, собирать свидетельства оставшихся в живых масонов. Ценность приводимых ею данных в том, что они почерпнуты большей частью от непосредственных участников событий, взяты из Парижского архива русского масонства, архива А. Ф. Керенского (Техасский университет), Центра Вудро Вильсона в Вашингтоне, архива Герберта Гувера. Берберова подчеркивает, что ее книга «Люди и ложи» написана «не историком, но современником русского масонства XX века», однако ее наблюдения, объяснение причин усиления русского масонства в канун революции достойны внимания. Вот как, например, комментирует она возрождение масонства в России в конце XIX — начале XX века: «Мощный рост буржуазии, появление новых производственных отношений, явления, обусловленные механизированным прогрессом, новые изобретения, изменившие мир,— электричество, фотография, телеграф, телефон, автомобиль, пулемет и аэроплан — между 1880 и 1914 гг. с гигантской силой и неслыханными темпами меняли мир, в котором до того жили наши предки».

«Возрождение масонства» она связывает и с «буйным ростом интеллигенции». «Этот рост шел рука об руку не только с ростом буржуазии крупной, но и мелкой, которая, как и интеллигенция, «нажимала» на все стороны русской жизни: на запреты царя, помазанника Божия, на закрытие университетов... на удушение мысли, на опоздание во всем, что касалось материального и умственного прогресса населения...»

Обращаясь к масонским лозунгам свободы и равенст-

ва, подчеркивает Н. Берберова, эти люди были решительно против революции и только хотели перемен¹.

В 60-е годы прошлого столетия пребывание русских во французских ложах было весьма редким. В ложу «Биксио» вступил И. С. Тургенев, позже туда был принят великий князь Николай Михайлович, двоюродный брат Александра III (о пребывании в ложе вместе с известным писателем великий князь упоминает в переписке с парижским историком Ф. Массоном. Этот факт впервые установлен Н. Берберовой и сообщен музею Тургенева в Орле).

Затем картина меняется. Двери лож во Франции и Бельгии распахиваются для русских. А вскоре начинается и формирование чисто русских эмигрантских лож, правда, под надзором французских масонов за основными «обрядами» или «послушаниями».

В 80-е годы в различные французские ложи принимаются философ В. Вырубов, врач-психиатр Н. Баженов, изобретатель электрической лампочки накаливания П. Яблочков, историк М. Ковалевский.

В 1887 году Ковалевский совместно с Яблочковым открыл в Париже для русских эмигрантов ложу «Космос» (№ 288). В нее среди других были привлечены писатель А. Амфитеатров и земский деятель В. Маклаков. Затем в ложу вступил писатель В. Немирович-Данченко. Под контролем ложи «Космос» в Париже с 1900 года начала действовать Русская высшая школа общественных наук, целью которой было «смягчение резких противоположностей между крайними мнениями, сближение политических групп, способных действовать на общей почве...»². Другой русской ложей в Париже была «Гора Синай» («Mont Sinaï»).

Это происходило на фоне нового пробуждения политической жизни, нарастания в России революционных собы-

¹ См.: Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. С. 15.

² М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сборник статей. Пг., 1917. С. 56.

тий, вызревания и оформления политических сил, партий буржуазии различных оттенков, которые в 1905—1906 годах вышли на арену действий. Осенью 1905 года были созданы партии конституционалистов-демократов (кадетов) и «Союз 17 октября» (дата царского манифеста о предоставлении Государственной думе законодательных прав). За либерально-буржуазными партиями шло формирование и правого фланга. Царизм становился преградой самых различных социальных сил, общественных и экономических процессов. Ширилось рабочее, революционное движение, которое грозило зайти дальше, чем того хотели вожди русской буржуазии и даже ее либеральные слои. Партия большевиков набирала силу, росло в целом социал-демократическое крыло.

Надо было готовиться к взрыву. В этой обстановке масонство привлекало определенные круги русской либеральной буржуазии.

Франция была наиболее подготовлена для подобных операций. Здесь имелся опыт ряда революций и борьбы с ними как жестокими методами, так и более тонкими, которые позволяли амортизировать массовые выступления, успокаивать общественность выбором между внешне враждующими, но изнутри связанными верностью буржуазии партиями.

Русская буржуазия делала первые политические шаги. Французская «педагогика» ей была необходима. И направление школы «Космоса» в сторону «сглаживания острых углов», сближения разносторонних политических групп отвечало новым потребностям. Нарастив состав русских лож в Париже (в их число среди других вошел в начале 1905 года адвокат и публицист Е. Кедрин, пытавшийся вместе с М. Горьким уговорить власти не расстреливать рабочую манифестацию, вместе с Горьким же он отсидел в Петропавловской крепости два месяца), М. Ковалевский провел операцию обратного свойства: он во французской ложе разместил на «обкатку» русских масонов. Е. Кедрин вошел в

ложу «Обновление» «Великого Востока Франции», в другую его ложу — «Авангард масонства» вступили В. Маклаков и др. Они и составили ядро тех, кто позже переместился в Россию, чтобы зажечь масонские свечи французского образца у себя на родине.

12 января 1906 года М. Ковалевский испросил разрешение у Совета «Великого Востока Франции» на открытие в России лож французского подчинения. 15 ноября того же года первая такая ложа была открыта. Советский исследователь В. И. Старцев сообщает, что список ее членов после второй мировой войны среди других бумаг, принадлежавших «Великому Востоку Франции», попал эмигранту Борису Элькину. Документы эти в период фашистской оккупации, видимо, были конфискованы у французских масонов, а затем попали в руки местных букинистов. Один из них и купил Б. Элькин. Он опубликовал список, частью в факсимильном виде (с подписями и автографами) в английском журнале в 1966 году.

Этот эпизод, если вернуться к нашей полемике, еще раз подтверждает, что некоторые факты, и очень важные, из истории российского масонства не могли быть известны в годы трех наших революций, а стали достоянием гласности многие десятилетия спустя. Вот почему неосновательна ссылка на то, что они не были проанализированы В. И. Лениным. Ведь анализировать можно лишь то, что попадает в поле зрения.

Опубликование списка первой ложи французского подчинения в России, созданной в 1906 году, важно для анализа. Речь идет, как установили специалисты, о реальном и подлинном документе, который не был фальшивкой полиции и не преследовал цель создать ту или иную «легенду».

Список написан рукой упоминавшегося выше Н. Баженова. В нем перечисляются к тому времени ставшие членами I Государственной думы М. Ковалевский, С. Котляревский, Е. Кедрин, учредитель кадетской партии В. Маклаков,

В. Немирович-Данченко, историк В. Ключевский, князь С. Урусов, дипломат И. Лорис-Меликов, присяжный поверенный М. Маргулиес и др. От ложи отпочковались новые ее филиалы: в Москве — «Возрождение», в Петербурге — «Полярная звезда». Открывать их прибыли из Франции два высокопоставленных масона*. Ложи были снабжены печатями, наборами символических предметов, иными словами, являлись регулярными, «законными» масонскими организациями, признанными Парижем.

Формировались они в период отступления первой русской революции на весьма консервативной основе. Об этом говорили фамилии тех, кто играл в них ведущую роль, — заместитель министра внутренних дел, депутат I Думы князь С. Урусов, граф А. Орлов-Давыдов (он возглавил «Полярную звезду»), кадет, князь Бебутов (информатор полиции), кадет Колюбакин и другие представители умеренных кругов. Из примерно сорока входивших в них лиц

* Формированием русских лож непосредственно занимались эмиссары «Великого Востока Франции» Сеншоль и Буле. Им предоставлялась привилегия принимать масонов в два послушания — обряда, в то время как сами они принадлежали только к одному из них. Это лишнее демонстрирует, насколько условны различия и внешние перегородки в масонстве.

Вместе с тем «братья» из французского «Великого Востока», формируя высшие этажи русского масонства, так называемые «капитулы» и «кареопаги», членами которых могли быть масоны лишь высоких посвящений, весьма тщательно подходили к селекции их руководства, исходя из тех данных, которые накопились в их русских досье. Некоторых они переводили буквально за неделю из I-й степени (ученик) в 3-ю (мастер). «...А некоторых, — отмечает Н. Берберова, — еще стремительнее — в 18-ю степень (имеющую международный статус. — Л. З.). М. С. Маргулиеса... они посвятили в самом здании тюрьмы, где Маргулиес отбывал срок за свои (в 1905 г.) революционные проступки (впрочем, весьма умеренные). Так, в камере «Крестов», в передниках и перчатках, с молотками в руках Великие Мастера провели церемонию посвящения на глазах у, вероятно, совершенно обалдевших от этого зрелища тюремных сторожей. Тут же, немедленно, с еще большей торжественностью, Манuil Сергеевич был возведен в 18-ю степень» (с. 19—20).

большинство были кадетами, несколько человек представляли народников (трудовиков и народных социалистов). Были и лица свободной профессии — уже упоминавшийся врач и адвокат М. Маргулиес, инженер барон Г. Майдель, заведующий отделом Публичной библиотеки А. Браудо, историки Н. Павлов-Сильванский и П. Щеголев, адвокаты С. Балавинский и О. Гольдовский.

К концу 1909 года были открыты новые ложи в Петербурге, Одессе, Киеве, Нижнем Новгороде. Ведущей являлась «Полярная звезда», куда входили масоны только выше 18-й ступени посвящения. Делегаты лож образовали совет, вице-президентом которого был М. Маргулиес. Преследования в обстановке усилившейся реакции заставляли масонов проводить свои заседания без излишней обрядности, хотя они по-прежнему надевали фартуки, запы, цепи и пр.

Вызревала, однако, идея еще более обезопасить движение, сделать его, с одной стороны, более скрытным, а с другой — более мобильным и действенным.

На основании полученных от «Великого Востока Франции» прерогатив (Сеншоль и Буле в мае 1908 года предоставили «Полярной звезде» право открывать новые ложи без предварительной консультации с французами) русское масонство в 1910 году формально отделилось от «Великого Востока». Перед этим оно предприняло маневр, объявив о самороспуске. Это позволило освободиться от «балласта», перестроить свою структуру, обновить высшее руководство масонства.

Корабль российского масонства был спущен на воду в преддверии предстоящих бурь и потрясений. Курс его был прежним — не допустить, чтобы события вырвались из-под контроля правящих классов в случае свержения самодержавия. Руководящие силы новой «нерегулярной» организации, в которой масонские церемонии были отменены (при сохранении секретности, дисциплины и «клятвы о неразглашении»), вобрали в себя также и некоторых членов относи-

тельно более левых фракций партийных группировок — меньшевиков, левых прогрессистов, левых кадетов*.

К последним принадлежал кадет, будущий министр Временного правительства Н. В. Некрасов, принятый в масонство в 1908 году в Петербурге на квартире М. Ковалевского, на заседании ложи, возглавляемой графом А. Орловым-Давыдовым.

По свидетельству Некрасова, при новой структуре лож численность каждой составляла не более 12 человек. А руководил ими созданный в 1913 году «Верховный совет народов России», состав которого был известен только трем доверенным счетчикам. Председатели лож знали лишь секретарей совета — Некрасова, Керенского, Терещенко. Одним из влиятельных членов верховного совета был князь В. Оболенский, который возглавлял Петербургский областной совет. «В течение трех лет, — писал он, — я был членом верховного совета, который направлял все русское масонство». (Речь шла о 1913—1916 годах.)

Наряду с умеренным крылом имелись в России и другие направления масонства. Одно из них представляли «мартинисты», Великим мастером которых был граф Мусин-Пушкин. Сюда входило близкое окружение царской семьи. «Говорили, что в молодости Николай II был мартинистом, по примеру своих английских, германских и датских родственников (датская монархия также патронирует масонство. — Л. З.), — писала Н. Берберова. — Николай II вышел, однако,

* О политической направленности этих «левых» и вообще всего российского масонства Н. Берберова пишет следующее: «В эти годы масонство никак не связывалось с революцией, и революционеров в ложах не было... Социалист шел в тайное общество тогда, когда от его революционности (и социализма) оставались только следы. Маклаков много раз говорил позже, что «все мы» были против революции, так что Кропоткин ошибался, считая, что «русскому революционному движению хорошо и полезно быть связанным с масонством» (с. 21). Свидетельство Н. Берберовой важно для уяснения лица русского масонства. Она неоднократно подчеркивает его либерально-умеренный, а затем и откровенно реакционный характер.

очень скоро из тайного общества. Но его дяди, вел. кн. Николай и Петр Николаевичи (внуки Николая I и двоюродные братья Александра III), а также вел. кн. Георгий Михайлович остались мартинистами высоких степеней и время от времени, в специальном храме в Царском Селе, собирались для ритуала. Это продолжалось по 1916 г. ...»¹

Особую активность в этой среде развивали французский мистик и оккультист Папюс и его коллега Филипп. Папюс (его настоящая фамилия Д'Анкосс) стремился заманить Николая II вновь в свои сети, но появление Распутина разрушило его надежды. Монархия впала в мистицизм иного плана.

Другим сходным масонским направлением были «филалеты». Их русское ответвление было создано в 1890 году в Париже (само течение основано в XVIII веке). В России в него влились великий князь Александр Михайлович, брат Георгия, руководитель Морского музея в Петербурге, часть аристократии и других людей (всего около тысячи человек). Ложа исповедовала крайний мистицизм. Основным занятием были спиритические сеансы, «общение» с потусторонним миром.

Была и дьявологическая ложа «Люцифер» (возникла в 1910 году). Туда устремились некоторые русские интеллигенты, увлекшиеся декадансом. Среди них называли поэтов Вяч. Иванова, В. Брюсова, А. Белого, одно время, в период создания своей мистической пьесы «Роза и Крест», ложей будто бы интересовался А. Блок.

Но если эти течения были в большой степени мистическими либо отдавали дань модным увлечениям, то основное ядро российского масонства, сформированное и обученное французскими «братьями», имело главным образом политические функции. На него возлагались большие надежды во внутреннем (в связи с приближением революции) и внеш-

¹ Берберова Н., Цит. соч. С. 23.

нем (в связи с втягиванием в первую мировую войну) планах.

Антанте было исключительно важно в случае войны с Германией обеспечить участие России, использование русских солдат в качестве «пушечного мяса». Вот почему эмиссары «Великого Востока» побуждали русских «братьев» занять важные позиции в государственном аппарате. О том, какое значение этому придавалось, можно составить представление, читая имена масонов, сидевших на дипломатических постах. Н. Берберова приводит список русских масонов «в такой области, где, казалось бы, сидели люди, преданные режиму». В нем числятся: Англия — К. Д. Набоков, первый секретарь посольства, заместитель посла А. К. Бенкендорфа в январе 1917 года; Франция — Л. Д. Кандауров, советник посольства; Италия — консул Г. П. Забелло; Швеция — А. В. Неклюдов; Норвегия — И. Г. Лорис-Меликов; Швейцария — посланник К. М. Ону; агент МИД А. Н. Мандельштам; США — Б. А. Бахметев; Китай — Н. А. Кудашев; Бразилия — А. И. Щербацкий (глава дипломатической миссии) и т. д.¹

Следует подчеркнуть, что, спуская российский масонский корабль со стапелей, упрощая для большей эффективности обрядность и ритуал, творцы «Верховного совета народов России» позаботились о том, чтобы связать свой русский филиал вассальными обязательствами. В парижских архивах хранится «Обязательство», в котором члены ведущей в то время ложи «Полярная звезда» во главе с Великим мастером А. Орловым-Давыдовым клянутся хранить верность «Великому Востоку Франции», его высшему совету. Фотокопия документа имеется в книге Н. Берберовой. Французские наставники согласились на передачу координирующей роли петербургской ложе «Малая Медведица», тогда как важный для Антанты армейский рычаг был расположен по соседству в «Военной ложе». Первая создавалась в 1910, вто-

¹ См.: Берберова Н, Цит, соч. С. 21,

рая — в 1909 году. В 1912 году в «Малую Медведицу» был включен А. Керенский. Здесь уже находились А. Колюбакин, А. Гальперн, И. Ефремов, чьи имена вместе с именем руководителя «Военной ложи» А. Гучкова и ряда других позже вошли в постоянную «обойму» Временного правительства. Скупно, избегая деталей, умалчивая о пружинах этого механизма, писал много лет спустя (в 1965 г.) об этом периоде сам А. Керенский. Отрывки из воспоминаний приведены в книге «За кулисами видимой власти» (с. 123—124).

«Мне предложили участвовать в 1912 г., как раз после моих выборов в IV Думу. После серьезного размышления я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и я решил принять предложение примкнуть к нему». Керенский утверждает, что «полный ритуал и масонская система ступеней были упразднены», общество «принимало женщин». «Никаких письменных документов или списков членов не держали... имелась ложа в Думе, другая для журналистов и т. д.».

Несмотря на заявление о «новом» характере, организация, носившая претенциозное название «Верховный совет народов России», состояла в основном и главным образом из проверенных и испытанных масонов, прошедших школу во Франции, а затем в ложах Москвы, Петербурга и других российских городов. А входившая в совет женщина — Е. Кускова, по словам того же Керенского, была «франкмасоном высоких степеней». Стало быть, степени играли свою роль, да еще как!

Следует подчеркнуть прямой политический характер «совета», его откровенную деятельность в пользу достижения, прежде всего в IV Думе, тайного компромисса между буржуазными и мелкобуржуазными партиями, рядом буржуазно-помещичьих фракций. Летом 1915 года им удалось создать так называемый «прогрессивный блок». Депутат Думы кадет Л. Велихов так обрисовал «блок»: «В IV Государственной думе я вступил в так называемое «масонское объединение», куда входили представители от левых прогресси-

стов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), социал-демократов меньшевиков (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило своей целью создать блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия».

Через Думу, как полагает В. И. Старцев, «Верховный совет народов России» заполучил в свои ряды члена партии прогрессистов миллионера А. Коновалова, левого кадета А. Колюбакина. Видной фигурой «совета» стал меньшевик А. Гальперн. В организацию включился сын богатейшего сахарозаводчика из Киева М. Терещенко, а также принятый еще в 90-е годы во Франции в масонство С. Прокопович (муж Е. Кусковой, будущий министр Временного правительства). А. Коновалов и М. Терещенко были заместителями председателя Центрального военно-промышленного комитета, а сам председатель — А. Гучков — также был видным масоном.

Их имена, как нетрудно заметить, фигурируют в разных составах Временного правительства.

Многopатийность не мешала ядру российского масонства координировать свои действия, скорее помогала развивать их в разных областях и направлениях. «Мы никогда не позволяли разногласиям подорвать нашу солидарность», — писал А. Керенский. Были, в частности, согласованы и списки министров будущего правительства, в котором около половины мест занимали масоны из «Верховного совета народов России». А когда произошла Февральская революция и 2 марта 1917 года был оглашен список состава Временного правительства, то он почти полностью совпал с тем, что за два года до этого обсуждался на квартире Е. Кусковой, а затем уточнен в 1916 году. Марк Алданов, один из основателей русских лож во Франции, член народно-социалистической партии (трудолик), писал в 1919 году: «Правительство было составлено еще в 1916 г. Оно было составлено на заседаниях у кн. Львова, в номере гостиницы «Франция» в Петербурге, и список будущих министров почти целиком

совпадал с первым составом «Временного правительства»¹.

Помимо обеих столиц ложи были созданы в Киеве, Минске, Одессе, Твери, Самаре, Саратове, Тифлисе, Кутаиси, Витебске. В одном Нижнем Новгороде было две ложи. В некоторых источниках указывается общее число в 28 лож, но Н. Берберова считает это число заниженным. Она перечисляет далее основные центры, в которых сосредоточивались руководящие силы «каменщиков».

«Французское посольство в Петербурге (Французская наб., дом 10),

Государственная дума,

Государственный совет,

Прогрессивный блок...

Партии кадетов, октябристов, трудовиков (нар. социалисты),

Рабочая группа при Военно-промышленном комитете,

Военно-промышленный комитет,

Генералитет (после 1915 г. и смещения вел. кн. Николая Николаевича),

Московская городская Дума,

Торгово-промышленный союз...

Адвокатура,

Профессура Московского и Петербургского университетов»².

Общее число масонов установить трудно. В «Верховный совет народов России» их, как полагают, входило не менее 400. Это не считая «мартинистов», «филалетов» и масонов, ориентирующихся на «шотландский обряд». Но к «посвященным», пишет Н. Берберова, примыкал актив, своего рода второй слой. «...Второй слой» был очень значителен». Опираясь на него, руководители «Верховного совета» надеялись подготовить и осуществить максимально безболезнен-

¹ Алданов М. А. Третье марта. Сборник в честь 70-летия П. Н. Миллюкова. Париж, 1929. С. 25.

² Берберова Н. Цит. соч. С. 27.

ный переворот, ибо революции, как мы видели, они сами боялись. Поэтому расчет был на верхушечные изменения. «Итак — кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союза, адвокаты, военные, земцы, «общественники» созывали друг друга: их день настал»¹.

Идею военного заговора лелеял А. Гучков. Октябрист, родом из старообрядческой купеческой семьи, он имел за плечами весьма сложную биографию. В годы бурской войны поехал воевать на стороне буров против англичан и попал к ним в плен. Был выпущен, принял участие в македонском восстании.

По возвращении Гучков стал директором правления Московского Купеческого банка, вошел в Думу, был избран членом Государственного совета. Став председателем III Думы, неоднократно встречался с царем и был крайне низкого мнения о его окружении. К 1915—1916 годам, после тяжелых поражений на фронте, которые связывали с усилением влияния «темных сил» на Николая II, Гучков втянул в «Военную ложу» генералов Алексеева, Рузского, Крымова, Теплова. В их намерения входило убрать Распутина, заточить царицу, заставить монарха отречься, а на престол возвести его брата Михаила. Себя они мнили регентами при новом государе. А в диктаторы хотели назначить генерала Алексеева. К ним примыкали князь Львов, генерал Ломоносов, симпатизировал планам отстранения царя и Брусилов.

Планы менялись один за другим. Охранка следила за заговорщиками, но на дистанции. К одному из заговоров хотели привлечь смещенного с поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (царь усил его на Кавказ). По инициативе князя Г. Львова, председателя Земгора (Земский и Городской союз), опиравшегося на разветвленную сеть губернских земских управ, к ве-

¹ Берберова Н. Цит. соч. С. 27.

ликому князю был подослан в конце 1916 года член Государственной думы А. Хатисов, городской голова Тифлиса, кадет, председатель Кавказского Земгора. Он и великий князь дружили семьями. Хатисов имел высшую, 33-ю степень, великий князь был «мартинистом». Однако последний, поколебавшись, отклонил предложение стать царем в случае переворота¹.

В то же время в Петербурге и Москве не менее двух раз в месяц руководящие члены «Верховного совета» обсуждают вместе со своими французским (посол М. Палеолог) и английским (посол Дж. Бьюкенен) наставниками планы скорейшей замены царя более эффективным правлением, которое, как полагали в Париже и Лондоне, могло бы активизировать участие России в войне против Германии и в то же время поставить под контроль брожение в стране, угрожающее развиться в революцию. «В Москве масоны собирались в частных домах и квартирах у П. П. Рябушинского, у Кусковой и Прокоповича, у Коновалова (в его загородном доме), у Челнокова, Долгорукова, Гучкова и др., в Петербурге — в отдельных кабинетах в ресторане «Контан» и у Донона, а также у Орлова-Давыдова, у Федорова, у Половцева, у Меллер-Закомельского, Горького и др., — отмечает Н. Берберова. — В 1916 г. на собраниях в квартире Горького возникает «морской план» дворцового переворота... Там же появляется подруга Ек. П. Пешковой — Ек. Дм. Кускова»².

¹ См.: Берберова Н. Цит. соч. С. 41—43.

² Там же. С. 60.

Краткая справка: из трех братьев Рябушинских, состоявших в масонских ложах, Павел Павлович, о котором упомянуто выше, был наиболее влиятельным. Председатель московского Военно-промышленного комитета, член Государственного совета, он являлся также издателем московской газеты «Утро России». Близкий друг Бьюкенена. М. Челноков — московский городской голова, кадет, главный уполномоченный Всероссийского союза городов. 1 марта 1917 года был назначен «комиссаром» Государственной думы. Павел Долгоруков, князь, член ЦК партии кадетов, ее председатель в 1915 году. Основал в 1909 году в Москве масонское «Общество мира». К 1911 году оно насчитывало

В феврале 1917 года в России в течение восьми дней была свергнута династия Романовых. Произошла буржуазно-демократическая революция. После Февральской революции по всей стране возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Тем временем русская буржуазия стремилась воспользоваться плодами революции в своих классовых целях. Для этого она использовала все силы, включая и масонские организации. Было создано Временное правительство.

Несмотря на сравнительно широкий охват и временами лихорадочную активность, «братьям» удавалось избегать огласки. В 1917 году «общество оставалось сугубо тайным, может быть, даже еще более засекреченным, чем до революции: в первый состав Временного правительства (март — апрель) входили десять «братьев» и один «профан», который многое понимал и о многом догадывался...— писала Н. Берберова.— Это был, конечно, Павел Николаевич Милюков»¹.

Именно он в своих воспоминаниях проговорился о наличии тайной организации.

П. Милюков, историк, бывший лидер партии кадетов, первый министр иностранных дел во Временном правительстве, и в самом деле не был масоном («не люблю мистики», отвечал он на приглашения вступить в «братство»), но, разумеется, как никто другой знал подноготную событий.

324 «брата». (Петербургский филиал «общества» возглавлял упоминавшийся М. Ковалевский.) М. Федоров, кадет, финансист, думец. П. Половцев, член «Верховного совета», масон 33-й степени, генерал-майор, сменил Корнилова на посту командующего Петроградским военным округом, затем начальник штаба так называемой «Дикой дивизии» на Кавказе, бежал из России в 1918 году. В. Меллер-Закомельский, барон, председатель Петроградской земской управы, член Государственного совета, председатель «прогрессивного блока» в Государственной думе.

М. Горький, его первая жена Е. Пешкова и крестник писателя Зиновий Пешков (брат Я. М. Свердлова) интересовались в то время масонством.

¹ Берберова Н. Цит. соч. С. 30.

Его мемуары увидели свет в Нью-Йорке в 1955 году, через двенадцать лет после смерти автора.

Отмечая ведущую роль Керенского, Некрасова, Терещенко и Коновалова во Временном правительстве, Милюков писал: «Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического характера, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков,— подчеркивал Милюков,— можно заключить, какая именно связь соединяла центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства»¹.

Милюков не назвал «масонскую» связь, но в контексте мемуаров она явно подразумевалась. Во всяком случае, те, кому адресовался намек, поняли его сразу и были глубоко взволнованы. Ибо масонские тайны, как бы глубоко и давно они ни были погребены, всегда предмет исключительных забот «братства», заботящегося о сохранении в глазах общества своего аполитичного, «гуманитарного» облика.

Из США в Швейцарию, где проживала восьмидесяти-восьмилетняя Е. Кускова, срочно прилетел семидесятишестилетний А. Керенский. «Я провела всю пятницу с Керенским,— писала Кускова 20 января 1957 года Л. О. Дан, вдове меньшевика Дана, сестре Мартова.— Нам пришлось обсудить, что делать в связи с тем, что Милюков упомянул о той организации, о которой я рассказывала тебе». Было ре-

¹ Милюков П. Воспоминания, 1859—1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 332—333.

шено, что Керенский ответит на «туманное замечание» в предисловии к своей книге, «не упоминая никаких имен». «Обязательно нужно остановить,— хлопотала Кускова,— если это возможно, сплетни в Нью-Йорке». И объясняла: «Еще живы люди, больше того, очень хорошие люди, и нужно позаботиться о них». А в письме Вольскому Кускова писала (15 ноября 1955 года): «У нас везде были «свои люди». Такие организации, как «Свободное экономическое общество», «Технологическое общество», были пронизаны ими сверху донизу... До сих пор тайна этой организации не раскрыта, а она была громадной. Ко времени Февральской революции вся Россия была покрыта сетью лож. Многие члены находятся здесь, в эмиграции, но они все молчат. И они будут молчать, ибо в России еще не умерли люди, состоявшие в масонских ложах»*. Можно было бы продолжать приводить свидетельства других участников событий, пусть скупые, но существенные, скажем Чхеидзе и Гальперна, князя Оболенского, Николаевского. Но и так очевидно, что в главном они совпадают: «Верховный совет» включал авторитетных по тем временам политических лидеров, денежных воротил. Во всех составах Временного правительства были включены ведущие деятели «Верховного совета».

Думается, что причиной чрезвычайного волнения Е. Кусковой и срочного прилета из-за океана к ней Керенского

* Примерно то же самое Кускова писала Г. Аронсону. Меньшевик, некоторое время масон (в 1913 году его привел на закрытое собрание Витебской ложи, где выступал А. Керенский, Марк Шагал), Г. Аронсон в эмиграции выпустил книги «Россия накануне революции», «Книга о русском еврействе». Одним из первых затронул тему масонства в канун революции. Кускова колебалась в письмах к нему. То признавала влияние масонства, то полемизировала с его статьями, считая, что они могут нанести удар по «живым». Ее письма были опубликованы Аронсоном в 1959 году в «Новом русском слове», газете, издающейся в США, уже после смерти (1958 г.) Е. Кусковой. Беседы с Аронсоном явились одним из мотивов, побудивших Н. Берберову заняться более глубоким исследованием данной темы.

были не только и не столько забота о сохранении масонской тайны как таковой и боязнь, что кому-то из остатков масонства это может повредить. Откровения П. Милюкова были страшнее всего для них самих, ибо рисовали в особом свете всю деятельность Временного правительства и руководивших им подспудных сил. Ведь Милюков поднял вопрос о «взаимных обязательствах» лиц, входивших в русское масонство. Перед кем? Каких? Только ли ритуальных? Вряд ли они так уж были для них опасны. Многие из ритуальных тайн давно перестали быть таковыми.

Нет, речь шла о коллективном обязательстве масонов, объединенных в «Верховный совет народов России», их верхушки, называвшей себя «конвентом», хранить верность «Великому Востоку Франции». А первой была, как пишет Н. Берберова, «масонская клятва русских Великого Востока ни при каких обстоятельствах не бросать союзников...»¹.

Россия переживала невероятные страдания в навязанной ей мясорубке, изнемогала от империалистической бойни. Не только народные массы, но и многие из высших кругов отдавали себе отчет в том, что нужно положить конец войне. Правительство, не способное дать народу мир, было обречено.

Но Керенский и его «команда» старались до последнего. Одним из первых понял бессмысленность и опасность продолжения войны П. Милюков. 30 апреля 1917 года он покинул правительство. «...Этот уход был вызван совместными усилиями Керенского и Альбера Тома», — писал в своих воспоминаниях «Далекое и близкое» Б. Нольде, дипломат, член ЦК партии кадетов, масон 33-й степени. У Милюкова хватило перед самой развязкой мужества заявить, что «пора свернуть с путей классического империализма». «Или разумный мир, или торжество Ленина», — сказал он в конце сентября 1917 года.

¹ Берберова Н. Цит, соч. С. 35.

Кто говорит, что среди масонов мало компетентных, серьезных людей? Они были, есть и, наверно, будут. Но не им принадлежало решающее слово. За них **решали другие**. Им же потом, когда все кончилось для «временных» плачевно, зарубежные хозяева припомнили «нелояльность». Нольде позже «ушли» из масонства, невзирая на его высший ранг.

Итак, Милюков ушел с поста министра иностранных дел Временного правительства. Его заменили членом «Верховного совета» и «конвента» М. Терещенко. Михаил Иванович Терещенко (1888—1958), киевский сахарозаводчик, товарищ председателя Военно-промышленного комитета (при упоминавшемся П. Рябушинском), владелец издательства «Сирин», друг многих писателей и поэтов, знаток и любитель балета, с поста министра финансов перешел руководить внешней политикой России. Один из руководителей кадетской партии В. Набоков (родственник будущего писателя) удивлялся: «Французские и английские дипломаты относятся лучше к Терещенко, чем к Милюкову. Почему?» Французский посол (в то время Нуланс): «Терещенко каждое утро собирал у себя послов Франции, Англии и Италии».

Наконец, посол США Д. Фрэнсис: «Вскоре после того как его назначили министром иностранных дел, я устроил себе встречи с ним ежедневно. В результате мы скоро подружились. Терещенко сохранял верность Керенскому...»

Не точнее ли сказать — Антанте? Он продолжал служить ей и тогда, когда обстановка стала безнадежной. Как свидетельствует военный министр «правительства» Колчака А. Будберг, «Терещенко рассылал нашим послам самые успокоительные телеграммы, когда все трещало». Человек сообразительный, он и сам все видел, понимал, но... Долг, клятва важнее, чем народ, Россия. А. Блок отмечал в дневнике (еще 7 ноября 1912 г.) это характерное свойство своего знакомого: «Михаил Иванович Терещенко говорил о

том, что он закрывает некоторые дверцы с тем, чтобы иногда не открывать, если отпереть — только одно остается: спиваться. Средство не отпирать (закрывать глаза) — много дела, не оставлять свободных минут в жизни, занять ее всю своими и чужими делами»¹.

И он всю жизнь занимался этими, главным образом чужими, делами, чтобы потом ему «братья» помогли в его делах. А пока его тормозят из всех сил. И Керенского. Главный толкач по затягиванию петли на шею — Альбер Тома. Один из руководителей французских социалистов, он неоднократно, чуть не каждый месяц, приезжал в Россию, подменял собой посла. Иногда прибывали целые миссии с целью удержать русского солдата в войне (в одну из них, в июле 1917 года, входили Зиновий Пешков, ставший французским военным, и Марсель Кашен, который позже под влиянием пережитого стал коммунистом и порвал с масонством). Выколачивание войск у России продолжалось до конца. Тома и послы угрожали, бесцеремонно требовали. 26 сентября (9 октября) 1917 года тройка послов посетила Терещенко и потребовала немедленно восстановить боеспособность русской армии. Терещенко был «удивлен, возмущен и обижен», но «обещал»².

Керенский, Терещенко и иже с ними оставались верными своим тайным обязательствам и тогда, когда все рухнуло. Октябрь победил, большевики взяли власть в свои руки. «Главковерх», видя неминуемый крах, бежал в Гатчину, надеясь возвратиться в столицу вместе с имевшимися там войсками и расправиться с социалистической революцией, Лениным, победившим пролетариатом России.

«Братья» оказались вместе с самыми темными силами контрреволюции, под крылышком Антанты. Они подались кто куда: одни — на Север, другие — на Юг, третьи — на Во-

¹ Блок А. Собр. соч. М.—Л., 1963. Т. 7. С. 175.

² См.: Берберова Н. Цит. соч. С. 45.

сток, но всюду делали одно и то же дело — помогали белой армии, английскому, французскому экспедиционным корпусам, германским и всем иным интервентам.

Чтобы не быть голословными, пройдемся по приведенному в книге Н. Берберовой списку русских масонов, так сказать, в алфавитном порядке.

— Авксентьев Николай Дмитриевич, правый эсер, министр внутренних дел при Керенском, возглавил контрреволюционную Уфимскую «директорию». Керенский упорно добивался от союзников ее признания в качестве российского правительства. После краха директории Авксентьев перекочевал на Юг и возглавил «Союз возрождения» в Одессе (1919 г.).

— Алексеев Михаил Васильевич, генерал, член «Военной ложи», стал одним из организаторов так называемой Добровольческой армии на Юге России.

— Винавер Максим Моисеевич, член ЦК партии кадетов, депутат Думы, член Временного правительства и один из руководителей «Верховного совета», очутился на Юге и стал «министром иностранных дел» так называемого Крымского правительства.

— Воронович Николай Владимирович, друг Корнилова, орудовал на Северном Кавказе вместе с бандами «зеленых».

— Вырубов Василий Васильевич, масон 33°, пытался спасти положение, находясь в штабе при ставке генерала Духонина.

— Головин Николай Николаевич, академик из генштаба, эвакуировался вместе с Врангелем.

— Долгополов Николай Саввич, народный социалист, стал министром здравоохранения у Деникина.

— Долгоруков Павел Дмитриевич, князь, член ЦК кадетской партии, в 20-х годах дважды переходил советскую границу из Польши по делам контрреволюции, был арестован, судим и расстрелян.

— Зеелер Владимир Феофилович, стал министром внутренних дел при том же Деникине.

— Кроль Лев Афанасьевич, делегат Массонского Конвента в 1916 году, член «Пермского правительства».

— Крым Соломон Самойлович, кадет, член Думы, глава «Крымского правительства»*.

— Лебедев Владимир Иванович, в июне 1917 года заменил Керенского, был у него морским министром, стал членом Уфимского совещания.

— Панина Софья Владимировна, графиня, член кадетской партии, ее салон служил центром заговора против Советской власти. Заговор был раскрыт и обезврежен.

— Петлюра Симон. Вряд ли его имя нуждается в комментариях.

— Роговский Евгений Францевич, товарищ председателя Уфимского совещания.

— Слоним Марк Львович, эсер, член Уфимской «директории».

— Федоров Михаил Михайлович, член Думы, кадет. После 1918 года возглавлял так называемый «Национальный центр» на Юге России.

— Чайковский Николай Васильевич, эсер, в 1918 году стал председателем Архангельского правительства, служившего интервентам. Затем вошел в Уфимскую «директорию»¹.

Став на сторону неправого дела, служа ему, российское масонство в результате Октябрьской революции в своем абсолютном большинстве оказалось за бортом, бежало за

* Крым (псевдоним С. С. Неймана), как указывает Н. Г. Думова, весной 1918 года вместе с другими кадетами В. Д. Набоковым и М. М. Винавером, а также В. А. Оболенским перебрались в Крым, где «составили влиятельную и авторитетную в крымских буржуазных кругах группу», с которой велись переговоры об участии в угодном германскому командованию правительстве. Переговоры с оккупантами продолжались и после сообщения о революции в Германии. С. С. Крым 5 ноября 1918 года занял свой пост с согласия начальника штаба немецких войск фон Энгелина.— См.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982. С. 180—184.

¹ См.: Берберова Н. Цит. соч. С. 107—162.

границу. Только там, столкнувшись с плохо скрываемым презрением «братьев», чью тиранию они терпели, перед которыми выслуживались, начали они осознавать, что мишура лож и фартуков нужна была Антанте для достижения политических целей, а сами они попали в разряд проштрафившихся и теперь, по сути дела, нужны только сами себе.

Несмотря на выданные им высокие градусы и громкие титулы, российские масоны были лишены даже формальной чести заседать в каких-то международных «конвентах» или «конференциях», быть представленными хотя бы в «ареопагах» «Великого Востока Франции»*.

Когда же они пытались как-то заявить о себе, «Великий Восток» пригрозил им «усыплением», закрытием. Так случилось в момент объявления русскими масонами в Париже кампании в пользу «голодающих в России». Их заподозрили в симпатии к Советам! Мануил Маргулиес был потрясен: «Нас обвиняют в распространении ложных слухов, нам нанесли рану, которая не скоро заживет. Мы старались всеми силами вести антисоветскую пропаганду, основанную на фактах, в масонской среде...»

Желание «реабилитироваться» и в то же время не раскрыть до конца свою унижительную роль — вот между какими соснами металась Керенский с Кусковой и их друзья. Оттого Кускова то и дело меняет свои мнения относительно необходимости как-то объяснить бесславную участь Временного правительства, связав ее с диктатом зарубежных «братьев».

Когда Керенский хочет решиться на откровения, Кускова пугается: «Ваша версия, как Вы сами, вероятно, чувствуете, убийственна для престижа Врем. правительства и ее пока лучше не муссировать, как бы правдива она ни была...» (1956 г.). Но Аронсон уже начинает готовить свои

* Керенского не допустили, например, во Всемирный Масонский Верховный Совет, состоящий из «достоличимых» и «премудрых» («Вене-раблей»), что его весьма оскорбило.

статьи. Керенский опять спрашивает: надо? «На Ваш вопрос отвечаю утвердительно: да, надо. Ведь все равно болтовня идет, не лучше ли дать аутентичную запись нашего прошлого?» (1958 г.).

Кускова умерла, Аронсон разразился серией статей, а Керенский все еще охвачен гамлетовскими сомнениями. Он обращается за советом к своим близким друзьям и знакомым (Я. Г. Фрумкину, петербургскому еще другу, Я. Л. Рубинштейну, бывшему юристу Лиги наций, и др.). Фрумкин отвечает (Париж, 16 ноября 1960 г.):

«...Вы спрашиваете меня об иностранных масонах. Вам известно, что в Россию в 1917 г. приезжали иностранные масоны. Я всегда избегал касаться в разговорах с Вами и в письмах к Вам этой темы, зная, что Вы к ней аллергичны. Несколько был удивлен тем, что Вы сами ее коснулись в письме ко мне, в связи со статьей Аронсона. Поразительно и, я бы сказал, импозантно, в какой мере в России масонство сумело сохранить конспирацию. Не знали о роли масонства очень многие, вне масонства... Но это было давно, а теперь уже многое известно. Известно даже и то, что Вы настояли на том, чтобы Ек. Дм. [Кускова] все, что она знала, оставила под замком на 50 — кажется — лет после ее смерти. Имеется и ответ Чхендзе ЦК меньшевиков с объяснениями, почему он примкнул к масонству. Не секрет больше, что масонами были не только Вы, но и Некрасов, Коновалов и мн. др... А покойный Давыдов — масон высокой степени — мне сказал, что русские масоны были не масонами, а заговорщиками, вся деятельность которых противоречила тому, что и как должны были поступать... При этих условиях не понимаю, как Вы можете игнорировать то, что многое известно, и делать вид, что все это фантазия, и что Вы вообще не знаете, о чем идет речь»¹.

Керенский старался конспирировать даже когда наконец тайна стала рассеиваться и сам факт участия масонов,

¹ Берберова Н. Цит. соч. С. 229, 230.

в том числе «иностранных», стал секретом полишинеля. Но так хотелось поджарить яичницу, не разбив яйца... И даже когда он решается что-то написать, это делается с теми недомолвками, которые мы уже отмечали*. И все-таки совсем не сказать о том, что его «поддели» те самые иностранные масоны, тот же Тома и компания, с которыми он до конца был тесно связан, он не мог. Да, прямо об этом в его писаниях не сказано. Как пишет Н. Берберова, он «обошел молчанием причины, по которым между январем и августом 1917 г. в Россию приезжали члены французской радикально-социалистической партии, которая во Франции в это время быстрым шагом шла к власти. Эти люди приезжали к нему напомнить о клятве, данной им при принятии его в члены тайного общества, в 1912 г., в случае войны никогда не бросать союзников и братьев по Великому Востоку, тем самым не давая ему абсолютно никакой возможности не только стать соучастником тех, кто желал сепаратного мира, но и обещать его»¹.

Умный враг Советской власти, шпион и заговорщик Локкарт высказал в своих воспоминаниях предельно ясно то, чего не решался произнести вслух А. Керенский: «Он выжил бы только при одном условии: если бы французское и британское правительства летом — осенью 1917 г. дали ему возможность заключить сепаратный мир... Чтобы скрыть свою связь с масонами и сдержать клятву, данную «Великому Востоку», Керенский говорил после 1918 г. в Лондоне, что он потому хотел продолжать войну, что якобы царский режим хотел сепаратного мира. Мельгунов считает, что царский режим этого никогда не хотел, но выдумка Керенского очень удобно помогла ему скрыть дей-

* Забавно, что в книге «Russia and History's Turning Point» («Россия и поворотный пункт истории»), вышедшей в 1966 году, где Керенский упоминает о своём масонском деле, хранившемся в полиции, он дает номер 171902, на самом деле относящийся к обществу «розенкрейцеров», где главой был великий князь Александр Михайлович,

¹ Берберова Н. Цит. соч. С. 223.

ствительную причину желания продолжать войну во что бы то ни стало: связь с масонами Франции и Англии и масонская клятва»¹.

Упомянутый здесь С. П. Мельгунов — историк, выпустивший в годы первой мировой войны цитируемый нами сборник «Масонство в его прошлом и настоящем». После Октябрьской революции он эмигрировал. За границей много писал. Знал лично ведущих участников событий того времени.

Что касается самого Локкарта, то в его компетентности не приходится сомневаться так же, как и в знании персонажей данного повествования. Достаточно сказать, что он сыграл решающую роль в спасении самого Керенского, дав ему летом 1918 года сербский паспорт для переезда в Архангельск, а оттуда в Англию, уберегая его от ареста.

Не в силах сказать, что у него вертелось на языке, Керенский прибег к любопытному приему. В своей последней книге («Россия и поворотный пункт истории») он ссылается на книгу Ф. Гренара, французского разведчика и друга Локкарта, «Русская революция» («La Révolution russe»). Керенский приводит из нее следующую цитату:

«Союзники России были ослеплены своим желанием держать Россию в состоянии войны, не заботясь о том, сколько это будет ей стоить. Они были не способны судить, что было возможно, что было невозможно в это время. Они только помогали Ленину в его игре с целью изолировать главу правительства от народа все больше и больше... Настаивая без передышки на своих требованиях, почти приказах, обращенных к Керенскому, о том, чтобы страна вернулась на нормальный путь, они не принимали во внимание обстоятельства, в которых ему приходилось работать, и фактически только еще усиливали тот хаос, с которым ему приходилось бороться. Брюс Локкарт, работавший во время войны в Английском консульстве в

¹ Lockhart R. B. Two Revolutions. London, 1967. P. 88, 113.

Москве, был такого же мнения о политической роли союзников, которую они играли в то время».

Приводя этот отрывок из книги Керенского в своем переводе, Н. Берберова пишет: «Этого абзаца в книге Грессара... нет, и имени Локкарта — тоже нет. Откуда Керенский взял этот абзац, из чьей книги — неизвестно. В книге Керенского он напечатан на стр. 385—386»¹.

Вот такая странная история. Похоже, что руководитель Временного правительства унес ее разгадку в могилу. Но если попытаться строить гипотезы, то самой простой может быть такая: не хотелось одному делить бесславие краха. Мужества сказать эти слова от себя не хватило, но он их написал — от лица других!

Дальнейшая жизнь остатков «Верховного совета народов России», протекавшая в эмиграции, вряд ли заслуживает подробного описания. Последовали преобразование «совета» в ложу «Свободная Россия», дробления, слияния, сидения на званых обедах и ужинах, полуголодное времянами существование и угасание. В начале 70-х годов последняя русская ложа в Париже не насчитала минимально необходимых для «работ» семи членов и была закрыта*.

Если говорить о наиболее позорных страницах, то это прислужничество ряда «братьев», прежде всего из бывшей «Военной ложи», германским милитаристам. К ним подались Гучков, Бискупский, Скоропадский, Краснов. Бискупский и Краснов позже служили Гитлеру.

Как не вспомнить в свете последних публикаций за рубежом слова сподвижника В. И. Ленина В. Бонч-Бруевича в его «Воспоминаниях о Кропоткине» (Звезда, 1930, № 4):

¹ Берберова Н. Цит. соч. С. 222.—223.

* Христофор Гаврилович Кафьян (1900—1971), музыкант по профессии, один из последних могокан, написал статью о «конце русского масонства». Ее прочел в ложе С. Луцкий 21 марта 1971 года (автор уже не вставал с постели). «Все сказано! — говорилось в статье.— Мы устали! Сказать нам больше нечего! Мы все умрем!». Это было последнее заседание последней ложи.

«Любопытно отметить, что А. Ф. Керенский был вскормлен масонами и был специально воспитываем ими на роль политического руководителя во время предстоящего движения за свержение самодержавия, а после — для борьбы с Советом рабочих и солдатских депутатов».

Это признавал сам Керенский. Об этом писал ряд советских историков, в том числе в последнее время. Вряд ли имеет смысл оспаривать это и утверждать, что «никакого масонства» в России тогда не было*.

Другое дело — взвешенная оценка их фактического влияния на события. Хотя Кускова и утверждала, что сетью лож была «покрыта вся Россия», реальный вес их был ограничен, как показали дальнейшие события, Керенский и его сподвижники были сметены народной бурей и на сцену выступили реальные движущие силы — трудящиеся России, совершившие Великую Октябрьскую революцию под руководством Коммунистической партии В. И. Ленина. Победили большевики, обращавшиеся к глубинным силам масс, разоблачавшие антинародные маневры тех, кто мнил себя «избранными».

Революция в России оказала гигантское влияние на весь мир, пробудила всеобщие надежды на избавление от системы эксплуатации, насилия, неравенства. Лозунги «сво-

* Касаясь такого подхода, Н. Берберова замечала: «Мицц писал о масонстве, которое то ли было, то ли нет, а если и было, то никакой роли не играло. Он тем не менее цитирует воспоминания И. В. Гессена, где бывший лидер кадетов, не масон, писал, что «масонство выродилось в общество взаимопомощи...» Справедливые слова. Но Мицц их понимает так, что масонство вообще было явлением незначительным... всерьез принимая... утверждение (Кусковой. — Л. 3.), что «русское масонство с заграничным ничего общего не имело» (типичный масонский камуфляж и ложь во спасение) и что «русское масонство отменило весь ритуал». Мы теперь знаем... что это все неправда. Мицц также твердо уверен, что никакого «Верховного Совета Народов России» никогда не было... Позиция Мицца — не только преуменьшить масонство в России, но и осмеять тех, которые думают, что «что-то там было». Заранее предвзятая позиция никогда не придает историку достоинства» (с. 267).

бода, равенство, братство» зазвучали на одной шестой части мира в своем первоначальном значении. Вряд ли это могло оставить равнодушными и тех, кто помнил их начертанными на знаменах французской революции, поднятыми на баррикадах Парижской коммуны. Среди тех, кто потянулся к новым партиям, были и масоны. Многие, надо полагать, вполне искренне разделяли цели русской революции. Некоторые вступали в ряды коммунистических партий, надеясь не упустить возможности повлиять на движение.

Влияние масонов в социалистическом и профсоюзном движении, особенно стран Южной Европы, стало заметным.

Один из ветеранов Итальянской коммунистической партии Джузеппе Берти вспоминал, что в довоенной (перед первым мировым конфликтом) Италии трудно было стать лидером профсоюза, не будучи масоном. А когда в 1914 году на съезде социалистической партии было решено объявить несовместимым для социалистов пребывание в масонстве, в одном Неаполе из почти двухсот членов партии осталось не более тридцати!¹

Вопрос о «совместимости» встал и перед коммунистами. Его подняли перед Коминтерном французские и итальянские коммунисты. Представитель Итальянской социалистической партии Грациадеи 29 июля 1920 года выступил на II конгрессе Коммунистического Интернационала против «двойной» принадлежности, которую предлагали некоторые представители из Франции. Он напомнил о принятом его партией в 1914 году на Анконском съезде решении о запрещении одновременного пребывания в двух организациях. «Через несколько месяцев вспыхнула война,— сказал Грациадеи.— Теперь мы вполне уверены, что без этого постановления наша партия никогда не смогла бы

¹ См.: *Бортолотти Ф. П. Ф. Мизиано. Жизнь интернационалиста. М., 1981. С. 41.* Кстати, среди тех, кто порвал тогда с масонством, был коммунист-интернационалист Франческо Мизиано.

занять такой непримиримой позиции по отношению к войне. Во всяком случае, она раскололась бы в один из самых трудных моментов...»¹

Грациадеи обратил внимание, что франкмасонство служит буржуазному строю как в национальном, так и в международном масштабе. Его влияние может быть еще более опасно ввиду того, что оно является тайной организацией.

«...Этот вопрос,— утверждал итальянский делегат,— не интересует русских (конечно, победа Октябрьской революции выбила почву из-под ног «братьев» в нашей стране.— Л. З.), но имеет громадную важность в латинских странах, в Англии и Америке. Франкмасонство пользуется довольно большим влиянием в этих странах. Оно является политической организацией, стремящейся к завоеванию и удержанию власти; оно группирует промышленников, ученых, дельцов. Эта организация основывается на мировоззрении, резко противоречащем социалистическому, марксистскому мировоззрению. Франкмасоны пытаются затушевать различия между классами, прикрываясь абстрактным и формальным пониманием теоретических прав. Вдобавок это организация тайная... Товарищи, примыкающие к франкмасонству, могут нас контролировать, в то время как мы не имеем возможности контролировать их в их организации»².

Выступление Грациадеи было выслушано со вниманием, однако решения по этому вопросу не было принято. К нему вернулись через полтора года на IV конгрессе Коммунистического Интернационала. На этот раз делегаты одобрили резолюцию «Франкмасонство. Лига прав и буржуазная печать».

В ней пояснялось:

«II конгресс Коммунистического Интернационала не присоединил к условиям вступления в Интернационал осо-

¹ II конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 223—224.

² Там же.

бого пункта о несовместимости коммунизма с франкмасонством только потому, что считал это само собой разумеющимся и, как явствует из протоколов, не допускал самой мысли о возможности одновременной принадлежности к партии пролетарской диктатуры и к чисто буржуазной организации, прикрывающей избирательно карьеристские проныски формулами мистического братства...

Принимая во внимание, что самый факт принадлежности к масонству, независимо от того, преследовались ли при этом в данном случае те или другие материальные, карьеристские и другие порочащие цели, свидетельствует о крайней неразвитости коммунистического сознания и классового достоинства, IV конгресс признает необходимым, чтобы товарищи, которые принадлежат до сих пор к масонству и которые ныне порвали с ним, не могли в течение двух лет занимать ответственные посты в партии. Только напряженная работа на пользу революции... может вернуть этим товарищам полноту доверия и восстановить их права на занятие в партии ответственных постов»¹.

Вторая часть резолюции касалась необходимости выхода для коммунистов и из Лиги защиты прав человека и гражданина. Она была связана с первой частью, поскольку Лига эта, подобно Альянсу, в котором состоял Бакунин, была филиалом масонства.

Приведенные документы недвусмысленно говорят: наша партия, международное коммунистическое движение понимали буржуазную сущность масонства, недопустимость его проникновения в коммунистические партии.

Пребывание в «братстве» приравнилось к враждебной деятельности против партии. «Утайка кем-либо своей принадлежности к масонству,—говорилось в резолюции IV конгресса,—будет рассматриваться как проникновение в ряды партии вражеского агента и наложит на соответ-

¹ Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала № 32. Москва, 9 декабря 1922 г. С. 28—29.

ственное лицо пятно бесчестия перед лицом всего пролетариата»¹.

Там же содержалось обращение к компартии Франции «не позже 1 января 1923 года ликвидировать все связи партий, в лице отдельных ее членов и групп, с франкмасонством».

Среди тех, кто сделал свой выбор в сторону дела коммунизма и заявил о разрыве с масонством, был бывший социалист Марсель Кашен. Остался в компартии, скрыв свои связи с масонством, Андре Марти. Впоследствии он был исключен из партии. Такие лица из руководящего состава ФКП, как Ш. Люсси, А. Моризе, А. Коэн, выбрали масонство. А. Коэн в 1956 году стал Великим мастером Великой ложи Франции.

К оценке франкмасонства с марксистских позиций нередко возвращались руководители ряда коммунистических партий. Антонио Грамши, находясь в фашистском заточении, не раз набрасывал эскизные заметки о масонстве, как западноевропейском, так и американском, о старинном и современном. Видимо, есть смысл познакомиться с мыслями Грамши. Так, он находил «очень интересным и, по-видимому, достаточно объективным» суждение ватиканского органа «Чивильта каттолика» о том, что после первой мировой войны имела место попытка реорганизовать силы франкмасонства под руководством франко-бельгийского и патронатом американского масонства².

Рассматривая религиозный аспект проблемы, А. Грамши называл масонство «позитивистской церковью и светской религией мелкой городской буржуазии, к которой большей частью примыкает так называемый анархо-синдикализм»³.

¹ Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. М., 1933. С. 348.

² Quaderni del carcere. Roma, 1977. P. 934.

³ Ibid. P. 98.

Подмечал он и эволюцию масонства от первоначальных его воззрений к идеологии «избранных» развитого капиталистического общества. «Теизм «иллюминатов» являлся религией европейского масонства, но без символического и космического аппарата и с той разницей, что религия «Ротари» не может стать универсальной: она свойственна избранной аристократии (избранному народу, избранному классу), которая преуспела и продолжает преуспевать; ей свойствен принцип отбора, а не обобщения, наивного и примитивного мистицизма, характерного для тех, кто не думает, а действует, как американские промышленники»¹.

Ряд этих мыслей перекликается с теми, которые в 1935 году высказал Пальмиро Тольятти, выступая в Москве с упоминавшимися ранее «Лекциями о фашизме».

В своих воспоминаниях затрагивает тему масонства и Долорес Ибаррури, отмечая, что «в важнейшие моменты современной истории Испании влияние масонов приобретало решающий характер». Ветеран коммунистического движения указывает на буржуазный характер течения «каменщиков», в котором либеральные, антифеодальные тенденции сменялись все более антипрогрессивными («масонство превращалось в один из каналов для проникновения идеологического влияния буржуазии в ряды рабочего класса»).

«Президент республики Мануэль Асанья и лица из его ближайшего окружения были масонами,— пишет Д. Ибаррури.— Но значительная часть «братьев» перешла к мятежникам. Когда начался военно-фашистский мятеж, часть армии, а следовательно и часть офицерского состава, прежде всего представители высшего командования, принадлежавшие к масонским организациям,— констатирует Д. Ибаррури,— стала на сторону Франко».

По мере ухудшения положения и та часть офицеров-масонов, которая первоначально была на стороне республиканцев, стала менять свои позиции, содействовать тому,

¹ Quaderni del carcere. P. 65—66.

чтобы создавать «на болотистой почве антикоммунизма блок пораженцев...».

Автор приходит к недвусмысленному выводу о роли масонов в поражении республиканцев: «Приняв участие в интригах и махинациях, сплетенных за пределами нашей страны, они превратились в силу, оказывавшую отрицательное влияние на судьбы республики»¹.

Таким образом, различные оттенки масонства, его роль интегратора интересов крупной буржуазии в капиталистическом обществе не ускользали от внимания и анализа крупнейших представителей коммунистического движения.

В передовой статье в газете «Работническое дело» 22 июля 1946 года Г. Димитров писал:

«Часто общественность удивляется тому, что известные государственные деятели быстро и на первый взгляд без достаточных оснований меняют свои позиции по весьма существенным вопросам, касающимся нашего государства и нашей нации, или говорят одно, а делают совершенно противоположное.

Для поверхностного наблюдателя это нечто нелогичное и совершенно непонятное. Для тех же, кто знаком с деятельностью разных масонских лож, вопрос достаточно ясен.

Указанные деятели в качестве членов масонских лож обыкновенно получают указания и директивы от соответствующей ложи и подчиняются ее дисциплине, что находится вразрез с интересами народа и страны»².

Особенно активно на Западе работа «по ту сторону баррикад» по масонским каналам ведется в моменты больших социальных конфликтов, общественных всплесков, в пики напряженности, когда надо сбить накал, отвратить от рабочего движения массы, население.

¹ Ибаррури Д. Воспоминания: Борьба и жизнь. В 2 кн. М., 1988. Кн. 1. Единственный путь. С. 419—421.

² Димитров Г. Сочинения. София, 1954. Т. 12, С. 235—236.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Подземная река» мельчает — «Братья» составляют пятилетние планы — Основной закон? Закон прибыли!

Кризис масонства особенно проявляется в его духовном падении, в победе ночи над днем, иррационального над светом мысли. Оно плохо терпит самостоятельность и дерзость мысли, таланта. Вот почему некогда культурно богатое течение «каменщиков» не имеет более в своих рядах Моцартов, Бетховенов, Бомарше, Гольдони, Байронов, Шелли, Гёте, Гюго... Капиталу нужны слуги, исполнители, проводники идей, связанных не с духовными, а банковскими ценностями.

Парламентское и отчасти судебное расследования подрывной, антидемократической деятельности ложи «П-2» в Италии, книга Стивена Найта, обратившая внимание британской общественности на оживление активности масо-

нов, побудили критически посмотреть на отдельные стороны масонского движения и в других странах.

В ноябре 1985 года финская газета «Хельсингин саномат» раскрыла наличие в Финляндии специальной ложи, в чем-то похожей на «П-2» — «Суоми Лооси I». В ложе, ставившей целью «закрепление связей Финляндии с Западом», в одной упряжке работали американские и британские разведчики, работники финских вооруженных сил, разведки и бизнеса. Бывший чиновник ФБР, американский финн Дж. Раймонд Юлитало, начальник политического отдела посольства США в Хельсинки, в своих мемуарах рассказал, как через «братьев» распространялись провокационные слухи, чтобы обвинить коммунистов в подрывных целях и вызвать по отношению к ним репрессии.

В Израиле Великая масонская ложа — ровесница провозглашения этого государства, а число ее членов не превышает трех тысяч, но она лишь частичка большого числа масонских и сионистско-масонских организаций, объединенных заботой об Израиле.

История возникновения последних — тема отдельного исследования. А в рамках книги отметим, что сионистско-масонская ложа — «Бнай-брит» («Сыны завета») имеет отделения более чем в сорока странах мира, но главным из них остается американское. Влияние ее столь велико, что эта ложа, как и международные сионистские организации (Всемирная сионистская организация была создана в США под эгидой «Бнай-брит» в 1897 году), обосновавшиеся в США, устраивают «смотрины» кандидатам в президенты страны.

В Англии «Санди таймс» сообщила о начале движения в стране с целью демаскировать масонов в местных органах управления. Любопытно, что инициатором «чистоты рядов» стала та самая партия, которая ранее, в период нахождения на посту премьер-министра масона Эттли, противилась расследованию проникновения масонов на высокие посты.

Стивен Найт привел пример, как в апреле 1951 года предложение депутата-лейбориста Лонгдена назначить комиссию по расследованию влияния масонов на политическую, религиозную, социальную и административную жизнь в Великобритании было пресечено заявлением министра иностранных дел Англии Моррисона: «Мой почтенный друг премьер-министр не думает, что расследование такого рода было бы приемлемым». А другой депутат-масон вскочил и драматически спросил: «Не будет ли такое расследование нарушением прав человека?»¹

А в марте 1985 года уже в Европейском парламенте член лейбористской фракции Питт потребовал, чтобы члены парламента, а также чиновники ЕЭС в обязательном порядке объявили, принадлежат ли они к масонским ложам. Питт добавил, что «глубоко обеспокоен влиянием масонства».

Не затихает до конца и скандал ложи «П-2» в Италии. В начале 1989 года произошли манифестации протеста в Ареццо, куда вернулся освобожденный «по мотивам здоровья» Личо Джелли и где он начал раздавать интервью прессе, обещая издать сразу в Италии и Швейцарии свои «мемуары», от которых не поздоровится его противникам и бывшим друзьям, которые от него открестились.

О том, что метастазы его организации отнюдь не ликвидированы, несмотря на принятые после разоблачения его ложи правительственные меры, свидетельствует судебный процесс, начатый в марте 1989 года в Болонье, городе, где связанные с Джелли фашистские боевики устроили 2 августа 1980 года взрыв на вокзале, унесший сотни жизней. Судебные власти разослали более 50 повесток лицам, на первый взгляд далеким от криминальных кругов. Скорее их можно отнести к «столпам общества». Здесь ректор всемирно известного, старейшего в Европе Болонского университета Фабио Роверси Монако, директор крупнейшей кли-

¹ Knight S. Op. cit. P. 208—209.

ники Св. Урсулы Марио Дзанетти, профессор той же клиники Джованни Гасбаррини и другие. Все они входят в две секретные масонские ложи — «Замбони Де Роландис» и «Виртус», относящиеся к тому самому направлению итальянского масонства «площади Иисуса», которое сделало в свое время Муссолини «почетным каменщиком».

«Бароны» от медицины, как их называют, принадлежат к числу наиболее высокооплачиваемых специалистов. А к деньгам «братья» всегда относились с максимальным вниманием. Указанные личности входят в так называемые «профессионально-технические секции» итальянского масонства, которые протежируют «братьям», расставляя их в наиболее значных по врачебным гонорарам местах, либо на кафедрах учебных заведений, где заработкам соответствует и высокий престиж. Из тех же кругов, как сообщил 24 сентября 1989 года итальянский еженедельник «Панорама», исходит идея создания к 1992 году общеевропейской суперлоги по типу «П-2».

Разумеется, как всегда, когда дело заходит о расследованиях незаконных действий масонов, они сталкиваются с самыми различными препятствиями. От одного следователя дело неожиданно передают другому. В Болонье следствие передали дочери одного из членов ложи «П-2», и ей пришлось подать в отставку.

Но важно отметить другое — юридическое разбирательство дел идет, деятельность «братьев», ранее беспрепятственная, считается противозаконной. При этом судебные власти обвиняют их в нарушении закона о секретных ассоциациях, который был принят вместе с решением об официальном роспуске ложи «П-2» в 1982 году. Закон этот запрещает деятельность «ассоциаций, которые, в том числе, действуя внутри открытых организаций, скрывая свое существование, скрывая полностью или частично свой состав, направляют свои усилия на вмешательство в дело исполнения своих обязанностей конституционными органами, общественной администрацией... общественными организаци-

яни, в том числе экономического характера, а также основными общественными службами национального значения»¹.

Недовольство характером деятельности масонства проникает и в ряды самого «братства». Один из руководителей масонства ФРГ Холторф, например, осенью 1985 года жаловался на «опасную разоблачительную журналистику», которая в «неблагоприятном свете» представила «братьев» в связи со скандалами последних лет. Он попытался как-то обелить образ масонства и даже сам написал работу о том, что «П-2» якобы не являлась по-настоящему масонской. Но сам же выразил беспокойство, как бы парламентское расследование и другие факты разоблачения масонов не стали для них злым роком.

Даже в США, нынешний оплот «братства», стали проникать сходные настроения. На конференции великих магистров Северной Америки в феврале 1985 года отмечалось, что многие ложи пребывают в состоянии летаргии. Великая ложа Пенсильвании даже предложила провести своего рода пятилетку с целью увеличения числа своих членов, назвав это «проект Соломон II».

Недовольство и разлад в движении масонов говорят о многом. Прежде всего о том, что многие «братья» устали от того, что их оставляют в неведении о главных целях тех, кто управляет движением...

Масонство и финансовый капитал. Масонство и военная машина. Масонство и прибыль. Когда оголяешь подобные связи, всегда подвергаешься опасности, что оппоненты обвинят тебя в упрощении.

Что бы подумали читатели, встретив утверждение, что «основным законом» центрального проекта масонства «является просто-напросто закон прибыли», а также установление всемирного «экономического правительства»?

Кто это сказал? Марксист? Антимасонский памфлетист?

¹ Repubblica. 1989. 10 marzo.

Нет. Это слова друга Джелли, члена ложи «П-2» писателя Пьера Карпи.

Глава ложи «П-2» твердо усвоил цели, преследуемые современными приверженцами масонских лож. Ему ли не знать идеи и доктрины течения, чей филиал он возглавлял в Италии? Пьер Карпи, по существу, не сказал ничего своего. Он изложил те истины, которые Джелли привозил из США и проводил их в жизнь в Италии.

Поэтому послушаем подробнее, как их резюмирует автор, защищавший Джелли от обвинений в том, что он будто бы в чем-то мог отойти от мировоззрения и правил поведения «каменщиков».

Вот они, фундаментальные истины о пути и программе масонства. Мы даем их не утрируя, не вырывая из контекста, а в той последовательности, как излагает их официальный писатель ложи «Пропаганда-2».

«Курс масонских сообществ разных стран, в том числе Италии, сильнейшим образом определяется Соединенными Штатами Америки, страны, где масонство наиболее могущественно».

«Фундаментальным для такой ориентации являются позиции транснациональных монополий, большинство руководителей которых является членами масонских лож»*.

«Под англо-американским влиянием масонами выработан проект будущего переустройства мира. Его критерии гораздо менее утопичны, чем можно было бы представить. Он предполагает ликвидацию национальных границ при сохранении этнических, религиозных и традиционных особенностей разных народов.

Основным законом такой «утопии» является просто-напросто закон прибыли и установление всемирного «экономического правительства». По той же логике транснацио-

* Мы сохраняем здесь в неизменности стиль автора, позволяя себе только подчеркивать отдельные фрагменты его высказываний.

нальные монополии ставят своей задачей подчинить себе экономику других стран.

В капиталистических странах масонство поощряет развитие тенденции, согласно которой законным социальным инструментом должна рассматриваться собственность. При этом использовать ее следует, прежде всего установив над торговлей и промышленностью контроль особых и узких корпораций, отождествляющих собой экономическую, а тем самым прямо или косвенно политическую власть»¹.

Так звучит проза, на которой говорят магистры масонства. От лозунга Свободы, Равенства, Братства они перешли к прямой апологии прибыли, диктата монополий во всемирном масштабе. Такова эволюция идей тех, кто скрывается за фасадом масонского храма.

От автора

Работа над книгой заняла ряд лет. «Закрытость» темы, о чем говорилось во введении, недостаток фундаментальных исследований, необходимость сопоставления контрастирующих между собой источников и другие трудности привели к тому, что написание книги продвигалось нелегко. Хотелось бы выразить благодарность тем, кто помог в изыскании материалов и их обработке. Прежде всего — коллегам-журналистам, сигнализировавшим о выходе в ряде стран трудов по масонству, присылавшим нужные статьи и справочники. Среди тех, кто помог отыскать редкие архивные материалы, уточнить факты, внося вклад в обработку сложных по лексике материалов, хотел бы отметить Г. Васильеву, А. Иванова, В. Нехотина.

Хочу также выразить сердечную признательность Цецилии Исааковне Кин, которая все эти годы поддерживала во мне убежденность в необходимости и полезности такого исследования.

¹ *Carpi P. Op. cit. P. 133—135.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. «Пирамида», опрокинувшаяся на Италию	20
Ложа «П-2» — теневое правительство — Можно ли считать их правоверными масонами? — Причины возвышения Джелли — Мессия от ЦРУ — Перманентный заговор — Как организовывалась «стратегия напряженности»? — Тот, кто касается проводов, умирает — «Опасная фигура» Альдо Моро — «Гиперион» — прикрытие ЦРУ — Гибель банкиров ложи Джелли — «Почтенный магистр» уходит, империя остается	—
Глава II. Военная прослойка в масонстве	65
Экскурс в историю — Современные кузнецы оружия — У каждой базы — своя ложа — Гонка вооружений под эгидой масонской мифологии	—
Глава III. У истоков «подземной реки»	80
Прагматичный Дедал — Пример Адонирама — Знания служат мистификации — Во что верят масоны? Тройное имя — Латы под фартуком — Рыцарский бизнес	—
Глава IV. «Героический период»	114
Тайные общества под защитой цехов — Когда завершилась инкубация — Ватикан узрел опасность — «Храм» надстраивается — Божественное золото — Пробил час и фаланга пришла в движение — Все больше банков, все меньше свобод — Масонство в России — Декабристы выходят из лож — Лев Толстой о «братстве» — Отставка Гарибальди	—
Постскриптум	165

Глава V. От «избранности» к «сверхчеловеку»	176
Цель оправдывает средства — «Туле» помогает Гитлеру — Черные птицы из одного гнезда — Фюрер перенимает магию доктрин — Полет Гесса к «братьям» — Итальянский дубль	—
Глава VI. Послевоенные заботы «архитекторов»	209
Заокеанский «большой брат» — «Демократическая монархия» — Доктрина «неограниченного вмешательства» — Тактика меняется, суть остается	—
Небольшой постскриптум	227
Глава VII. По иную сторону баррикад	229
Плоские мудрости «иллюминатов» и антирабочие «герои» Карлейля — Массонский «Альянс» против Интернационала — «Великий Восток» шагает на Восток — Мемуары Милюкова и волнения Кусковой — Коминтерн решил: Несовместимо! — Димитров предупреждает об опасности	—
Заключение	280
«Подземная река» мельчает — «Братья» составляют пятилетние планы — Основной закон? Закон прибыли!	—
От автора	286

В этой книге содержится попытка осмысления пути и сущности масонства, его тенденций. Абсолютизировать его власть и влияние, исходить из неизменности его установок в веках вряд ли разумно. Но и закрывать глаза на его роль нельзя. Масонство — исторически обусловленное явление. В какие-то периоды оно играло большую, в какие-то — меньшую роль. Какую конкретно? Уяснить себе его истинную роль можно только на основе анализа конкретных фактов, их сопоставления.